

РУССКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

И

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ВЫПУСКЪ Ш.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чпобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1838 года Августа 9 го дня.

Ценсоръ В. Флеровъ.

РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Издан. П. Снегирева.

-
- I. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
 - II. КРАСНАЯ ГОРКА.
 - III. РАДУНИЦА.
 - IV. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.
 - V. СВИСТОПЛЯСКА.
 - VI. ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННИЙ.
 - VII. ПЕРВОЕ МАЯ.
 - VIII. ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.
 - IX. СЕМЕКЪ.
 - X. ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.
-

I.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы отъ сна зимняго и со вступленіемъ солнца въ знакъ Овна начинающія весенніе праздники, гулянья и хороводныя игры, копорыя имѣють отношеніе къ времени года, климату, мѣспности и связь съ жишейскимъ быпомъ Русскаго народа.

Весна, подобно солнцу, называется *красною*. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весна именуется *яръ*, *gár* (произя. *яръ*); у Скандинавовъ *vár*, *vor*, начало весны, на Исландскомъ азг значить годъ, весну, жашву (1). Слова сіи производствомъ и знаменованіемъ сходны съ Греческимъ *ἔαρ* весна, происходящимъ отъ Еолійскаго *ἄρ*, вмѣсто *ἦρ*, Лапин. *ver*. *Ярѣ* является и олицетвореннымъ въ Славянскомъ мірѣ. Въ Далмаціи донынѣ сла-

(1) Нѣм. *Jahr*. Но Слав. *яръ* и Сканд. *var* кажутся пождественными съ Славянорусск. *варъ* и *жаръ*. — Edda rythmica, sev antiquior, vulgo Saemundina dicta. v. III. Havniae 1828, in 4.

вѣсть *Яра* на свадебныхъ пиршествахъ (2), отъ котораго происходитъ и *яровое* и пр. Слова сія, по видимому, однородны съ Славяно-Русскимъ *Ирѣ*, которое издатели Духовной Владиміра Мономаха почитаютъ за Сарматское слово, объясняя его восходомъ солнечнымъ и теплыми мѣстами, или краями, куда около Покрова дикія птицы улетаютъ и отсюда прилетаютъ около Благовѣщенья (3). Въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ весна называется *пролѣть*, въ Боснійскомъ *prolitje*, *primaletje*; а первые три весенніе мѣсяца Мартъ, Апрель и Май въ старомъ Рускомъ языкѣ — *пролѣтіелѣ* и *пролѣтими*, какъ бы предлѣтіемъ. У Чеховъ и Словаковъ первый день Марта, или Березозоля, извѣстенъ былъ подъ именемъ *Letnice*, *Ženské Letnickj*, вѣроятно отъ Славянской Лѣтницы, Лепы, Ляпоны; въ народномъ Рускомъ языкѣ *лѣто* часто употребляется вмѣсто весны.

Чтожь касается до слова *весна*, то оно уже встрѣчается въ Славянской Библии, гдѣ описывается состояніе земли послѣ Потопа (4). Оно созвучно, черезъ преложеніе, съ Еврей-

(2) *Карамз.* II. Г. Р. I, 88.

(3) „И сему подивуемся, како птицы небесныя изъ *Прѣя* „идуть.“ см. Духовная В. К. Владиміра Моном. Слб. 1793, въ 4. *Лѣто* у Виновъ — годъ.

(4) *Бытія* VIII, 22: „Лѣто и весна не престануть.“

скимъ Nisan, именемъ не только Марта, но и другихъ весеннихъ мѣсяцевъ (5), изъ коихъ Апрель называется Iar (Мартъ). Рейфъ въ Рускомъ Словарѣ производитъ слово *весна* отъ Санскритскаго *Vasantá*, праздникъ *вешній*; но, кажется, оно созвучиѣ съ Инд. *Вишну*, который почитается за первое начало питательныхъ водъ, за связь всѣхъ существъ (6). Впрочемъ отъ ясности вешней погоды это время года могло быть названо *ясна*, а съ прибавленіемъ губной буквы *в*, нашей дигаммы въ нѣкоторыхъ словахъ: *в*—*ясна*!

Ето отъ мѣсяцъ, по причинѣ случающагося въ немъ весенняго равноденствія, былъ священнымъ у всѣхъ народовъ, а время непосредственно предъ вступленіемъ солнца въ знакъ Овна было у многихъ порою печали и сътнованія. Индійцы въ началѣ Марта праздновали малый праздникъ *Durga*, или природы - богини, коей большой праздникъ совершался въ осеннее равноденствіе. Оба сіи праздники вспрѣчаются съ обоими Байрамами Мусульмановъ. Около етого времени (24 Марта) въ Римѣ бывалъ Цибеллинъ праздникъ *Sanguen*, на коемъ жрецы

(5) Dictionnaire historique, critique, chronologique, geogr. et liter. de la Bible, par D. A. Calmet. à Toulouse. t. IV. 1784, in 8.

(6) Religions de l'Antiquité, ouvrage traduit du D. Fr. Krenzer. t. I. à Paris, 1825; in 8.

ея оплакивали убиеннаго Аппса — по мнѣнію Макробія — символъ солнца, возвращеніе ко- его на весну въ слѣдующій день встрѣчаемо было общимъ радостнымъ праздникомъ, *Nilaria* (-). Такъ какъ, по древнему Персидскому календарю, Мартъ былъ не *Ferwerdin*, но *Ader*, поже что Египетскій *Athyr*: то надобно еще замѣшить, что въ епомъ мѣсяцѣ Египтяне вспоминали, общимъ сѣтованіемъ, погребеніе Озириса, который не что иное, какъ солнце, отсутствующее и возвращающееся на весну подъ изображеніемъ убиеннаго владыки и гроба. Въ мѣсяцѣ Адеръ бывала также порже- ственная ѣзда на ослѣ, на котораго сажали, на посѣщеніе народу, балагура; подобный обрядъ на Западѣ наблюдаемъ былъ въ средніе вѣки и даже въ новѣйшія времена. По свидѣ- тельству Плутарха (8), въ Аѣинахъ пальмо- выя вѣтви носимы были по спогнамъ гра- да въ праздникъ Вѣшвеноспенія что и до- нынѣ совершается на всемъ Воспокѣ при брачныхъ обрядахъ. Также въ Индіи, въ концѣ Марта мѣсяца, или въ началѣ слѣдующаго встрѣчаемъ былъ съ пламенниками праздникъ *Darmaradscha* и *Drobede*, въ продолженіи коего

(7) A. *Macrobii viri consularis Saturnaliorum. Eucharius Cervicor. excedebat. an 1526, in. f.*

(8) *Plutarchi Theseus, c. 23. — W. W a t s o n u t t s Hellen. Alterthümefunde. Halle. 1829. 3 Th. in 8.*

посыпались главы пепломъ. Наконецъ, въ весеннее равноденствіе впадалъ одинъ изъ двухъ великихъ праздниковъ у Іудеевъ, *новый св. годъ*, у Персовъ *Newguss*, праздникъ новолѣтія (9).

Какъ Мартъ изкони почитался первымъ мѣсяцемъ міра: по и въ Россіи до XVI вѣка признаваемъ былъ за первый мѣсяць гражданскаго года и сопровождался разными обрядами и играми. Къ етому давала поводъ сама обновлявшаяся природа: ибо, когда послѣ весенняго равноденствія начинаюся *утренники*, подуютъ теплые вѣтры весенніе, красное солнце согрѣваетъ застывшую землю, *сѣ горѣ* текутъ вешнія воды; тогда поселянинъ вызывается къ дѣятельно-сти изъ курной душной избы на проталинки, на чистыя поля и привольные луга; по мѣстамъ бываюшъ торги и *ярмарки*, которыя оживляютъ народную промышленность и способствують къ сближенію людей. Въ вешнюю пору, когда земледѣлецъ собираетъ сѣять *яровое* и садитъ хмель *ярый*: тогда варится *Мартовское пиво*, прославляемое Русыми пословицами и играюся на красную горку свадьбы: имъ предшествують и за

(9) Die Feste der alten Christen, oder Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von D. J. B. Jug u s t i. III B. Leipz. 1820, in 8.

ними послѣдуютъ хороводныя пѣсни и игры: онѣ шоржесшвуютъ *ладѣ* двухъ началъ міра, проявляемаго человѣкомъ, и обоихъ половъ, изъ которыхъ одинъ преобразуется солнцемъ, а другой луною, которая именуется у Поляковъ *księżyc*. Какъ простой народъ называетъ солнце *Княземѣ*, а мѣсяцъ, или луну, *Княгиною*: то, вѣроятно, по етому и новобрачный величается *Княземѣ*, а новобрачная *Княгиною*. Самая церковь при вѣчаніи обручаетъ перваго сѣмволомъ солнца, золотымъ перспнемъ, а другую сѣмволомъ луны — серебрянымъ перспнемъ, въ преобразование подчиненія послѣдней первому, и полагаетъ на главы ихъ сѣмволъ вѣчнаго союза — *вѣнцы*, извѣстные въ древностяхъ Греческихъ и Римскихъ (10).

Главный же изъ праздниковъ весеннихъ языческаго происхожденія, знаменующій собою союзъ природы съ жизнію человѣческою — *закликаніе весны*, соединенное съ *изгнаніемѣ* мерзвящей *зимы*, или *смерти*; онъ извѣстенъ не только у Балтійскихъ Славянъ, но и во многихъ мѣстахъ Германіи подъ разными названіями.

У Скандинавовъ, особенно у древнихъ Шведовъ, начало весны или *Höfudblót*, въ Язы-

(10) Потребныхъ мірской. Москва. 1639. въ шестъ.

чеспвѣ было главнымъ и великимъ празднествомъ, особливо въ Упсалѣ (11), которое сопровождалось торжественными жертвоприношеніями, торгами, играми, въ продолженіи цѣлой недѣли, въ концѣ Феврала, который у язычниковъ и Хрістіанъ именовался мѣсяцемъ *очиствительнымъ*. У Чеховъ и опчаспи у Нѣмцевъ первое число Марша почипалось за начало весны и первымъ днемъ въ мірѣ. *Nie wart der erst dag in der welta*, по старинному Нѣм. календарю (12). Какъ у Персовъ, такъ и у древнихъ Славянъ тогда въ Язычеспвѣ совершалась торжественная призна съ жертвоприношеніями и факелами: во многихъ Славянскихъ земляхъ донинѣ, по замѣчанію Карамзина, сохранились слѣды праздника въ честь мертвыхъ, сходнаго опчаспи съ Рускою Радунцею, когда, по свидѣтельству Спюглава, *творили оклики покойникамъ*. Въ началѣ Марша тамъ воспѣвалась кончина зимы и сжигалось соломенное ея чучело (13). Етошь праздникъ у южныхъ Шведовъ и Готѣовъ, у Силезцевъ и

(11) Edda Saemundina, p. III. continens locupletissimum prisorum borealium Theosophicae Mythologiae Lexicon atque eorundem gentile Calendarium.

(12) Geschichte der Meinungen älterer u. neuerer Völker, 2 Th. Stendal. 1784, in 12.

(13) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von Dr G. Klemm, Dresden. 1836, in 8.

Чеховъ также извѣстенъ подѣ именемъ замореной зилы и возобновляющейся весны. См. *Масляница*. У послѣднихъ весна, называемая *Мараною*, встрѣчается пѣсней:

Giż nesm smret ze wsy,

Nové léto do wsi.

Wjtey léto libezné,

Obiljéko zelene!

п. е. „Уже несемъ смерть изъ веси; а новое „лѣто въ весъ. Здравствуй, любезная весна и „обиліе земное (зеленые хлѣба)!“ Около етого времени, донынѣ въ Бѣлоруссіи и Липвѣ поселяне носятъ пищу на могилы родительскія.

Польскій Историкъ въ XVI вѣкѣ Маршинъ Бѣльскій говоритъ: „Мечиславъ въ „965 году отъ Р. Х. приказалъ бросить въ огонь деревянные испуганы, а каменные по- „пошить въ водѣ. Опного и донынѣ (п. е. „до 1576 года) существуеетъ пошеъ обычай „въ великой Польшѣ и Силезіи, что седьмого „Марша пошеатъ *Маржану*, нарядивъ ее женщи- „ною и вышедши изъ деревни, пошеатъ: Смерть „вѣшся по заборахъ, ища себѣ поживы.“ Ю- „акимъ Бѣльскій въ 1597 г. подтверждаетъ свидѣтельство своего опца слѣдующими сло- „вами: „На моей еще памяти, существовалъ „у насъ етошеъ обычай по деревнямъ, что „въ бѣлую недѣлю (соопвѣтствующую 5 й „недѣлѣ великаго поста, или похвальской)

„попили болвана, нарядивъ снопъ конопли
 „или соломы въ одежду челоуѣка: его про-
 „вожала вся деревня къ ближнему озеру или
 „пруду, гдѣ снявъ съ него одежду, бросала
 „въ воду съ приговорами“ (14). Изъ древняго
 обычая и свидѣтельствва Бѣльскихъ видно,
 что Маржана была женщиною, а чучело —
 образомъ ея кумира, хотя Лелевель и почи-
 шаетъ Маржану за распеніе, извѣстное у
 насъ подъ именемъ марены, полагая, будто
 оно сообщило названіе народному празднику.
 Длугошъ (15) сравниваетъ *Маржану* съ Це-
 рерою, матерью и богинею земныхъ плодовъ,
 и свидѣтельствуесть о великомъ почтеніи къ
 оной Поляковъ: что подтверждаетъ и Нару-
 шевичъ. Такое противорѣчіе въ значеніи Мар-
 жаны, сходной съ Славянскою Сивою, Виндій-
 скою Дзидзилією и Чешскою Мораною, согла-
 сить можно тѣмъ, что въ матери-землѣ со-
 четаваются смерть, рожденіе и плодотвор-
 ность (16).

Слѣды епотога мѣта, относящагося къ вре-
 мени года и къ жизни челоуѣческой, встрѣ-
 чаются въ Исландской, Нѣмецкой и Славяно-

(14) *Kronica Marcina Bielskiego*. Warschawa, 1764. f.

(15) *Ioannis Dlugossii historiae Polonicae libri XII*, ed. Gabr. Groddeckii. Lipsiae. 1711, f.

(16) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von Anton Sfanу. 2 T. Snaim. 1827, in 8,

Руской Мифологіяхъ. У Исландцевъ *Maга*, или *Marra*, у Англичанъ *Night-mare*, у Веспфальцевъ *Nachtmaré*, у Чеховъ *Mogusi* значить *кикимо-ра*, постѣнь, о коемъ Скандинавы думали, что онъ мучить людей во время сна до тѣхъ поръ, пока не лишитъ жизни. Ещо подтверждается Исландскою поговоркой: *Magen trad hann*, т. е. постѣнь его давитъ, верхомъ ѣздитъ, поже чшо у Нѣмцевъ: *der Mahr ihn drückt*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Юмландіи употребляется слово *Maга* вмѣсто кляшвы, у Нѣмцевъ *Mahr*, домовоі, привидѣніе. Въ Польскихъ мифахъ *Maга* также значить призракъ, ошъ коего производятъ и *Marzes*, какъ видно изъ слѣдующихъ словиць :

Sen mara, Bóg wiara, т. е. сонъ мечта, а Богъ вѣра, или Грозень сонъ, да милостивъ Богъ.

Miesiąc marzec zwykł starych straszyc marami, т. е. мѣсяць Маршъ привыкъ спращать спариковъ марамъ (призраками) (17).

Въ Малороссіи между проспымъ народомъ сохранилась слѣд. брань, напоминающая *Мара-ну*: *Мара свитова*, т. е. ека ты сапана! разумѣя подъ ешимъ злаго, душегубнаго духа, лешающаго по свѣпу и сходнаго съ Рускою *Варагушею*, *Кучлохою*, *Веспухою*, *Віошницею*, кошорая ве-

(17) *Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach*; opisane p. L. Gołębiowskiego. w Warschawie. 1831. in 8.—Замѣч. Профессора Любоіки.

сною насылаешъ лихорадку мучить людей. Въ Карпапахъ доселѣ также извѣстна брань: *Мара бы тя взяла!* Изъ ешого видно, что какъ весною, при переходѣ одного времени года къ другому и взаимной борьбѣ того и другаго, состраждаетъ природа, а съ нею и человѣкъ: то сіе и олицетворено въ Марѣ (mors, морь?). У Малороссіянъ Веснянка есть остатокъ Мараны, забытой въ Польшѣ и неизвѣстной въ Великой Россіи. Въ Харьковской Губерніи *Мареною* пазывается чучело изъ черноблена, одѣтое въ женское платье; вокругъ его дѣвки въ Семикъ поютъ и пляшутъ. Если имя Мараны означаетъ, что Маршъ былъ временемъ посява: то чинители ея должны были жить южнѣе, чѣмъ ихъ попомки, которые не могутъ сѣять яроваго прежде Апрѣля на Сѣверо-Востокѣ Россіи (18). Вѣроятно Маршъ, какъ первый мѣсяцъ первой половины года, начинающейся съ весенняго равноденствія, долженъ быть порою сѣянія у народа земледѣльческаго, помятавшагося Маранѣ, смотря по географическому его положенію, а *закликаніе весны и изгнаніе зимы* — остатками празднества въ честь ешого божества, въ коемъ смѣшиваются разноплеменные мѣны.

(18) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie.*
à S. P. 1795, in 8.

Въ Украинѣ весною (такъ какъ въ Греціи *χελιδόνια*) дѣшн нося въ рукахъ сдѣланную изъ дерева ласпочку, ходящъ съ нею по домамъ славящъ наступленіе весны, которая именуется въ Малороссіи *Ярю* и *Зеленаткою*. Вообще тамъ, когда „раз-“, „паешъ снѣгъ, щуба разобьетъ хвостомъ „ледъ на рѣкѣ, а пшичка овсянка запоешъ „свою Веснянку“: тогда дѣвушки въ первый праздникъ, собравшись на хороводы, ходящъ по улицамъ и привѣщиваютъ весну пѣснями; это называется *Веснянками*, кои тамъ поются до Троицына дня (18). Въ Черниговской Губерніи Веснянки начинаются съ Благовѣщенья. Въ Великой Россіи по мѣстамъ подъ *Веснянками* извѣстны мѣстныя суцества женскаго пола, кои являются только весною, такъ какъ *Зимнянки* зимою, а *Осенянки* осенью.

Вспрѣча и окликаніе весны приходятся, смотря по климату и мѣстности, въ разное время, и дѣлается различнымъ образомъ.

Въ Смоленской Губерніи, по деревнямъ бабы, дѣвки и малыя ребяты взлезши на крышки свиреней (хлѣбныхъ амбаровъ), или взошедши на горы, *кличутъ весну* дважды: въ день Евдокеи *весновки* и на Сороби, припѣвая:

(19) Енциклоп. Лексиконъ, т. X, стр. *веснянка*.

Весна красна!

Что ты къ намъ принесла?

Красное лѣшечко.

Въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской Губ. въ великій чепвергъ, рано поуспру, *окликаютъ весну*. Въ XVI еще вѣкъ, въ Великой Россіи, какъ видно изъ Стоглава, тогда „по рану солому палили и кликали мертвыхъ.“ Донинѣ еще во многихъ мѣстахъ, по древнему повѣрью, въ епощъ день упрощъ, предъ восходомъ солнца купаются для здоровья. Около Буя и Солигалича, тогда же, при восхожденіи солнца, поселяне трижды погружаются въ воду, трижды кувыркаются по землѣ и потомъ по углу взезаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Въ Чиснопольскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сосновкѣ, въ великій чепвергъ, при полночномъ пѣніи пѣтуха, бѣгутъ дѣвки и парни съ пѣснями на рѣчку Бахшу почерпнуть воды, *пока воронъ не обмакнулъ въ нее крыла*. Епощю водой они умываются. Если раскрылись воды: то Буйскія дѣвки входятъ по поясъ въ рѣку и въ водѣ схватяся руками одна съ другою, припѣваютъ: *Весна, весна красная, приди, весна съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!* Если же не раскрылись воды: то дѣвки схватяся за руки, вертясь вокругъ проруби съ пѣмъ же припѣвами. Въ Пепро заводскѣ встрѣчаютъ

весну первое Мая съ соломеннымъ чучеломъ, которое подъявъ на шесть, спавяшъ на горкѣ, потомъ садяся вокругъ него провапъ и, по окончаніи пиршества, сжигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ Тульской Губерніи, съ Омшиной недѣли *закликаютъ*, а въ Калужской *зываютъ* на горкахъ весну хороводными пѣснями съ припѣвами: *ой Дидѣ, ой Ладо!* кои вездѣ повторяются въ это время и напоминаютъ Липовскаго *Дидисѣ-Ладо*, т. е. великаго Ладо, какъ фактъ историческій о вліяніи Липовской Обратіи на Славянскія поколѣнія древняго Сѣвера, или, можетъ статься, наоборотъ (20). Въ Тульской же Г. передъ захожденіемъ солнца поселяне обоюго пола собираются на ближній холмъ или пригорокъ; съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ, прегворивъ молитву, спановяся въ хороводъ. Запѣвальщица съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ ящцемъ въ другой начинаетъ слѣдующую пѣсню:

Весна красна!
 На чемъ пришла?
 На чемъ приѣхала?
 На сошечкѣ,
 На боровочкѣ.

(20) Сѣверная Пчела, 1835 г. — Dzieje starożytne narodu Litewskiego p. T. Narbutta. t. I. Mitologia Litewska. Wilno. 1835, in 8.

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
 И всѣ красныя на широкой;
 Одной дѣвки нѣтъ:
 Сидитъ она во теремѣ,
 Ширинку шьетъ золотомъ,
 Узду везетъ песменную.
 Ахъ! горе великое!
 Кому-то достанется?
 Достанется моему суженому,
 Моему ряженому.

Во многихъ мѣстахъ Россіи игры хоро-
 водныя, начинаясь опъ Красной горки, про-
 должаются до Ярилы, или до Всесвятскаго
 заговѣнья, въ которое *провожается весна* по
 закатѣ солнца. Въ играхъ сихъ содержатся
 мимическія представленія изъ народнаго быта,
 коихъ содержаніе выражается относящими-
 ся къ нимъ пѣснями; онѣ соединяются съ ка-
 чаньемъ на качеляхъ и скаканьемъ на доскахъ.
 Первый весенній дождикъ встрѣчается пѣ-
 сню, которую такъ поютъ въ Коспромской
 Губ. въ Нерехотскомъ уѣздѣ:

Дождь, дождь!
 На бабину рожь,
 На дѣдову пшеницу,
 На дѣвкинъ лень,
 Поливай ведромъ.

У Русскихъ есть общее съ Исландцами
 повѣрье, что весной, особенно въ первый

день Пасхи, *солнце играетъ* (21). У первыхъ крещенскихъ дѣшкѣ поютъ солнцу:

Солнышко, вѣдрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣшки плачутъ,
Сырѣ колушаютъ,
Собакамъ бросають;
Собаки-то не ѣдятъ,
А куры-то не клюють.

При первомъ громѣ обыкновенно поселяне умываются съ золота, серебра и съ куриного яйца; изъ естественныхъ явленій выводятъ разныя примѣны о погодѣ и урожаѣ хлѣба.

Какъ первый весенній праздникъ изгнанія зимы проявляетъ побѣду жизни надъ смертію, такъ оклѣпаніе весны и усопшихъ знаменуетъ *ладъ* человека съ природой, которая возобновленіемъ своимъ призываетъ его къ очищенію, напоминая смерть и воскресеніе. Съ этимъ празднествомъ языческаго происхожденія соединяются и за нимъ послѣдуютъ другіе народные праздники и гулянья весеннія, о коихъ мы скажемъ особенно, какъ-то: *Красная горка*, *Вьюнецъ*, или *Вьюнитство*, *Радунца*, *первое Апрѣля* и *первое Мая*, *Юрьевъ день*, *Свистопляска*, *Селикъ* и пр.

(21) Edda Saemundina, t. III.

II.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Въ Великой Россіи почти вездѣ народъ подь именемъ *Красной горки* разумѣеть время, мѣсто и дѣйствіе, которыя сливаются въ епомъ народномъ названіи.

Красная горка обыкновенно начинается съ *Омина Воскресе^{об}ья*, которое въ Восточной церкви называется *Антипа́ха, киріакѣ тоѣ Омаѣ, кайѣ киріакѣ*, новое Воскресенье, въ Западной церкви *Dominica alba*, или *in albis*, бѣлое Воскресенье, *der weiße Sonntag*. С. Григорій Назіанзинъ къ етому времени относитъ праздникъ весны (1). Наименованіе недѣльнаго дни *бѣлыиѣ* объясняется изъ обычаевъ первенствующей церкви облакать новобращенныхъ въ бѣлую одежду, которую они носили во всю Св. недѣлю и слагали въ бѣлое Воскресенье; а наименованіе *Красною горкою* введеть

(1) *Gregorii Naz. or. 42.* —

свое начало опъ древняго вѣрованія и жишейскаго быша Рускаго народа. Не оспанавливаясь на хрїстіанскомъ обычаѣ, совершенно противоположномъ по существу своему народному, перейдемъ къ послѣднему, какъ предмету нашего изслѣдованія.

Красная горка одинъ изъ народныхъ праздниковъ *красной весны*; съ него начинаются хороводныя игры на горахъ и долинахъ, играются свадьбы, по Рускому выраженію, *на красную горку*.

Какъ епомъ праздникъ народный состоитъ въ тѣсной связи съ временемъ года, природою, мѣстностью, бытомъ жишейскимъ и съ древними вѣрьями: по разсмапривая его въ такихъ отношеніяхъ, обратимъ вниманіе на самое значеніе словъ *Красная горка*.

Избони горы, какъ колыбели человѣчества, родина и обитель боговъ и естественные предѣлы владѣній (*ѡроі* горы, *ѡроі* предѣлы) почитались священными и служил шребищами для языческихъ племенъ древняго міра, копорыя, по словамъ С. Писанія *сградѣша сіи себѣ высокая и столпы и капища на всякомѣ холмѣ висоцѣмѣ* (2). Кромѣ другихъ народовъ, также у Нѣмцевъ, Сла

(2) *III Царствъ*, гл. XIV. На Еврейск. *сора* наг.

вянъ и Лятовцевъ горы, горки, горицы, крутищцы (Górgy święte, Kalnas) бывали мѣстами богослуженій и молебницъ, гдѣ стояли у нихъ испуканы, приносились жершвы, погребались умершіе, горѣли огни, необходимые для пировъ жершвенныхъ, совершались разные обряды и игры. На горахъ опправляемы были судъ и расправа; у Франковъ и Сѣверныхъ народовъ находились горы суда (Malloberg, Lögberg) (3). Въ Кіевѣ, по сказанію Неспора, на холмѣ, оскверненномъ кровли, сооружена была церковь С. Василя. Объ епомъ свидѣтельствуютъ самыя названія многихъ горъ въ Германіи, Польшѣ, Липвѣ и Россіи, гдѣ замѣчается особенное въ Древности горопоклоненіе. Если принявъ справедливымъ мнѣніе нѣхъ писателей, которые утверждають, что Рускіе Славяне не имѣли храмовъ и опправляли богослуженныя свои обряды на открытыхъ мѣстахъ: то съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что холмы и горы замѣняли у нихъ капища и требища. Таковы должны бытъ горы святыя, поклонныя, лысыя, красныя, русыя, терлыныя,

(3) Deutsche Rechts-Alterthümer von Iac. Grimm. Götting. 1828, in 8. — Origines du droit français, cherchés dans les symboles et formules du droit universel, par M. Michelet. Paris. 1837, in 8.

тервонныя, терныя, гремягя и ш. д. По древнему повѣрью, существующему въ Польшѣ и Силезіи, на красныя горы собираются духи мужскаго пола, а на лысыя женскаго. Наши мнѣическія *Горыни* тоже, что Греческія *Ореады*. Въ Пруссіи долго вѣрили простолюдины, что сиреневое дерево служитъ пріюпомъ дьяволовъ, копорыхъ называли *красными людьми*. Въ Моравіи близъ Брюнна, есть *Epielberg*, игорная горка, гдѣ стоялъ Перуновъ храмъ между двумя священными дубами: испуганъ его держалъ въ правой рукѣ красный сошникъ, а въ лѣвой копье съ бѣлымъ знаменемъ. Отъ игръ, опсправлявшихся въ честь Перуна, гора сія названа *игорною* (4). Въ Германіи встрѣчаются урочища подъ именемъ *Красныхъ горъ*, кои на Нѣмецкомъ именуется красивыми, *Schönberge*. Такъ въ Богемскомъ городѣ Берунскѣ (не отъ Перуна ли?) *krásná hora*, а въ Венгріи мѣстечко и городъ *krásná hora*, по переводу Нѣмцевъ, *Schönberg*. Въ Польшѣ, Силезіи и Черной Русѣ есть горы, извѣсныя также подъ именемъ *тервонныхъ* (*szegwona górka*). Въ великой и малой Россіи встрѣчаемъ много старинныхъ урочищъ подъ названіемъ *красныхъ горъ, горокъ, холмовъ и красницъ*, на

(4) *Mythologie der alten Deutschen u. Slawen*; von H. Schäfer. 2 Th. Jnaim. 1827, in 8.

конхъ иногда попадаются и *городища*. Въ самой Москвѣ есть на Неглинной церковь С. Георгія Побѣдоносца на *красной горкѣ*. Одинъ изъ пригорковъ маковицы С. Троицкой Лагры слывешъ *красною горкою*, опть коей верстахъ въ десяти, среди Бѣлухинской роци и Воздвиженскаго есть мѣсто, называемое *Бѣлые боги*. Въ Спарлицкомъ уѣздѣ на *Красныхъ горахъ* былъ упраздненный *Красногорскій Никольскій* монастырь. Въ Новгородѣ 1415 г. сооружена была у Плотническаго конца церковь Воскресеніе на *Красной горкѣ* (5). Во Владимірской Губ. находится *Красногорская* Болдырева пущынь, нынѣ обращенная въ приходскую церковь, въ Тамбовской Г. *Красногорская* жь *Лебедянская* и *Красногорская Романовская*, въ Полшавской Г. *Красногорская Чернуская* пущыни. Въ Черниговской Губерніи, въ двухъ верстахъ опть Гадяча внизъ по теченію Псіола, на *Красной горѣ* стоить *Красногорскій Николаевскій* монастырь, основанный въ XV вѣкѣ, а близъ города Золотоноши *Красногорскій Золотоношскій* монастырь (6).

Не доѣзжая Архангельска, на берегу Пинеги, находится на гористомъ мѣстѣ

(5) *Жарамз.* И. Г. Р. т. V, прил. 254.

(6) *Исторія Россійской Іерархіи*, ч. IV, М. 1812, ч. 8.

Красногорскій монастырь, который издревле, по окружавшимъ его мрачнымъ лѣсамъ, назывался *Черногорскииѡ*, а потомъ, по очисткѣ лѣсовъ, по причинѣ красиваго положенія, переименованъ *Красногорскииѡ*. Въ Ялуторовскомъ уѣздѣ Тобольской Г. оспрогъ называется *Красногорскииѡ*; а въ Оренбургской Губерніи есть *Красногорская крѣпость*, получившая свое имя отъ красноватаго пла, смѣшаннаго съ пескомъ, коимъ покрыва вся еша гора подлѣ самаго Урала (7). На полуостровѣ Камчаткѣ сонка, а въ Финскомъ заливѣ мѣстечко называющся *красными горками*. *Красные холмы* въ Москвѣ урочища (8), а въ Тверской Губерніи два бывшіе города, нынѣ одинъ слобода, другой безуѣздный городъ. Въ Галичѣ Всесвятская гулянка бываешъ при холмѣ *Красница*. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ порговъ или ярмарокъ бывающъ и слывущъ на *красную горку*. Въ Козельцѣ порги называющся *красными*, изъ коихъ одинъ бываешъ на *Красную горку*, въ концѣ Св. недѣли (9); въ *Красноиѡ - Колядинѣ*, мѣ-

(7) Словарь географическій Россійскаго Государства, собран. А. Щекатовымъ. Москва, ч. 3. 1804, въ 4.

(8) *Красный холмъ*, или *пулъ*; отсюда и *Пулъши*, на коихъ и церковь Св. Николая Чудотворца.

(9) Академическія извѣстія на 1780 г. ч. IV и V. Спб. въ 8,

спечкѣ Прилуцкомѣ собираются при ярмарки въ году. По замѣчанію Гг. Норова и Черпкова, *Красныя горы* (*monti rossi*) находятся и въ Сициліи.

Изъ приведенныхъ здѣсь топографическихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что прозваніе *горѣ и холмовѣ красными*, происходя оцѣ разныхъ причинъ, имѣетъ различное знаменованіе; но бѣльшая часть прозваній основана на сходствѣ идей и вѣрованій древняго быта народнаго въ Славяно-Рускомѣ мірѣ, гдѣ слово *красный* играетъ важную роль.

Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *красный* (*krasni*) принимается въ смыслѣ красивый, цвѣщущій, веселый, опрадный, оплчаясь оцѣ *теринаго, тервоннаго, алаго, багрянаго* (*russus*) цвѣща, споль любимаго Рускими, у которыхъ *красный* принимается въ послѣднемъ смыслѣ. Въ Славянорусскихъ церковныхъ книгахъ *красный* выражаетъ то же, что Греческія слова: *ἄραιος* цвѣщущій, веселый, *ἔυμορφος* благообразный, *ἔυειδής* милостивый, *περίβλεπτος* пресловутый, *ἔυπρεπής* (10) благолюбивый, *τερπυός* усладительный, опрадный. Самый *звонѣ* оцѣ Фоминой недѣли до недѣли всѣхъ Святыхъ по церквамъ (во всѣ

(10) Лексіконъ шрехъязычный, сирѣчь реченій Славянскихъ, Еллинскогреческихъ и Латинскихъ сокровище. Москва. 1704, въ 4. Псл. 44, 3. Красень добромюю, *ἄραιος κάλλι.*

долобола безъ большаго) въ церковномъ уславѣ названъ *краснымъ*: церковь въ Московскомъ Кляшѣ С. Николая Чудотворца слыветъ *красный звонъ*. Даже въ народномъ языкѣ *красный*, опъ *красы*, означаетъ свойства предметовъ неодушевленныхъ и одушевленныхъ, чувствен-ныхъ и опвлеченныхъ, вмѣсто красивый, хорошій, цвѣтущій, пригожій, изящный, а *прекрасный* есть превосходная степень. Рускій называетъ *поля*, *холмы*, *пруды*, *сѣла*, *дворы*, *ворота*, *окна красными*, даже первыхъ дѣтей, дѣвицъ, *день*, *жизнь*, *смерть*, *рѣчь* (краснорѣчье), *бѣсѣду красными*; что видно изъ его пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ. Самая *весна* и *лѣто* именуются *красными* по ясности погоды и приятности обоихъ временъ года, когда природа является намъ во всей *красѣ* и *лѣпотѣ* своей. Нынѣ въ употребительномъ языкѣ *красный* болѣе означаетъ одинъ изъ простиыхъ цвѣтовъ, меньше прочихъ подверженный преломленію солнечныхъ лучей, и похожій на кровь и огонь.

По такому соображенію, *Красная горка* значить красивая по мѣстоположенію и веселительная по играмъ, какія обыкновенно бывали и доселѣ бывають. Руская народная игра *горѣлки*, начинающаяся съ *Красной горки*, есть родъ *хоровода*, *жированья* и едвали не превосходитъ опъ Греческ. *γῦρος* кругъ и

гугаге кружиться. Вѣроятно горѣлки сопровождались въ языческой древности у Славяно-Руссовъ *gorbnie-ub ogniei* и завѣсными обрядами особенно на горахъ попому, что играть въ *хороводы на красную горку*, по большей части, собираются на высокія мѣста, холмы и пригорки, тогда особенно, когда начнутъ распускаться деревья. Въ Вязьмѣ, при началѣ весны, сходятся невѣсты и женихи, въ праздничныхъ нарядахъ, на возвышенное мѣсто, которое тамъ слыветъ *Красною горкою*. Тоже вспрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ вообще подъ ешимъ именемъ разумѣется и пора, благопріятствующая свадьбамъ и мѣста весеннихъ игрищъ, упоминаемыхъ лѣтописцемъ нашимъ. см. ниже.

Когда теряется коренная идея предмета: тогда обыкновенно прививаются къ нему другія, выводимыя изъ ближайшихъ къ народу отношеній мѣстности, вѣрованій, обычаевъ народнаго быта. Такъ и значеніе Красной горы производимо было отъ первой муравы красноватаго цвѣта послѣ снѣгу, отъ лубка, на коемъ катаютъ яицы красныя, отъ родительскихъ могилъ, на кои о Святой и Оминой недѣляхъ кладутъ также яица, отъ Венериной горки (*mons Veneris*) въ женскомъ шлѣ, отъ красной или алой навдожи на брачной посидѣ и ш. д. Но

подобные предметы едва ли могли сообщить названія столь многимъ урочищамъ въ Славяно-Русскомъ мірѣ, кои свидѣтельствуютъ намъ о памятникахъ древняго вѣрованія народа, о переходѣ онаго въ повѣрье и обычай, гдѣмъ вѣроятнѣе, что большею частію на Красныхъ горкахъ стояли св. храмы, заступавшіе, при переходѣ отъ Язычества къ Хрістіанству, мѣста языческихъ пребищъ и молебницъ. При томъ, не вездѣ *красныя горы* стояли на красивомъ мѣстоположеніи.

По общему употребленію и по отношенію къ повѣрьямъ древняго быта народнаго, *Красныя горы* издревле должны были мѣстами игрищъ, какими начинается красная весна — пора брачныхъ союзовъ. Доселѣ во многихъ селеніяхъ Тульской и другихъ Губерній горки или пригорки, на кои собираются поселяне весною, слывутъ *красными горками*. Какъ въ епомъ празднествѣ природы и человѣка смѣшивается время съ мѣстомъ: то и *Красная горка* принимается за то и другое въ народномъ быту и языкѣ; впрочемъ названіе перенесено во времени отъ мѣста, хотя первымъ украшается послѣднее. Сама природа открываетъ человѣку ощущительное сходство юности возраста человѣческаго съ весною, и какъ обновленіе естества начинается съ весны, такъ и юношество всту-

ная въ брачный союзъ, *идетъ на гору*; самая беременность называется *горкою*.

Въ пѣсняхъ Красной горы повторяется *Ладо* или *Лада*, такъ какъ у Поляковъ *Дана*, *Дада*. Ладу Липовцы величали *золотою*; она вѣроятно была то же, что у Обдорцевъ *Золотая баба*. Около Межибожья въ Подольской Губерніи поселяне на играхъ въ дни Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Бреспьемъ Липовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ*. У Друидовъ находилась на одномъ островѣ богиня *Llad* (11). Ладъ или Ладо, обоихъ половъ въ природѣ была любовь, а въ баснословіи богиня красоты и любви то же почпи, что Римская *Suada*, Свада, покровительница *свадебъ*. Ладъ вѣроятно посвященъ былъ весенній праздникъ Красной горы; по этому *ладѣ* значитъ и супружеское согласіе, а *ладиться* въ областномъ нарѣчій — жениться. Дидъ или Дидисъ Липовское слово — великій, если не Греческое *δαίμων* боюсь. Ладъ или Лада могли быть великими, спрашными и таинственными, какъ судьба. Какъ извѣстная игра и пѣсня *прососѣяніе* на Красную гору доселѣ существуетъ въ Красной Руси: по съ вѣроятностію можно заключать, что онѣ перешли на Сѣверо-Востокъ

(11) On Anglo-Saxon laws and customs, in the Gentleman magazine. Aug. 1825. in 8.

Россіи опть Юго-Запада съ прочими повѣрьями и обычаями и тамъ обрусѣли.

Празднованіе Красной горки въ разныхъ мѣстахъ Россіи сопровождается разными обрядами. Въ слободахъ Переславля-Залѣскаго, ежегодно собирались въ Омино воскресенье, послѣ обѣда, и шлою хаживали по шѣмъ домамъ, въ коихъ бывали того года свадьбы, съ приговорами: *Вьюнъ вьюница, отдай наши яицы!* Молодые должны не только давать яицы и куличи, но даже поить ихъ виномъ и пивомъ (12). Такое жь хожденіе бываетъ и въ Нерехотской округѣ, гдѣ ребяшны ходяшъ бѣсѣдою къ каждому дому и подъ окномъ поюшъ: *Вьюнъ да вьюница, давай, яйцо; а не дашъ яйца, придетъ вѣтрица.* Тогда изъ каждаго дома даюшъ обликальщикамъ по нѣсколькѣ яицъ. Гдѣ же находяшся новобрачные, тамъ угощаютъ ихъ пивомъ и виномъ. Такихъ бѣсѣдъ иногда въ одномъ селеніи ходяшъ до восьми и девяти, даже окликаюшъ мальчишны лѣшъ пятаи своею бѣсѣдою. Собравъ яица съ селенія и сдѣлавъ яишницы, они пируютъ. Это обыкновеніе называется *Вьюнитствоиъ*, вѣроятно, опть слова *юншй*. Въ Галичѣ, въ Омину недѣлю, слывущую у простолюдиновъ *Радоницами*, гуляешъ народъ послѣ по-

(12) Историч. географ. и топограф. описаніе Переяславля-Залѣскаго, сочин. *И. Шлишкина*. Москва, 1802, въ 12,

луночи и до свѣту, расиѣвая подѣ окномъ :
Юница, молодца, подай лицо въ перепету!
 Тогда молодые подчуютъ ребячь водкой и
 пивомъ, ладышками, казанками, а дѣвиць
 пряниками и красными ящцами.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ Омино Воскре-
 сенье дѣвки и женщины въ траурномъ плащѣ
 (черномъ и бѣломъ) идутъ послѣ обѣдни на
 кладбище съ разнымъ кушаньемъ и питье-
 емъ кланяться покойнымъ родспвенникамъ,
 плачутъ съ причитаніями, капаютъ яицы
 на ихъ могилы и потомъ ѣдятъ и пьютъ,
 выливая остатки вина на могилы. Послѣ
 переодѣвшись дома въ праздничное платье,
 идутъ играть на *красную горку*.

Изъ хороводныхъ игръ Красной горки
 извѣстно во всей Россіи *Сѣянне прѣса*. Это
 драматическое предствленіе произошло изъ
 быта земледѣльческаго Славяно-Руссовъ, ни-
 тавашихся, по свидѣтельству Маврикія, еще
 въ II вѣкѣ ешимъ яшпомъ (15). На игри-
 ще собираются въ деревняхъ подѣ вечерокъ
 красныя дѣвицы и добрыя молодцы на лугъ
 или на улицу, сначала отдѣльно одни отъ
 другихъ, потомъ соединяются въ одну кучу;
 тогда является *хороводница*, или всеобщая

(13) *Карамз.* II. Г. Р. т. I, прим. 8, 145, 159.

кума [какъ у древнихъ Грековъ и Евреевъ
либоначальница], безъ которой ничего не
дѣлается въ играхъ, и заговяешь:

Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ вы, холостые, не глядите!
Вамъ гляденьцемъ дѣвусекъ не взяли,
Ужъ какъ взяли ли, не взяли ли по любви,
Что по бабушкину повелѣнью,
По маушкину благословенью.

Играющіе расходятся на двѣ спороны,
одна пропивъ другой; хороводница спойтъ
впереди первой половины:

- 1 половина: А мы просо съяли,
Ой Дидъ - Ладо съяли.
- 2 половина: А мы просо вышопчемъ,
Ой Дидъ - Ладо вышопчемъ.
- 1 половина: А чѣмъ же вамъ вышопташь?
Ой Дидъ - Ладо, вышопташь?
- 2 половина: А мы коней выпустимъ,
Ой Дидъ - Ладо, выпустимъ.
- 1 половина: А мы коней переймемъ,
Ой Дидъ - Ладо, переймемъ.
- 2 половина: А чѣмъ же вамъ переняшь?
Ой Дидъ - Ладо переняшь?
- 1 половина: Шелковымъ мы поводомъ,
Ой Дидъ - Ладо, поводомъ.

2 половина : А мы коней выкупимъ ,
Ой Дидь - Ладо , выкупимъ.

1 половина : А чѣмъ же вамъ выкупишь ?
Ой Дидь - Ладо выкупишь.

2 половина : А мы дадимъ сто рублей,
Ой Дидь - Ладо сто рублей.

1 половина : Не надо намъ тысячи (14) ,
Ой Дидь - Ладо , тысячи.

2 половина : А что же вамъ надобно ?
Ой Дидь - Ладо , надобно.

1 половина : Намъ надобно дѣвицу.
Ой Дидь - Ладо , дѣвицу.

Въ это время изъ второй половины переходить дѣвушка въ первую.

2 половина : Нашего полку убыло ,
Ой Дидь - Ладо , убыло.

1 половина : Нашего полку прибыло ,
Ой Дидь - Ладо прибыло.

Пѣсню начинаютъ опять пѣть, продолжая до пѣхъ поръ , пока всѣ дѣвушки изъ

(14) Прежде пѣвали въ Московскомъ округѣ :

2. А мы дадимъ денжку.

1. Не надо намъ денежки.

2. А мы дадимъ дѣвушку.

Рубли и деньги могли быть позднѣйшими вставками въ древнюю пѣсню.

второй половины перейдушь въ первую. Въ Серпуховскомъ, Мещовскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, вмѣсто припѣва *Ой Дидѣ Ладо*, поюшь:

Ой Диди калынка моя,
Ой Ладо малынка моя!

какъ бы означая калиною горечь перваго, а малыною сладость другаго (15). Въ Дмитровскомъ уѣздѣ начинали эту пѣсню:

А мы копань копали.
Зеленая правушка, алой цвѣтъ (16).

Въ Харьковской Губерніи такъ поюшь эту пѣсню:

1. А ми нивку орали, 2
Та владу ладомъ орали.
2. А ми просо сняли, 2
Та владу ладомъ сняли.
1. А ми спадо запусимъ, 2
Та владу ладомъ запусимъ.
2. А ми спадо займемо, 2
Та владу ладомъ займемо.
1. А ми спадо выкупимъ, 2
Та владу ладомъ выкупимъ.

(15) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. *Н. Иванчина-Писарева*. Москва. 1837, въ 12.

(16) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, изд. *И. Сахаровыхъ*. Спб. ч. 2, 1837, въ 8.

- 2. А что даше выкупки, 3
Та владу ладошь, выкупки.
- 1. А мя дали сто рублей, 2
Та владу ладошь, сто рублей.
- 2. А ми шысячи ни беремь, 2
Та владу ладошь, не беремь.
- 1. Ми дивичку придамо, 2
Та владу ладошь, придамо.
- 2. Ми дивочку прижемо, 2
Та владу ладошь, прижемо.
- 1. А у насъ спадо прибыло, 2
Та владу ладошь, прибыло.
- 2. А у насъ спадо отбыло, 2
Та владу ладошь, отбыло.

Еща Великорусская игра и пѣсня существующъ и въ Красной Руси (17), гдѣ поющъ ее такъ :

А my proso sijaly, sijaly,
Oj Did, Lada, sijaly, sijaly !
А my proso wydopczem, wydopczem,
Oj Did, Lada, wydopczem, wydopczem !
Та czymże wam wydeptat', wydeptat' ?
Oj Did, Lada, wydeptat', wydeptat' ?
А my koni wypustym, wypustym,
Oj Did, Lada, wypustym, wypustym !

(17) Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego, zebrał wydal *Wasław Oleska*, we Lwowie. 1833, in 8.

A my koni perejmem , perejmem ,
 Oj Did, Lada, perejmem, perejmem !
 Ta czymże wam perejniať , perejniať ?
 Oj Did, Lada, perejniať , perejniať !
 Oj szelkowym newodom, newodom ,
 Oj Did , Lada , newodom , newodom.
 A my koni wykupym, wykupym,
 Oj Did, Lada, wykupym, wykupym
 Ta czymże wam wykupyt' , wykupyt' ,
 Oj Did, Lada, wykupyt' , wykupyt' ,
 A my damo sto rubli, sto rubli ,
 Oj Did , Lada , sto rubli , sto rubli !
 Ne nado nam tysiaczy , tysiaczy ,
 Oj Did, Lada , tysiaczy , tysiaczy !
 A my damo diwyciu , diwyciu ,
 Oj Did, Lada, diwyciu, diwyciu !,
 Oj toto nam nadobno, nadobno ,
 Oj Did, Lado, nadobno, nadobno!

Хоровая и антифоническая сія пѣсня по-
 хожа на древнія Греческія , сопровождавшія
 χοροι κύκλιοι. Игра еѣта поетическая и вмѣстѣ
 воинственная, мимическое представленіе изъ
 жизни народа земледѣльческаго и воинствен-
 наго — набѣга, похищенія и выкупа неволь-
 она сходствуетъ съ Сербскою *отмицею*
 и съ древнимъ сказаніемъ нашего Лѣтописца,
 который повѣствуетъ , что у Радимичей ,
 Вяпичей и Сѣверянъ , обитателей нашего
 Сѣвера , въ Язычествѣ „брады не бываху въ

„нихъ, но играща, межи съль и шу съгхахуса
 „рищуце на плясанія и нався бѣсовскія пѣ-
 „сни, и шу умыкаху жены себѣ, съ нею же
 „кпо прже свѣщевашесь (18).“ Самые при-
 пѣвы *Дидѣ, Ладо, Леля*, наводящъ насъ на
 слѣды Славянскихъ мѣофъ. У древнихъ Гре-
 ковъ также, при хорождении въ праздниства
 вокругъ алтарей, были припѣвы: *ai, ai éle-
 léu, álala'* (19), похожія на наши *ай моли*.

Въ Нерехотской округѣ, изъ пѣсень,
 сопровождаемыхъ разными мимическими пред-
 ставленіями, бромъ *свлянія проса* употребле-
 тельны слѣдующія:

1. Перевейся, ярый хмель, на нашу сто-
 ронку и пр.
2. Сидишь дрема подь окошкомъ,
 Прядешь дрема шелковъ кужель;
 Полно, дремушка, драмати,
 Шелковъ кужель драми и пр.

Одна дѣвка сидишь въ кругу, представ-
 ляя сонливую, лѣнливую, а прочія ходятъ во-
 кругъ нея и поютъ пѣсню:

3. Ой! старой, старой,
 Кручина велика и проч.

(18) W. Wachsmuth's Hellen. Alterthumskunde. Halle.
 1829. 5 Th. in 8.

(19) Супрасльская рукопись, изд. *Клязьма М. Оболен-
 скихъ*. М. 1836, въ 4.

Поюшъ всѣ, стоя на одномъ мѣстѣ; двѣ дѣвки ходяшъ въ хороводѣ; одна пригорюнясь, представляяетъ лице жены, а другая мужа старика. Когда запоюшъ: „охъ! „какъ мнѣ стараго цѣловать будетъ“? тогда жена цѣлуетъ съ негодованіемъ и плюетъ на старика. Когда запоюшъ: „охъ! какъ мнѣ „старого на постелю класть?“ жена шлепаетъ. При словахъ пѣсни: „охъ? какъ мнѣ стараго препать“; жена бьетъ его.

4. Посѣяла дѣвка лень,
Посѣявши, полола и пр.

Дѣвка съ плашкою въ рукѣ ходяшъ въ кругу, дѣлая видъ, что сѣетъ, а прочія поюшъ, стоя на одномъ мѣстѣ:

5. Запѣвка, бѣльничкой!
Я хожу, хожу
Вкругъ Кіева города,
Ищу тещя богашаго и пр.

Тогда дѣвки стоя поюшъ, одна изъ нихъ ходяшъ въ хороводѣ, какъ будто ищетъ тещя и тещи и пр. Когдажъ найдетъ себѣ всѣхъ сродниковъ и когда запоюшъ: *я пропивши пиво, тещя вѣ рыло*; тогда она слегка бьетъ одну дѣвку въ видѣ тещя, а въ лицѣ тещи бьетъ другую по щеѣ, если запоюшъ: *пробѣвши пироги, тещу по щеѣ* и ш. д.

6. Пава по́ лугу гуляла,
Пава гусей загоняла,
Тига, гуси, домой,
Тига, сѣрые, домой и ш. д.

Двѣ дѣвки спанушь въ довольномъ раз-
спояніи одна ошъ другой, держа высоко
плашокъ въ рукахъ, а прочія подъ плаш-
комъ проходяшъ поодиначѣ.

7. Какъ ушюна чрезъ море лешала,
Одна дѣвка, дѣлая разныя шѣлдвиже-
нія, идетъ предъ хороводомъ, а прочія за
нею слѣдуютъ.

8. Подъ лѣсомъ, подъ шемнымъ
Шелкова шрава ;
Ходилъ, гулялъ Донской козакъ,
Глядѣлъ, смотрѣлъ невѣсшъ себѣ и пр.

или

Пошелъ молодець на гулянье,
На веселое на свиданье и ш. д.

Дѣвка съ разными шѣлдвиженіями пля-
шетъ съ мушциною, а прочія споя на одномъ
мѣстѣ, поюшъ.

Сходбище — сельская хороводная игра
разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ
городовъ возвращаются молодые люди для

работей поры. Дѣвушки выходятъ на лугъ,
къ нимъ сбѣраются *прибылые*, и начинаютъ
игру Сходбище. Въ средину круга стано-
вятся молодець и дѣвица. Игроки ходятъ
кругомъ ихъ и поютъ :

Какъ изъ улицы идешь молодець,
Изъ другой идешь красна дѣвица,
Поблизехоньку сходилися,
Понизехоньку поклонился.
Да чшо возговоришь доброй молодець :
Ты здорово-ль живешь , красная дѣвица ?
Я здорова живу , миль сердечной другъ ;
Каково шы жилъ безъ меня одинъ ?
Мы давно съ шобой не вдалися ,
Говоришь дѣвка улыбаючись ,
Чшо съ той поры , какъ разсталися .
Говоришь ей доброй молодець :
Мы пойдемъ гулять на царевъ кабакъ ,
Мы за рубль возьмемъ зелена вина ,
За другой возьмемъ меду сладкова ,
А за шрешей возьмемъ пива пьянова ,
За двѣ гривенки сладкихъ пряничковъ .
Какъ возговоришь красна дѣвица :
Я нейду гулять на царевъ кабакъ :
Я боюсь , боюсь роднова батюшки ,
Я боюсь родной мапущки .
Туть разсталися и прощалися ,
Промежду себя цѣловалися .
Ты прости , прости доброй молодець ,

Ты прости, миль сердечной другъ!
Да что возговорить доброй молодець:
Ты прости, прости, моя мапушка,
Ты прости, радость красна дѣвица! —

Въ игрѣ *Плещень* молодежи, дѣвушки и
мужчины спановяются попарно, и, сомкнув-
шись руками въ видѣ плещня, выпягива-
ются въ линію. Хороводница запѣваетъ:

Заплещися, плещень, заплещися!
Ты завейся, труба золотая!
Завернися, камка кружчашая!
Изъ-за горь дѣвица ушей выгоняла.
Тига упушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра ушица!
Попопила малыхъ дѣшушекъ
И въ меду и въ сахаръ
И въ яшвѣ сахорномъ.
Я старымъ шарикамъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодкамъ
Шелковую плещку,
А краснымъ дѣвицамъ
Бѣлилъ да румянь.

Хоръ окончился. Первая пара поднимаетъ
вверхъ соединенныя руки, подъ епу арку
начинающъ проходныя игры. Хоръ поешъ :

Расплещися, плещень, расплещися ;
Ты развейся труба золотая ;
Ты развернися, камка кружачая !
Изъ-за горъ дѣвица ушей выгоняла.
Тига ушуска домой !
Тига сѣрая домой !
Я сама гуськомъ ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣшь , сѣра ушвица !
Вынимала малыхъ дѣшушекъ ,
Изъ меду , изъ сахару ,
Изъ яשבъ сахарныхъ.

Игра *Донъ Ивановичъ* есть мимическое
представленіе , припоминающее намъ слѣды
древности и извѣстное эпическое сказаніе
народа , который почитаетъ Донъ и Шапъ
дѣтьми Ивана-Озера. Донъ, имѣя свою народ-
ную Исторію, свое родство съ сестрою Вол-
гою — по повѣрьямъ Велико-Рускимъ — (20)
выразился еще одною игрою въ хороводной
пѣснѣ. Вечеромъ игроки сходящя вмѣстѣ

(20) см. Сказаній Р. Н. ч. 6, Душу Иванъ-Озеро. Въ дру-
гихъ странахъ, вмѣсто *Донъ*, поютъ — *Дунай*.

и спановяшся въ кружокъ, а хороводникъ въ
средиѣ, изображая собою Дона Ивановича,
дѣлаешъ разныя движенія, сообразныя содер-
жанію пѣсни :

Какъ пошелъ нашъ молодець
Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ахъ! какъ звали молодца,
Позывали удалца.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ во пиръ пировашъ :
Во бесѣдушку сидѣшь,
На игрище поиграшъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ какъ мнѣ ли молодцу
Мало можешся,
Мало можешся,
Играшъ хочешся.

Цль я выйду молодець
На свой новой на крымецъ,
Закричу я молодець

Громкимъ голосомъ своимъ :

Ахъ! какъ ешъли-ли у меня
Слуги вѣрные мои!
Вы берите ключи,
Ошмыкайте сундуки.

Вынимайте кафшанъ,
Рудожелшь камчашъ,
Вынимайте шапку,
Черную мурмашку (21);
Вы подайте гусли,
Звончатые мои.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодець
Ко вдовушкѣ на конецъ.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ садился молодець,
Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.

Въ это время игроки останавливаются,
хороводникъ садится съ балалайкою въ рукахъ.
Игроки спяютъ противъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шляпу долой,

(21) *Мурмане*—Норвежцы. — Въ Москвѣ эту пѣсню поютъ сокращенно, и такъ она печатана въ такъ называемыхъ пѣсенникахъ. Исключеніе начинается съ стиха: „Ужь какъ „мнѣ ли молодцу“ и продолжается до „Звончатые мои.“

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Хороводникъ въ епо время кланяется,
съ него спадаешъ шляпа , а игроки поющъ :

Ужь ты , вдовушка моя ,
Молодая вдова ,
Подними шапку мурмашку !

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Не швоя , сударь , слуга ,
Я не слушаю тебя .

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Хороводникъ вспаешъ , надѣваешъ шляпу,
а игроки , ходя кругомъ его , поющъ :

Какъ пошелъ нашъ молодець ,
Вдоль улицы на конецъ .

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ .

Ахъ ! какъ звали молодца ,
Позывали удалца ,

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ .

Какъ во пирь пировашъ ,
Во бѣсѣдушку сидѣшь ,
На игрище поиграшь .

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодець,
Къ дѣвушкѣ на конецъ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ садился молодець;
Какъ садился удалецъ
Прощеъ дѣвушки на скамьѣ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Въ это время игроки останавливаются,
хороводникъ садится. Игроки споешь про-
шеъ него и поюшь:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончашые свои.
Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужь шы, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Я швол, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ахъ! Довъ, ты нашъ Довъ,
Сынъ Ивановичъ Довъ.

Въ это время выходитъ дѣвушка изъ круга, поднимаетъ шляпу. Хороводникъ, принимая изъ ея руки шляпу, благодаритъ дѣвушку поцѣлуемъ.

Начиная съ среды или четверга Святой недѣли и до Троицы въ Бузулукъ, уѣздн. городъ Оренб. Г. продолжаются каждый вечеръ хороводы: дѣвки и молодыя женщины поютъ пѣсни, а молодцы подыгрываютъ на дудкахъ, на рожкѣ, забавляютъ красавицъ своими шутками. Тогда особенно поютъ одну изъ весеннихъ пѣсень, носящую на себѣ явный отпечатокъ древности:

Подойду, подойду,
Подъ Царь-городъ подойду,
Вышибу, вышибу,
Копьемъ спѣну, вышибу!
Выкачу, выкачу,
Съ казной бочку, выкачу!
Подарю, подарю,
Люшу - свекру башюшкѣ!
Будь добръ, будь добръ —

Какъ родимый бабюшка!
 Подойду, подойду
 Подъ Царь - городъ, подойду!
 Вышибу, вышибу
 Копьемъ стѣну, вышибу!
 Вынесу, вынесу,
 Лпсю шубу, вынесу!
 Подарю, подарю
 Люту - свекровь машушку!
 Будь добра, будь добра —
 Какъ родима машушка (22)!

Такими-то играми и пѣснями начинаеися и сопровождается Красная горка послѣ Святой недѣли, во время коей издревле запрещались Церковію всѣ бывшія изъ Языческаго міра игры, потѣхи и позорища (гисус Paschales) для того, чѣобы въ святые дни умы Хрістіанъ занимались однимъ Богомысліемъ, а сердца исполнены были духовною радостію.

(22) см. М. В. 1830, No 37. Надобно предполагать, что нѣкоторыя слова уже измѣнены; но пѣсня не могла быть сочинена позже XI-го или XII-го столѣтія, слогомъ того времени, когда у народа были еще въ свѣжей памяти прогулки нашихъ предковъ къ Константинополю. Голось отличается какимъ-то заунывнымъ, особеннымъ напѣвомъ. — Константинополь, или Византію, *Царь-градомъ*, а не *Царевымъ градомъ*, по превосходству сего города надъ всеми прочими, прозвали Варяго-Руссы или Славяне. *Zaargardia* есть городъ въ Месопотаміи.

III.

РАДУНЦА.

Радунца, или Радунецъ, или Радавица есть собственно опрадный праздникъ заупокойный, который совершается на могилахъ; онъ издревле извѣстенъ на Руси и приходится не всегда въ одинакое время. Въ Костромской Губ. Омино Воскресенье слышеть *Радоницею*, въ другихъ мѣстахъ Оминь понедѣльникъ, а болѣе вторникъ, извѣстный въ Рязанской Губ. подъ именемъ *Наской* (Навской?) и *Навій день*: что значитъ мертвый; ибо въ старинномъ Рускомъ языкѣ *навей*, а въ Литовскомъ *navie* — мертвецъ (1). Въ Малороссіи Оминь понедѣльникъ именуется *Могилками*, *Гробками*, *Проводими*, а въ Махновскомъ повѣсть Кіевской Г. *Бабскимѣ праздникомѣ*, вѣроятно по тому, что на немъ бывають однѣ женщины.

(1) Въ просторѣчій человѣческая кость, на коей образуется наростъ, или бугоръ, назывъ: *касъл*. На Болгарскомъ *касивалъ* знач. побѣдиль, умершвилъ — ср. *Карамз.* И. Г. Р. ч. II, стр. 179.

По етому она опчасти сходствуесть съ *Тризною* и *Справою* Славянь - Русскихъ и *Божіими* днями Есиповъ. Радунца въ Великой Россіи посвящена поминовенію родителей; ибо, по мнѣнію народному, они радуются, если ихъ поминуютъ и приходятъ съ ними хрістосоваться. „Радунцею — замѣчаетъ Карамзинъ — назывался какой-нибудь праздникъ у нашихъ древнихъ Славянь (2).“ Нынѣ извѣстна она болѣе подъ именемъ *родительской*. „Въ „прежнія времена — свидѣтельствуетъ со- „чинитель Церковнаго Словаря въ 1773 году — „въ Радунцы бывало между проспонародіемъ „обыкновеніе поминать умершихъ сродниковъ, „съ языческими обрядами, и поминавшій при- „носилъ на ихъ могилу вино, сыченое пиво, „пирогы, блины, и по отправленіи священни- „комъ лшшц, взявъ чарку съ виномъ, или „спакаяъ съ пивомъ, опливалъ чашею на его „могилу, а оспашки самъ допивалъ; женщи- „ны въ епо время плачевнымъ голосомъ при- „числяли добродѣтели покойника. Въ такой „же силѣ, по увѣренію бывшихъ въ опдален- „ныхъ мѣстахъ, было въ обыкновеніи у про- „столюдиновъ суевѣрное хрістосованье съ „покойниками въ Свѣтлую седмицу, ш. е. му- „щца или женщина приходили на могилу

(2) Карамз. И. Г. Р. ч. V, прим. 25.

„умершаго, и покашя по оной краснымъ ящомъ, „говорили: *Христосъ воскресе*, думая, что усопшій отвѣчаетъ ему въ могилѣ: *Воистинну „воскресе* (3).“ Въ Патерикѣ Печерскомъ описывается, какъ въ 1465 г. пѣлеса усопшихъ святыхъ отвѣтствовали на возгласъ священноинокъ въ Великъ день.

Воспоминаніе объ епомъ заупокойномъ праздникѣ сохранилось не только въ народныхъ преданіяхъ и удержалось въ обычаяхъ, но и въ лѣтописяхъ, церковныхъ книгахъ, въ пословицахъ, пѣсняхъ и въ названіяхъ урочищъ.

Въ Троицкой лѣтописи подъ 1572 г. упоминается, что „Липва и Ляхи и Жемопъ придоша изгономъ (къ Переславлю) по Велицѣ дни на другой недѣлѣ во вторникъ, на зашрїе по *Радолицѣ*.“ Въ Кіевской Л. подъ 1495 г. „Тояже весны на Радуницу, Апрѣля 16го, погорѣ Москва нупрѣ весь и казна у Чуда въ монастырѣ.“ Въ 1495 г. Пасха была Апрѣля 7 го, слѣдственно 16го числа тогожъ мѣсяца пришло въ вторникъ на Оминой недѣлѣ (4). Въ Стоглавѣ осуждаются тѣ, которые по Велицѣ дни, т. е. по Пасхѣ,

(3) Новое прибавленіе къ Словарю церковному, сочин. П. Алексѣевымъ. ч. 5. СПб. 1818, въ 8.

(4) *Карамз.* II. Г. Р. ч. V, прим. 25, 254. и часть IX, прим. 830.

оклитки на Радуницѣ пвораѣтѣ — и вьюнецѣ. Въ простонародной пѣснѣ говорится о Радуницѣ и заупокойномъ напишкѣ слѣдующее:

Зяшь ли про пещу пивца варплъ ,

Пива наварплъ, да ко Масляницѣ ;

Зваль ли пещу ко Радуницѣ ,

А пеща пришла на канунъ Рождества. —

и наконецъ въ старинной поговоркѣ : Выпили пиво обѣ Масляницѣ, а сѣ похлѣбля ломало послѣ Радуницѣ.

О Радуницѣ напоминающъ на Троицкой дорогѣ бывший городокъ *Радонецѣ*, или *Радонѣжѣ*, отъ коего и Преподобный Сергій получилъ прозваніе *Радонезскаго* ; въ Егорьевскомъ уѣздѣ озеро *Радовица*, отъ коего заимствоваль свое названіе *Радовицкій* монастырь. Въ Бѣжецкой пяпинѣ было урочище *Радуница*, и Radonice въ Варшавскомъ округѣ, и ш. д.

Въ разныхъ краяхъ великой, малой и бѣлой Россіи донинѣ сохраняется обычай поминать родителей на Оминой недѣлѣ, на кладбищахъ, а кой гдѣ и самое названіе. Приведемъ пому нѣсколько примѣровъ.

Въ Устюгѣ Великомъ, съ 1445 г. въ Радуницу бываешъ крестное хожденіе на убогій домъ при Іоанно - Предшечевскомъ монастырѣ, а по совершеніи панихиды, гулянье

въ сосновой роцѣ, выросшей на шамошнемъ кладбищѣ (5). Въ Иркутскѣ, въ епо же время множество народа собирается на общее кладбище, что на *Крестовой горѣ*, и тамъ также сперва поминаютъ усопшихъ, а потомъ гуляютъ и пируютъ (6). Въ Шенкурской и Вельской округахъ, на второй день Пасхи послѣ вечерни идутъ прихожане на горы, на коихъ тамъ стоятъ кладбищенскія церкви: *похристосоваться со своими и погоревать*. Въ Кіевѣ известна Радунца подъ именемъ *Проводовъ*, которые, по народному преданію, дѣлаются въ воспоминаніе Евангельскаго событія: „Когда при распятіи Господнемъ тѣла многихъ святыхъ воспаша и, по воскресеніи Его, выидоша во святыи градъ: тогда сихъ-то святыхъ яко бы опять послѣ праздника сопровождали до гробовъ гражданае.“ Но установленіе сіе, по мнѣнію Г. Берлинскаго, въ Кіевѣ опносптъ можно не дальѣ временъ Пешра Могилы: когда нѣкоторыя церковныя обряды заведены были изъ подражанія Польскимъ. За полвѣка назадъ тому на Славицу (или гору Щекавицу) собирались для поминовенія родителей почешнѣйшіе Кіе-

(5) Сѣверный Архивъ, 1824, No 17.

(6) Повѣшшее повѣствованіе о Восточной Сибирѣ, СПб. 1817, въ 8.

воподольскіе граждане. Паннихидныя липиці опсправляемы были священниками надъ каждою могилою, попомъ каждое семейство садилось въ круговенькѣ около своихъ покойниковъ и поминало ихъ пѣмъ кушаньемъ и пипьемъ, какое съ собою приносило. Между пѣмъ школьниги напѣвали имъ духовныя пѣсни (псалмы), иногда скрипичники наигрывали печально. При томъ угощаются были и нищіе. — Бѣлорускіе поселяне собираются во вторникъ на Өоминой недѣлѣ, часа въ 2 пополудни, на кладбища, гдѣ они капають красныя яйца на могилахъ у родныхъ и попомъ опдають ихъ нищимъ, копорые шуда сходятся во множествѣ. Напоследокъ, родипельская могила, полишая медомъ и горѣлкою, накрывается бѣлымъ сполешникомъ — спавипся кушанье нечетное и нежидкое; ибо епопъ *вторникъ* слыветъ *сухилъ*. Кпожъ не въ соспояніи почшипъ памяши родипелей своихъ задушевною прапезой, шому при семь случаѣ помогають богатые. Сдѣлавъ къ покойникамъ слѣдующее привѣшспвіе: *Святые родшциели, ходшцие къ намъ хлѣба - соли кушанца!* старые и малые садятся на могилахъ за прапезу. По окончаніи пиршества, опять обращаються къ усопшимъ съ такими словами: *Мои родшциели, выбатайте, не дзивищесь, гѣлѣ хата богата, тѣлѣ и рада!* —

Послѣ епого, поминальщики раздають оспашки кушанья нищимъ, идутъ въ корчму, гдѣ пьютъ и пляшутъ, оправдывая старинную поговорку: *нагинаютъ за упокой, а сведутъ за здравіе* (7). Въ Болгаріи Радунца также состоить въ причтаніи на могилахъ родителейскихъ, въ пиршествѣ и капаніи красныхъ яицъ. Въ Великой Россіи ведется почти повсемственный обычай между прослоудинами, сбираться во впорникъ Ооминной недѣли для поминовенія на могилы родительскія и привѣспивовать усопшихъ опраднымъ гласомъ воскресенія Спасителя міра. Въ епожъ время, извѣстное подъ именемъ *Красной горки*, женихи, особенно невѣсты, доселѣ ходятъ на кладбища просить совѣща и благословенія у своихъ покойныхъ родителей на брачный союзъ, кладутъ на ихъ могилы яйца, — кои возлагались на гробницахъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, какъ умилоствительныя жертвы объ усопшихъ (8). Сіи мѣста вѣчнаго покоя, священные для сердца человѣческаго, обращающія въ жертвенники благоговѣнія къ мершвымъ и благотворенія живымъ.

(7) Lud Polski p. L. Golebiewskiego. Warsz. 1830, in 8.

(8) *Luciani dialogi mort.* I. l. — *Juvenal. sat.* V. v. 84.

Происхожденія сего шоржеспвеннаго и древняго обычая должно искашь въ колыбели Хрістіанспва на Руси, когда послѣднее начинало преобладать надъ народнымъ Язычеспвомъ и прошивопоставляло обрядамъ его и обычаямъ благочеспивыя свои усшановленія, кои принимая народъ, не могъ не примъшашъ къ нимъ первыхъ. Радунца упоминаемая въ письменныхъ памяшникахъ, не ранѣе XIV вѣка, еспъ оспашокъ *тризны*, о какой шакъ упоминаешъ и Левъ Калойскій: „Рускіе, слѣдуя язычеспкимъ обрядамъ Грековъ, совершали жершвы и возліанія въ чеспъ усопшихъ.“ Самое названіе Радунцы еспъ народное, а не церковное, хощя, по сущеспву своему, она, подобно Семицкому чеспвершку и Троицкой суббошъ, принадлежишь къ хрістіанспкимъ обрядамъ. Чшожъ касаешся до осуждаемыхъ Споглавомъ *оклитекъ на Радунцы*: шо онѣ не чшо иное должны бышь, какъ *прититанья*, кои вспрѣчались съ *закликаніемъ весны* и съ *горѣлками*, слѣдовавшими за радунцикимъ *гореваньемъ*.

IV.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Извѣстный обычай *обманывать* въ первое *Апрѣля* существуетъ не только во всей почти Европѣ, но и на Востоцѣ. Онъ, какъ увидимъ, происходилъ отъ разныхъ началъ, которыхъ слѣдствія приводятъ къ одному дѣйствию въ одинакое время — вездѣ давалъ поводъ къ шуткамъ невиннымъ и болѣе или менѣе остроумнымъ; онѣ обыкновенно оканчивались ешимъ обманчивымъ днемъ, оправдываясь, или извиняясь давностію обычая. Сколько время и просвѣщеніе ни изглаживали ешотъ обычай, прежде бывший въ общемъ употребленіи и, по существу своему, пропивный нравственности, а по произхожденію — и св. вѣрѣ; но воспоминаніе объ немъ пережило многія столѣтія, усвоилось жизни народа и языку, сдѣлалось *притчею во языцѣхъ*.

Начало обычая *обманывать* въ первое *Апрѣля*, подобно многимъ другимъ, перяется во тѣмъ древности; впрочемъ онъ находится у древ-

нихъ племень міра, опть коихъ перешель и къ новѣйшимъ съ мѣспными особенностями.

Индійцы около весеняго равноденствія, по древнему лѣтосчисленію Ведъ, который приходится въ Апрѣль, первомъ мѣсяцѣ ихъ года, празднуютъ рожденіе богини Сипы, или Шивы. На епомъ праздникѣ, извѣспномъ у нихъ подъ именемъ *Гули* или *Гулака*, бывали сценическія представленія, среди коихъ они обманывая другъ друга подъ видомъ шутокъ, думали шѣмъ самымъ умилоспившъ свое божество (1).

У Іудеевъ испочниномъ епото обычая полагається лживая молва, распущенная по воскресеніи Хрістовомъ, будпо шѣло Искушителя ночью похищено было изъ гроба учениками Его, какъ свидѣпельспивуель *Матѣ. XXVIII, 15.* „Тогда Евреи, замѣчаель сочишитель Церковнаго Словаря, научили народъ и 'воиновъ обманывать въ шупку, говоря одинъ: *Хрітосѣ воскресе*, а другой въ опѣшпъ: *первое Апрѣля, п. е. неправда*“ (2). Можель спашься, первое Апрѣля пошому избрано для такой нечеспивой шупки, чпо въ епомъ мѣсяцѣ праздникъ Пасхи приходится въ шеченіи каждыхъ 25 лѣшъ, и чпо воспоминаніе

(1) *Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde*, par I. A. Dubois. 2 t. à Paris. 1825, in 8.

(2) Церковный Словарь *II. Алексеева*. ч. 3. М. 1816, въ 8.

объ епомъ состоипль въ связи съ событіями изъ земной жизни Искушителя міра.

Толковашель Л. Апулея Бироалдъ производитъ первоапрѣльскій обманъ опъ Римскаго праздника въ честь божества Смѣха (Risus); епо торжествво, совершавшееся тогда, когда дни спановплись длиннѣе, сопровождалось разными смѣхопворными обманами. „Игры сіи — говоритъ Апулей — ежегодно нами опправляемыя въ честь Смѣха, всегда опличаются какими нибудь новыми выдумками. Мы одни изъ всѣхъ народовъ умилоспивляемъ забавами, весельями и шутками божество, именуемое Смѣхомъ“ (3).

Исландскія саги гласяшь, что обычай обманывашь въ первое Апрѣля введенъ самыми Азами, п. е. богами, въ память Скадеи, дочери Тіасса. Ояъ доселѣ сущеспвуешъ въ Даніи, Швеціи и Норвегіи (4).

У Англичанъ первое Апрѣля слыветъ all fools day (днемъ всѣхъ дураковъ), обманушый въ епомъ день — Aprilfool, а у Шопландцевъ hunting the gowk.

У Французовъ первоапрѣльская шутка называешся *Апрѣльской рыбою* (poisson d'Avril),

(3) L. *Apuleii Metamorphoseon*. rec. Fr. Oudendorp. Lugd. Bat. 1786—1822. 3 t. in 4.

(4) *Edda Saemundina* t. III.

что въ переносномъ смыслѣ значить невинный обманъ въ первое Апрѣля. Въ епопѣ же самый день ускользнулъ изъ темницъ Людовика XIII въ Нанси Лотарингскій принцъ Францискъ, который перерядясь крестьяниномъ, переплылъ рѣку какъ рыба и ускользнулъ изъ неволи. Счастливаго бѣглеца иносказательно прозвали *Апрѣльской рыбою*. Но сей обычай долженъ быть древнѣе. Другіе писатели почишаютъ слово poisson испорченнымъ изъ passion спраданіе; что будто относится къ спраданіямъ І. Христа (5).

У Нѣмцевъ издревле ведется обычай первое Апрѣля посылатъ мальчика или другаго кого съ пѣмъ, чтобы попросить или посмотрѣть что либо такое, чего нельзя получить или видѣть; это называется у нихъ: *in den April schicken*, послать кого въ Апрѣль, т. е. сыграть надъ кѣмъ шушку, провести кого, а проведенный такимъ образомъ въ епопѣ день именуется *Aprilarr*. Въ средніе вѣки, въ Европѣ допускалось сценическое представленіе различныхъ произшествій изъ Св. Писанія; по сему и кажутся вѣроподобнымъ мягкіе пѣхъ, которые почищаютъ ешу шушку нелѣпымъ подражаніемъ событію, случившемуся при допросѣ І.

(5) *Encyclopedie des gens du monde. t. I. à Paris. 1833, in 8.*

Христа, который приводимъ былъ опъ Каиафы къ Пилату, а опъ Пилата къ Ироду; что дало поводъ къ извѣстнымъ Нѣмецкой и Французской поговоркамъ: *je manden vom Pilatus zum Herodes schicken*, *renvoyer d'Herode à Pilate*, посылашь кого понапрасну (6).

Ешого обыкновенія доселѣ держался почти всѣ народы Славянскаго племени; у Чеховъ и Словаковъ говорятъ также *poslati koho s Arpilem*. Оно извѣстно въ Польшѣ и Литвѣ подъ именемъ *Primaprilis*, намекающее намъ о Римскомъ его происхожденіи; ибо Апрель у первыхъ, судя по климату, называется по *Березозолемб*, по *Цвѣтенеми*, по *Duben*. Ещо даетъ поводъ думать, что повѣрье сіе перешло въ Европу опъ Римлянъ съ самымъ названіемъ мѣсяца, или другимъ путемъ вмѣстѣ съ народами Востока, и что оно составляло часть языческаго празднества (7). Впрочемъ, еслибъ мы имѣли почтѣйшія свѣденія о религиозныхъ обрядахъ у Славянъ до введенія вѣры Христіанской: конечно, при разысканіи оныхъ, намъ открылось бы обширнѣйшее поле и возможность найти истин-

(6) *Conversations-Lexicon. Neue Folge. I. Abth. Leipzig, 1822, in 12.*

(7) *Gry i zabawy rożnych stanow etc. p. L. Gołębionyskięgo. w Warszawie. 1831, in 8.*

ну, къ какимъ временамъ относится епо обыкновеніе. Какъ начала первоапрѣльской шушки должно болѣе искать въ языческихъ суевѣріяхъ, нами упомянутыхъ: по едва ли можно предполагать для него новое основаніе въ Хрістіанскихъ воспоминаніяхъ.

Апрѣльскій обманъ въ Россіи становится исторически извѣстнымъ со временъ Петра I, и, по всему вѣроятію, введенъ Нѣмцами, жившими въ Россіи, между копорыми должно предполагать и прежде еще существованіе епого народнаго обычая. Въ 1700 г. содержатель труппы Нѣмецкихъ комедіантовъ въ Москвѣ объявилъ, что въ день самаго представленія влезетъ въ обыкновенную споловую бутылку. На сценѣ явилась бутылка съ надписью: *Первое Апрѣля* (8). Первоапрѣльскія шушки сперва распространились въ знатномъ кругу, а потомъ уже въ нижнихъ слояхъ общества; но въ крестьянскомъ быту, вдали отъ столицъ онѣ не извѣстны. Преданіе старожитовъ свидѣтельствуетъ намъ, что Нѣмецкіе фигляры и гаеры о Святой недѣлѣ на *Куковинкѣ* (такъ слыло мѣсто Новинскаго гулянья) показывали народу за деньги райки и выкидывали перво-

(8) Дѣянія Петра Великаго, т. 1—4. изд. 2. Москва, 1837, въ 8.

апрѣльскія шпунки, приглашая смотрѣть словомъ *Rufen*, отъ коего произошло и самое названіе мѣста: о чемъ напоминаетъ донынѣ существующій тамъ кабакъ *Куковинка*. Известно также, что въ первое Апрѣля позволялись шпунки при Дворѣ Императрицъ Анны Ивановны и Елисаветы Пепровны.

Такъ епопъ обычай, родившійся на чужой почвѣ, привился, подобно другимъ, въ отечественнымъ обычаямъ, кои вошли въ составъ жизни народной.

Обманчивая, непоспоянная *погода* въ Апрѣль, у Рускихъ въ обыкновенномъ языкѣ называется *Апрѣльскойю*, такъ какъ у Нѣмцевъ *Aprilwetter*, а *Aprilglück*, переменчивое счастье. На Сѣверѣ и погода могла давать поводъ къ объясненію и къ введенію чужеземнаго обычая обманывать въ первый день Апрѣля, и веселыми шпунками встрѣчать возвращающуюся весну.

V.

СВИСТОПЛЯСКА.

Свиснопляску Вяпчане ежегодно празднуютъ въ четвертую субботу по Пасхѣ: тогда собирается множество народа, по большей части, протсгаго, на то самое мѣсто, гдѣ они, въ 1480 году (1), подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, или, по Софійскому временнику, Росхохина, сражаясь ночью, по невѣденію, съ Успюжанами, пришедшими къ нимъ на помощь противъ Ташаръ, побили союзниковъ девять тысячъ подъ предводительствомъ Новгородскаго выходца Анфала, или Анеала, и сына его Нестора. На разсвѣтѣ только дня Вяпчане узнали свою ошибку. По этому случаю сосѣди прозвали ихъ *слѣпородами*, что

(1) Такъ въ Вяпскомъ рукоп. лѣтописцѣ, по свидѣтельству Преосв. К. Но въ Софійскомъ временникѣ, ш. I. стр. 452. означенъ 1418 годъ сего событія.

они своихъ не разглядѣли. Мѣсто погребенія убиенныхъ обратилось въ гульбище: оно находится на горѣ Раздерихѣ, близъ присущственныхъ мѣстъ, надъ рвомъ рѣки Вяпки. Тамъ въ воспоминаніе гибельной битвы Вяпчане соорудили деревянную часовню; въ самый день Свислопляски, послѣ обѣдни, поюся общія паннихиды по убиенныхъ Устюжанамъ, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти: „Анѣалу, предводителю Устюжскому, Нестору сыну его, Стефану, Ѳеодору, двумъ Машеямъ, двумъ Григоріямъ, Іоанну, Панкратію, Исааку.“ Въ ешой часовнѣ спойшъ большой деревянный крестъ, поставленный, неизвѣстно по какому случаю, какъ показываетъ вырѣзанная на немъ надпись: *Во второй день Мая 1593 года, при Благовѣрномѣ Царѣ Великомѣ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и при Благовѣрной Царицѣ, Великой Княгинѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ Годуновой и при Московскомѣ и Всероссійскомѣ Патріархѣ Іовѣ (2).*

Во время Свислопляски, около надгробной часовни, по праздничному обычаю, разставляющіяся шаптры, продаются особенныя, дѣлаемыя къ ешому дню и случаю, глиняныя

(2) Сравни ст. XX въ III части кн. I. Трудовъ и Записокъ Общества Испоріи и Древностей Россійскихъ. М. 1826, въ 8.

лошадки, свистки съ погремушками, шарикъ и разныя лакомства. Тамъ тогда ребятишки играютъ въ куклы, безпрестанно свистяпъ, приплясывая, или спановаясь по обѣ стороны рва, какъ бы въ наступательномъ положеніи, бросающъ другъ въ друга глиняными шариками, будно въ напоминаніе воинской ошибки предковъ; свистъ же есть проспонародное выраженіе промаха. Между пѣмъ вплоть до вечера продолжается гулянье Вяпчанъ; тамъ поющъ пѣсни подъ звукъ скрипокъ и балзлаекъ.

VI.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННІЙ.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день естъ праздникъ земледѣльцевъ и паспуховъ, у Рускихъ, Славянъ и другихъ племенъ. С. великомученикъ Георгій, родомъ Каппадокіанинъ, современникъ Діоклипіана, почищается покровишелемъ земледѣлія, спадъ и паспуховъ, по самому значенію его имени и попому, что онъ являлся на конѣ и въ одно изъ такихъ явленій исцѣлилъ паспуха, обличивъ его въ похищеніи овцы (1). Онъ славенъ также низложеніемъ, въ Ливійскихъ спранахъ, ужаснаго дракона и спасеніемъ отъ него дѣвицы, обреченной ему на жертву. Подобное чудо приписывается и въ другихъ спранахъ другимъ святымъ. Бароній въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ упоминаетъ, что въ IV вѣкѣ по Р. Х. чумоносный драконъ, поселясь у скалы Тарпейской, заразительнымъ дыханіемъ и опустошеніемъ окрест-

(1) Дни богослужбные православной Греко-Росс. Церкви, соч. М. Дебольскаго. Спб. 1837, въ 8.

ностей приводилъ въ ужасъ тамошнихъ жителей. Папа Сильвестръ осѣнивъ его чудовище крестомъ, низложилъ его. Въ память такого событія, въ VI вѣкѣ, учреждено Григоріемъ великимъ крестное хожденіе, ежегодно, для напоминанія чудесной побѣды, одержанной Римскимъ Первосвященникомъ. Между тѣмъ, въ 628 году, распространилось во Франціи вѣрованіе, что Св. Романъ освободилъ городъ Руанъ отъ чудовищнаго дракона; что С. Юліанъ, первый Епископъ Манскій, сокрушилъ въ селѣ Арленсѣ губительнаго дракона, который гнѣздился въ спѣнахъ одного древняго языческаго храма. По преданію, въ округѣ Тейля, С. Арнелій припахивъ на еписпрахили своей подобное чудовище, бросилъ его съ горы въ воды Сеиха. По сказанію Григорія Турскаго, С. Марцельмомъ освобожденъ былъ Парижъ отъ дракона; а въ Генуѣ недавно еще на площади храма Сан-Сиро, показывался древній колодезь, гдѣ сокрытъ былъ змѣй, пораженный сверхъестественною силою. Во Франціи, въ V вѣкѣ по Р. Х. учреждены процессіи, въ коихъ по три дни носимо было изображеніе дракона на шестѣ (2).

Между старинными рыцарскими пѣснями у Нѣмцевъ встрѣчается пѣснь о *сраже-*

(2) Antichità Romantica d'Italia: sulle feste. Milano. 1829, in 8.

нии *Дидриха съ дракономъ* (*Dieterichs Drachenfampf*): она содержитъ въ себѣ описаніе бѣшвы Бернскаго *Дидриха съ дракономъ*, котораго онъ убиваетъ для спасенія дѣвицы. Колларъ, въ собраніи Чернорусскихъ пѣсень, приводитъ Старославенскую легенду о *Swatém Girj*, гдѣ также воспѣвается побѣда его надъ змѣемъ и освобожденіе дѣвицы; она обанчивается слѣдующими стихами:

Swaty Girj znamena Krista spasitele,
A drak satana, zleho nepritele,
Panna cirkew swatù znamena,
Ktera gest krwi Kristowu wykupéna.

Такое преданіе, укоренившееся у столь многихъ народовъ Европы, побуждаетъ насъ искать общаго начала сему вѣрованію. Слова С. Евсевія, согласныя съ словами легенды, представляютъ намъ объясненіе. Въ письмѣ своемъ къ Константину онъ изъясняетъ совершенную радость объ истребленіи Язычества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Теперь возстановлена свобода, и промыслъ всемогущаго и всеблагаго Бога сокрушенъ драконъ (3).“ Драконъ означаетъ геній Язычества: отсюда и сокрушеніе такого спраш-

(3) Nunc vero, cum libertas restituta sit, et Draco ille providentia quidem Dei Optimi maximi submotus est.

наго звѣря аллегорически предспавляло Хрістіанамъ положеніе перваго камня новой Церкви на развалинахъ языческаго служенія, или, другими словами, поржеспво Опкровенія надъ духомъ мрака. Споль обширное значеніе дано подвигу С. Георгія!

Благоговѣніе къ Св. Побѣдоносцу распрспранилось во всемъ Хрістіанскомъ мірѣ: у Грузиновъ, Грековъ, Генуезцевъ, Италіанцевъ, Французовъ, Англичанъ и Рускихъ. Имя его служило девизомъ, паролемъ и клятвою у Франковъ при судебныхъ поединкахъ и въ битвахъ; ликъ его изображался на гербахъ и на монетахъ Генуезскихъ, Англическихъ и Рускихъ; Грузія, многіе города и урочища, особливо горы въ Нѣмецкомъ, Славянскомъ и Рускомъ мірѣ ознаменованы его именемъ, на пр: въ Верхней Венгріи при рѣкѣ Прадѣ S. Georgenberg, по Славянски Sobotir; въ Краинскомъ Герцогствѣ S. Georgenberg, или Jörgenberg, по Краинской Jurvava gora, помѣспье и замокъ; въ Тиролѣ Zergenberг; подлѣ рѣки Тунегі Юрьева гора. Въ Нерехтѣ ведется поговорка о богатомъ и зажиточномъ человекѣ, заимспвованная отъ Егорьевской горы близъ города: *Онѣ сѣтѣ какѣ Егорьева гора.* см. выше *Красная горка.*

Имя Георгій, отъ Греч. γεωργός и γεωργіος, земледѣлецъ, селянинъ, въ Даніи и Швеціи

Jögen, Iögan, Gögan, у Нѣмцевъ въ проstonародномъ языкѣ Jürgen, копорого они нѣкогда почитали за нѣкое древнее божество своего Язычества. У Рускихъ издревле, вмѣсто *Георгій*, употреблялось *Юрій*, *Гюргій* и *Гюрги*, вѣроятно отъ Греческаго народнаго *Γοῦργος* и *Γιοῦργάτης*, или отъ Нѣмецкаго *Jürgen*. У Малороссіянь ешо имя выражается по просторѣчю *Юрко*.

Егорьевъ день есть не только церковный, но и народный праздникъ, копорый сопровождается у Грековъ, Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Славянъ разными примѣтами, обрядами и весельями. Ешо отъ свяшый вишязъ являясь облеченнымъ мѣами народнымъ, принимался у Нѣмецкихъ Славянъ за Святовѣда, копорому посвященъ былъ бѣлый конь; у Греко-Римлянъ, обратившихся къ Хрїстіанству, нерѣдко смѣшивался съ Аполлономъ, Тезеємъ и другими героями Язычества. Суевѣріе жипшелей Скандинавіи приписало С. Георгію такія качества и подвиги, какіе придавало Тору или Одину (4).

Сама древность Хрїстіанская, по свидѣтельству С. Григорія Назіанзина, приписывала св. мученикамъ вліяніе на погоду и

(4) Edda Saemundina. t. III.

на плодоносіе земли: опъ епого встрѣчаешся у разныхъ народовъ множество повѣрьевъ и обычаевъ сельскихъ въ календарѣ погоды, ознаменованныхъ именемъ С. Георгія.

Въ Греціи С. Георгій, почиаемый покровишелемъ земледѣльцевъ и паспуховъ, открываетъ паспущескій годъ и празднуется семейнымъ пиршесствомъ, на коемъ обыкновенно съѣдается первенецъ стада. Самы Турки имѣютъ глубокое уваженіе къ сему святому, котораго называютъ *Djirjis*; Султанскимъ указомъ строго запрещено употреблять въ пищу ягнятъ прежде Юрѣва дни (5).

Весенній праздникъ С. Георгія приходится въ то самое время, когда у многихъ изъ сѣверныхъ народовъ вошло въ обыкновеніе торжеспвованіе насупленіе лѣшняго періода, или весны; и донынѣ въ Исландіи и Фінляндіи просполудины почишаютъ епоть день за великое празднеспво, опправляемое у нихъ съ чрезвычайною радоспью и съ различными языческими обрядами. Въ епо время муцины, предаваясь пьянспву, поютъ пѣсни, а женщины дѣлаютъ возліанія молокомъ у нѣкоторыхъ священныхъ деревьевъ. Въ Скандинавіи часпо встрѣчается живописное

(5) *Pouqueville voyage dans la Grèce. V tomes. à Paris. 1820, in 8,*

и ваяпельное изображеніе С. Георгія, поражающаго копьемъ дракона, и доселѣ въ народѣ повторяется сказаніе о его подвигѣ. На островѣ Фіоніи, близъ Свенбурга, указывается мѣсто, гдѣ, по преданію, С. Побѣдоносець сражался съ дракономъ и гдѣ поле, обогренное кровью чудовища, ничего не произращаетъ (6). Изъ легенды у Французовъ о покорности низложеннаго змія С. Георгію произошла поговорка: *Rendre les armes à Saint Georges*, возвращишь оружіе С. Георгію.

Въ Сербіи, въ Юрьевъ день, весьма уважаемый народомъ, прежде восхожденія солнца начинаютъ купаться, и освященною вербой, такъ какъ въ Россіи, выгоняють въ поле скопину. Тамъ и пословица говоритъ: *Нѣтъ лѣта безъ Юрьева дни*; а въ пѣсняхъ дѣвица такъ призываетъ епомъ день: „О праздникъ С. Георгія, приди и найди меня „за мужемъ!“ (7). Мадыры называютъ и Апрель, въ коемъ приходится оный, *Szent György hava*.

Въ Булгаріи имѣють обычай въ день С. Георгія закалать агнца такъ, чтобы ни капли крови его не пало на землю, а кровію его

(6) *Rüh's Finnland u. seine Bewohner*. Leipz. 1809, in 8, p. 506.

(7) *Poësie populaire des nations Slaves* въ *Revue britan.* Janv. 1837, No 13.

помазываютъ дѣшею своихъ, дѣлая знаменіе креста на челѣ, ланипахъ и бородѣ. Зажаривъ епсого барашка, собираются всѣ домашніе и холосная родня, призываютъ священника, который надъ нимъ читаетъ молитву и благословляетъ: попу опдается шкурка и лопашка ягненка. Когда ѣдятъ освященнаго барашка: по собравъ всѣ косточки, зарываютъ ихъ въ землю. Въ епсоть же день, по замѣчанію Г. Липранди, жарился такой барашекъ, только безъ означенныхъ обрядовъ, въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и въ другихъ мѣстахъ Општоманской Имперіи. На всемъ Востоку, въ Архипелагѣ и у насъ на Черномъ морѣ, Греки, Славяне и Турки не прежде пускаются въ море, какъ въ Юрьевъ день (8).

Во многихъ мѣстахъ Красной и Бѣлой Руси Юрьевъ день — праздникъ паспуховъ, въ Черной Руси *обѣдная*, когда свящаютъ хлѣбъ. Епсотоужество сопровождается конскими ристаніями, пѣснями и пиршествами. Въ Бѣлоруссіи тогда же выгоняютъ изъ хлева вербою скотъ *на Юрьеву росу* (9); тамъ

(8) Путешествіе изъ Триеста до С. Петербурга, въ 1810, 2 ч. М. 1825, въ 8.

(9) Съ Юрьева дни до Михайлова въ Тюрингенъ запираются луга, въ силу сѣннаго права (*Heutecht*), которое

поговорка *вытти на Юрьеву росу* значить выздоровѣшь больному чловѣку: тогда па-спухи получають по десяжку яицъ, по куп-шину молока и гоповають себѣ въ полѣ яч-ню. По выгонѣ скота на Юрьеву росу, хозяинъ уже не забоится объ немъ, бу-дучи увѣренъ въ безопасности своей ско-пины, порученной покровительству С. Ге-оргія. По памошней поговоркѣ, *Св. Юрій ко-ровѣ запасаетъ, а Никола коней*. Если же по-гда случится въ приходской церкви празд-никъ сему святому: то отправляется *жер-машѣ*, у Поляк. *Kiermasz*, или *Iarmark*, приход-ское торжество, соединенное съ угощеніемъ сосѣдей.

Въ Малороссіи, 23 Апрѣля бываетъ кресный ходъ *на жито*, по замѣчанію Г. Лашкевича изъ Спардуба: опитѣвъ молебень съ водосвященіемъ, священники окропляютъ

и произвело пословицу: *Die Wiese gehet in das Heu zu St. Georgentag*, т. е. лугъ идетъ въ сѣно, на лу-гахъ начинаютъ косить, съ Георгіева дни. Другая посло-вица также гласитъ:

Auf Sanct Gürgen

Soll man die Kuh von der Weide schürgen,

т. е. На св. Юрія надобно корову шуркать (гнать) съ пашии. См. *Die Sprichwörter u. sprichwörtlichen Redensar-ten der Deutschen*, von Dr. W. Körte. 4 Lief. Leipz. 1837, in 8.

нивы св. водою. Послѣ ешого, молодежь обоего пола забавляется невинными играми, кашається по жишу, чшобы *быть сильными и здоровыми, какъ Юрьева роса*. До крестнаго хода поселяне не выгоняють скопины въ поле; а женщины знахарки, на зарѣ ешого дня, выходятъ на поле и шамъ распшляють холспъ, копорый онѣ напыываютъ росою: ешимъ онѣ хваляся, по произволу, причинить вредъ рогатому скоту, особливо ко-ровамъ, опшимаая у нихъ молоко. Въ Курскѣ, въ Юрьевъ день, близъ Егорьевской церкви на Херсонской улицѣ бываесть ярмарка, на коей продаются деревянныя и глиняныя коровки и другія животныя.

На Сѣверѣ Россіи, въ ешоптъ день бываесть первый всенародный праздникъ съ открытія весны; между простолудинами онѣ поже, чшо въ городахъ первое Мая. Въ Шенкурской и Вельской округахъ, по Вагѣ, въ Юрьевъ день опшправляеся молебствіе всѣмъ міромъ, копорое заключаеся пиршесствомъ по домамъ. Молодцы, дѣвицы и молодки собравшись шамъ на широкіе луга, составляють два опдѣленія; молодцы присоединяются къ дѣвицамъ и взявшись за руки, бѣгаютъ по прямому направленію, влопъ до вечера. Послѣ ешого праздника, креспьяне принимаются сѣять ячень, овесъ и ш. д. Око-

ло Солигалича и Буя, въ Юрьевъ день, ночью крестьяне ходящъ и поющъ пѣсни съ припѣвами о сохраненіи спады своихъ. Въ Смоленскѣ жипели выходятъ за городъ прохладжашся *на горы*, а пастухи выгоняють скотъ на Юрьеву росу и праву. Въ Тульской Губ. служатъ также молебны на колодцахъ; послѣ чего, окропивъ скотъ св. водою, выгоняють его въ поле вербою, освященною въ Вербное Воскресенье. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ходящъ вокругъ селъ и полей съ св. образами; въ Муромскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству Ходаковского, сами поселяне нашивали св. образа и свѣчи вокругъ пашни своей, съ пѣніемъ слѣд:

„Воскликнемъ-те, братцы,
Свяшую куралесу (10):
Дажь, Боже, намъ
Ячень усапый,
Пшеничку колосиспу, и ш. д.

С. Линде въ своемъ Словарѣ Славянскихъ нарѣчій замѣчаетъ, что „въ Россіи два Егорья: „одинъ весенній, другой осенній; одинъ голодный, другой холодный.“ — Какъ въ разныхъ климапахъ Россіи, въ Юрьевъ день случается разная погода, и природа представляется въ разныхъ видахъ: по въ одномъ мѣстѣ онъ является *сб теплобъ*, въ другомъ

(10) Вѣроятно, искаженное: *Куріе ἐλέησον*.

съ двѣнадцатью морозами, въ одномъ съ водой, въ другомъ съ кормомъ. Въ Московской, Костромской и иныхъ Губерніяхъ подь одинакою съ ними широтою, пословица гласитъ: *Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ*; онъ приходитъ съ двѣнадцатью морозами и попомъ съ тепломъ. Двинскіе и Важскіе жишели говорятъ: *Егорій съ водой, а Никола съ травой*; попому чпо съ перваго дни послѣднихъ числъ Апрѣля, Сѣверная Двина и Вага часто вскрываюшяся, а съ появленіемъ Мая появляешя зелень на берегахъ, освобожденныхъ опъ льдиспой коры своей. Въ Тульской и Орловской Г. говорятъ поселяне: *Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ*, а въ Рязанской и Тамбовской: *Егорій съ кормомъ, а Никола съ мостомъ*. Съ ешимъ днемъ у крестьянъ соединены разныя примѣшны, относящіяся въ ихъ быту; тогда бываюшъ у нихъ сроки и порги, выгоны и первое сѣяніе яроваго и огородныхъ расшеній. Начиная съ Юрьева праздника свои пруды и сѣлки, они свящяпъ имя С. Георгія великимъ благоговѣніемъ и призываюшъ его на помощь въ работахъ и напастяхъ своихъ.

При началѣ Хрістіанства въ Россіи нѣкоторыя великіе и удѣльные Князья носили уже имя С. Георгія, въ честь котораго и

сооруженъ храмъ въ Кіевѣ предъ вратами С. Софіи, 1057 г., и установленъ празднигъ освященія онаго по примѣру Греческой Церкви. На Югѣ Ярославомъ Юріемъ, основателемъ Юрьева Ливонскаго, а на Сѣверо-Востоку Россіи поселено особенное благоговѣніе къ сему святому В. К. Юріемъ Долгорукимъ, основателемъ Юрьева Польскаго; послѣдній съраспространеніемъ своихъ владѣній на Сѣверѣ распространилъ и вѣру Евангельскую подъ знаменами своего патрона, между полуязыческими племенами, и соорудилъ въ честь его церкви (11): чпò, можетъ бытъ, и дало поводъ внести С. Георгія и въ гербъ Россійскій, какъ утвердителя и защитника православія, поборника Хрісполюбивому воинству и *плѣнныхъ свободителя*. Въ старинномъ народномъ сказаніи *Егорій храброй* (12) представляется сыномъ премудрой Софіи и братомъ шрехъ ея дочерей, проповѣдникомъ Бусурманства и поборникомъ вѣры истинной на свѣтлой Руси. Принявъ благословеніе отъ Св. Софіи, онъ говоритъ:

„Поѣду я по всей землѣ свѣтлоруской

Утверждашь вѣры Хрістіанскія.“

Тутъ же Егорій потъжаючи,

Свяшую вѣру утверждаючи,

Бусурманскую вѣру побѣждаючи,

(11) *Карамз.* II. Г. Р. ч. I.

(12) по списку П. В. Киреевскаго.

Наѣзжалъ Егорій храбрый
На лѣса на дремучіе :
Нельзя Егорію было протѣхашъ ,
И Святому подумаши ;
И Святой Егорій проглаголуешь :
Ой вы , лѣса шѣмные !
Вы лѣса дремучіе !
Зароститесь вы , лѣса ,
По всей землѣ свѣтлоруской ,
По крупымъ горамъ , по высокымъ ,
По Божьему все повелѣнью ,
По Егорьеву все моленію !

Св. Георгій назначаетъ мѣсто въ Русской землѣ , по Божьему велѣнью , лѣсамъ , горамъ , рѣкамъ , звѣрямъ ,

Они (звѣри) пьютъ , ѣдятъ повелѣнное ,
Повелѣнное , благословенное
Ошь Георгія храбраго ,
Наѣзжалъ Егорій на спадо на зминое ;
Вынималъ Егорій саблю острую ,
Спадо острое , зминое .
Посѣкъ , порубилъ спадо острое .

Въ заключеніе Побѣдоносець крестилъ прехъ сестръ изъ Бусурманской вѣры въ истинную Хрістіанскую . Ета легенда , по замѣчанію Профессора Шевырева , вѣроятно относится къ эпохѣ освобожденія Россіи отъ Татарщины — *стада зминого* .

О Св. Георгіѣ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что онъ ѣздилъ на бѣломъ конѣ, который въ средніе вѣки былъ символомъ феодальнаго Государя (13); хранишь скотъ и только за нечестіе пастуховъ предаешь его на расхищеніе волкамъ; опшого вѣроятію и поговорка: *Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.*

Еще въ XVI вѣкѣ существовало на Руси повѣрье, что въ Лукоморьѣ есть люди, которые умираютъ въ Юрьевъ день осенній (26 Ноября), а въ весенній оживаютъ, снося предъ смертію своей повары въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди ихъ, въ печеніи зимы, могутъ брать оныя за извѣстную плашу. Зимнеспячки воскресая весной, расчлѣпываются съ ними (14). Подобное сказаніе о полунощныхъ народахъ, спавшихъ по шести мѣсяцевъ въ году, извѣстно было и Геродоту, который не вѣрилъ етому, хотя основаніе такому мнѣнію находилось въ мѣстности, климатѣ и образѣ жизни.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день, на Руси въ старину былъ замѣчаше-

(13) У Поляковъ есть и пословица: *Nabożny jak S-Jerzego koń*, „набоженъ какъ конь С. Георгія“, говорившая о пустосвящѣ.

(14) *Харамз.* И. Г. Р. ч. I стр. 8 и VII стр. 233.

лень срокомъ перехода поселянъ опъ одного помѣщика къ другому и поселенія ихъ, по условію, на помѣщичьей землѣ; онъ важенъ началомъ и окончаніемъ полевыхъ работъ; самый оброкъ, вносимый крестьянами помѣщику, называется *Юрьевымъ* (15).

Въ память побѣды Рускихъ надъ Чудью и Вопяками, жипели Хлынова весною и осенью въ Юрьевъ день нашивали изъ села Волкова въ Вятку съ образомъ С. Георгія желѣзныя стрѣлы, бывшія оружіемъ Чудскимъ (16).

Споль много воспоминаній и предметовъ жизни народной соединялось въ лицѣ С. Георгія! Его день на Руси важенъ не только какъ праздникъ церковный, но какъ и народный, въ историческомъ, хозяйственномъ и политическомъ отношеніи. —

(15) см. Рускіе въ своихъ пословицахъ, И. С. ч. I—4.

(16) Карамз. И. Г. Р. ч. III. прим. 33.

VII.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Первомайскій праздникъ у городскихъ жишелей есть первое весеннее гулянье за городомъ въ роцѣ, гдѣ болѣе катаются въ экипажахъ, чѣмъ гуляютъ пѣшіе. Перваго Мая бывали и школьныя празднества въ западной, южной и отчасти въ сѣверо-восточной Россіи.

Ето гулянье, неизвѣстное въ сельскомъ быту на Руси, есть иностранное и новое; возводя насъ къ западнымъ обычаямъ, оно переноситъ въ древній Римскій міръ, гдѣ надобно искать и самаго значенія слова *Май*.

Нашъ Май есть Римскій *Majus*, сначала претій, а потомъ пятый мѣсяцъ года, посвященный у Латинянъ разнымъ богослужбынымъ обрядамъ и празднествамъ, какъ-то: въ честь Доброй Богини (*Bona Dea*), или *Maiu*, вѣроятно давшей названіе и мѣсяцу, который другіе производятъ отъ *maiores* (предковъ), въ память усопшихъ (*Lemuria* или *Remulia*), также въ честь Меркурія, проводника душъ усопшихъ, сына *Maiu*, дочери Атлантовой и п. д. (1). Изъ числа мѣстныхъ божествъ

(1) Neues Real-Schullexicon, von C. Junke. 4 T. Braunschweig. 1801, in 8.

Лаційскихъ извѣспенъ *Maii* (Majus) въ Тускулѣ, а *Mai* (Maia, или Majesta), по свидѣтельству Макробія, посвященъ былъ мѣсяцъ Май. Всѣ сіи божества и мѣны одноименныя, взятыя вмѣстѣ, могли сообщить свое названіе мѣсяцу Маю, который и самые Римскіе писатели производящъ по опъ одного, по опъ другаго. Въ вѣчномъ градѣ было также Майское празднество *Majuma* въ воспоминаніе *Maii*, выводимой изъ Востока и значущей въ Индійской Мифологіи *мать природы*; оно, какъ полагающъ нѣкоторые Археологи, начиналось въ концѣ Апрѣля и оканчивалось въ началѣ Мая (2), сославляя одно съ *Judi florales*. Въ эпоху праздника Римляне обливали другъ друга и купались въ Тибрѣ, въ который Веспалки бросали тростниковыя чучелы въ честь Сатурна. У Франковъ былъ подобный первому обрядъ, сопровождавшійся наказаніемъ мужей, давшихъ волю своимъ женамъ (3). Первое Мая съ утра Римляне обоего пола выходили въ поле съ музыкою собирать зеленыя вѣшви, коими украшали двери своихъ родственниковъ и друзей.

Дни поминовеній у Римлянъ осенью и особливо весной почитались неблагопріят-

(2) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*. t. IV. Halae. 1786, in 3.

(3) Вѣстникъ Европы 1811, No 20.

ными для свадебъ ; посему и Май, признаваемый бѣдспвеннымъ для супружесивъ, далъ поводъ къ пословицѣ: *Mense Majo malae nubunt*, п. е. въ мѣсяцъ Маѣ выходятъ за мужъ злонаправныя, распушныя. Это повѣрье, прошивное испинной вѣрѣ и разсудку, передалъ намъ Овидіи in *Fastis*, кн. V, въ слѣдующихъ стихахъ:

*Nec viduae taedis eadem, nec virginis apta
Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.
Nac quoque de causa, si te proverbia tangunt,
Mense malas Majo nubere vulgus ait.*

„п. е. Время сіе не благопріятно ни вдовамъ, ни дѣвицамъ, вступающимъ въ бракъ; не „долговѣчна бывала ша, которая выходила „за мужъ. По етой причинѣ, если вѣрится „пословицѣ народной: въ мѣсяцъ Маѣ выходятъ „за мужъ женщины злонаправныя, дурныя.“ Плутархъ говоритъ также, что „Римляне не женятся въ Маѣ, но ожидаютъ Іюня“ : οὐ γαμοῦβιν οὐν ἐν τῷ Μαῖῳ, περιμένοντες τὸν Ἰούνιον (4). Также у Рускихъ извѣсна поговорка: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ вѣкъ маяться.* Примѣша о маяніи супруговъ, сочетавшихся въ Маѣ, какъ замѣчаетъ одинъ Археоплѣ (5), ежели встрѣчается и въ креспьянсивѣ: то вѣрояшно, отъ того,

(4) *Plutarchi R. Q.* 86.

(5) Московск. Вѣстникъ, 1828, No 4.

что послѣ Мая начинающіяся для бабъ, подлинныхъ помощницъ для мужей, самыя трудныя работы, при недоспажкѣ продовольствія: возка и разбивка назема, сѣнокосъ и жнишво. Французы говорятъ также пословицей: *Noces de Mai, nocés mortelles*, т. е. Майскія свадьбы, смертельные свадьбы.

У Грековъ *Первое Мая* (*Πρωτομαΐα*) есть веселый праздникъ, похожій на Рускій Семикъ. Тогда у нихъ двери домовъ украшаются цвѣтами и древесными вѣтвями, и вся Греція встрѣчаетъ начало лѣта въ рощахъ и садахъ народными увеселеніями. Но самое названіе мѣсяца и празднество заимствованы ими отъ Римлянъ. Въ Эссалии, по свидѣтельству тамошняго уроженца ученаго Байло, двое юношей въ вѣнкахъ ходятъ по домамъ въ первый день Мая.

У Шведовъ, Датчанъ, Нѣмцевъ и Англичанъ издревле *Первое Мая* (*Meje-tag*) было радостнѣйшимъ праздникомъ, вѣроятно, воспоминаемъ Одинова богоученія. Майскія веселья сопровождались хороводами вокругъ *Майскаго дерева*, которое у Римлянъ называлось *Maius, arbor majalis*, у Датчанъ *Maistræe*, у Англичанъ *Maupole*, у Французовъ *le mai*, у Нѣмцевъ *Maibaum* (6). Доселѣ молодыми березками (*die Maie*) украшаются въ Германіи дома, комнаты и церкви, особливо

(6) Edda Saemundina, t. III.

въ Троицынъ день. Первое Мая поселяне одного или многихъ селеній, собравшись вмѣстѣ, ѣздяпъ вапагами на лошадахъ съ зелеными вѣпвями въ рубахъ или на шляпахъ; что называется въ Даніи и Германіи: *привозить лѣто на коняхъ въ село*. Тогда же пѣвались веселыя пѣсни. Брапчины, дѣлавшія на свой щепъ пиршество, назывались *Majigilder*. Отъ Майскихъ народныхъ игръ произошли у Франковъ и Англичанъ *собранія Майскаго поля* (*Mai campus*), какія ежегодно назначали въ Маѣ первые Короли Франкскіе. По окончаніи дѣлъ, давались пиршества и зрѣлища съ разными попѣхами. Во многихъ мѣстахъ Франціи еще сохраняется обычай спавишь передъ домомъ городскаго Мера Майское дерево. При Людовигѣ святомъ дѣяки (клеры) судилища *Vasosche* пользовались правомъ срубать дерево въ Винценскомъ лѣсу и спавишь его предъ дворцемъ. Наконецъ, въ Испаніи наряжаютъ прекрасную поселянку въ бѣлое платье и увѣнчавъ ее цвѣтами, сажаютъ на пропѣ, а юныя подруги, окружающія ее, дѣлають сборъ для *Maiu*, какъ бы въ воспоминаніе епой плеяды (6). Тамъ Апрельъ и Майпочитаются ключами къ цѣлому году. Въ Англии и Скандинавіи

(6) Dictionnaire de la conversation et de la lecture. t. XXXV. Paris. 1837, in 8.

избирались Майскіе цари и царицы, копорые въ вѣнкахъ изъ Майскихъ цвѣтовъ, въ сопровожденіи юношества обоого пола, обводимы были вокругъ высокаго шеста, называемаго *Majstöng*. Шведскій Король Густавъ I, въ 1596 году, сдѣлалъ Иоанна Магнуса, Упсальскаго Архіепіскопа Майскимъ Королемъ (*Maigreffwe*), котораго водили въ цвѣточномъ вѣнкѣ по улицамъ на Ериховой ярмаркѣ, 18 Мая. Етошь *Maigreffwe* давалъ пиршество Королю, придворнымъ и народу (7).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи Ивановъ огонь (*Johnnisfeuer*) зажигаютъ 1 Мая, добывая его преніемъ дерева объ дерево (8). Какъ въ Кіевѣ, въ Ивановскую ночь, на Лысую гору, такъ въ Германіи на Броккенъ, или Блосбергъ, въ Вальпургову ночь, наканунѣ перваго Мая, оповсюду собираются вѣдьмы, колдуньи, враждебные духи и всѣ, копорые находятся въ связи съ дьяволомъ: они превращаются въ разныя живопныя, ѣздящъ на лопатахъ и помелахъ. Тамъ онѣ пляшутъ вокругъ чертова прѣбизца и совершаютъ неисповое торжештво. Въ Вальпургову ночь, извѣстную въ Германіи и Швеціи, у Нѣмцевъ по мѣстамъ ведется обычай бѣгашъ съ

(7) *Ihre Glossarium Sviogothicum*. Upsalae. 1769, 2 т. in f.

(8) *Handbuch der Germanischen Alterthumskunde*, von Dr. G. Klemm. Dresden. 1836, in 8.

горящими пучками соломы, привязанными къ длиннымъ шестамъ, и спрѣлять въ сосѣднія горы. Какъ Маемъ нѣкогда Европейскіе народы начинали новый годъ: по и еша таинственная ночь и относящаяся къ ней суевѣрія остаются еще въ обычаяхъ при перемѣнѣ времени года; при томъ первое Мая составляетъ для жителей Германіи важную эпоху, съ которой начинаются экономическій годъ и полевая работа, заключаются контракты по откупамъ: по древніе Нѣмцы, по суевѣрію своему, почитая всякую неудачу въ хозяйствѣ дѣломъ дьявола или вѣдьмъ, его помощницъ, могли представлять себѣ, что особенно наканунѣ Мая, ночью они спрыгивъ имъ козни. Такимъ образомъ введенъ обычай разгонять въ эту ночь бѣсовъ и вѣдьмъ (9). Самое положеніе и свойство Броккена, составляющаго часть Гарца въ Вернигеродскомъ графствѣ, даютъ поводъ заключать, что тамъ въ Язычествѣ было капище, а въ мѣстахъ вѣдьмъ предполагаются слѣды ночнаго сходбища и богослужебнаго обряда, совершавшагося жрицами и вѣдьмами. Майскій праздникъ *истогниковъ* славился въ Богеміи (10).

У Нѣмцевъ Май въ древности назывался *Mejemonat*, н. е. *Wonnemonat*, радостный, *Wiesemonat*,

(9) Энциклопедическій Лексиконъ, т. III.

(10) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

луговой, *Rosemponat* розовой; *Tri-milchi*, у древнихъ Саксоновъ и Англичанъ прое-млечный, попому что въ Маѣ прижды въ день доятъ коровъ. У Славянскихъ племенъ ешопъ мѣсяць извъ-шенъ шо подѣ именовъ *Травеня*, шо *Цвѣтне-ня*, шо подѣ Римскимъ именовъ *Мая*. У Поляковъ только Марпъ (*Marzec*) и *Май* (*May*) сходны названіемъ съ Римскими мѣсяцами; у нихъ *May* значипъ шакже зелень, вѣтви съ зелеными лиспьями, особенно березы, а *uścis głowę* увѣнчашъ голову вѣнкомъ. *Maj*, *Majówka* — Майскія гулянья, праздникъ весны въ первомъ ея цвѣтѣ. У древнихъ жителей, говоритъ Л. Голембовскій, была богиня Мая, коей они воздавали почтеніе въ первый день ешого мѣсяца; ее донинѣ призываютъ Греки въ пѣсняхъ и пляскахъ, коими обыкновенно вспрѣчаютъ Славяне весну на муравѣ (11). При послѣднемъ изъ Королей Ягеллонскаго племени Сигисмундъ Августъ, еще въ нѣко-порыхъ округахъ сходились наряженныя молодицы на лугъ и, схватившись руками, составляли хороводъ (коло) и съ упоительными плясками возглашали похвалы веснѣ. Въ Пинцинѣ и другихъ краяхъ Липвы, первое Мая, народъ, собравшись на лугъ для веселья,

(11) *Gry i zabawy różnych stanów etc. opis. p. L. Gołębiowskiego. w Warszawie. 1831, in 8.*

спавилъ шамъ зеленое дерево, украшенное разноцвѣтными лентами. Туда сходились дѣвки, молодки и парни подъ предводительствомъ избранной ими прекрасной и ловкой дѣвицы, которая представляла изъ себя богиню Маю; свѣжій зеленый вѣнокъ украшалъ чело ея, а березовыя вѣтки обвивали весь ея спань. Повторяя въ пѣсняхъ своихъ: о Маја! Маја! онѣ плясали около дерева.

Май былъ не только сельскимъ, но и издавна школьнымъ празднествомъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ тамошнихъ училищахъ оно извѣстно подъ именемъ Majówki, или рекреацие majowe. На самомъ разсвѣтѣ перваго или послѣдующихъ дней Мая, колокольчикъ и музыка сзывали учащихся и учащихся на дѣдинецъ (дворъ), опшуда ряды ихъ, подъ своими знаменами, шли за городъ, гдѣ ихъ угощали тамошніе помѣщики и гдѣ они забавлялись разными играми, особенно гимнастическими, и поздно уже вечеромъ возвращались домой съ веселыми пѣснями и музыкой.

Естьъ обычай, существовавшій издревле во всѣхъ Европейскихъ училищахъ, изъ Польши перешелъ и въ южную и даже въ великую Россію, вмѣстѣ съ школьными системами.

Въ прежней Кіевской Академіи, въ при Майскія рекреации, всѣ ученики и учителя и спороніе любилели науки выходили для

забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ Глубочица (12). Тамъ всѣ забавлялись разными играми, а студены пѣли каншны. Учитель поэзіи обязанъ былъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи для шагихъ прогулокъ, а прочіе училиши писали діалоги.

Въ прежде бывшемъ Харьковскомъ Коллегіумѣ и въ другихъ училищахъ духовныхъ праздновались Майскія рекреаціи 1, 15 и 30 числѣ мѣсяца, а Богословскія 8 го.

Въ Великой Россіи, какъ мы уже замѣтили, у поселянъ Юрьевъ день, первый весенній праздникъ, то же что первомайское гулянье у горожанъ. Въ Москвѣ оно бываетъ обыкновенно въ Сокольнической роцѣ, копорая сослывляетъ часть Лосиннаго погоннаго осирова, гдѣ издревле Рускіе Государи любили потѣшаться звѣриною и соколиною охотой. Въ просторѣчій это гулянье слыветъ *Нѣмецкими станами и Нѣмецкими столами*. Преданіе гласитъ, что здѣсь было первое становище Нѣмцевъ, вызваныхъ и добровольно приѣхавшихъ въ Россію и поселившихся въ Нѣмецкой слободѣ, извѣстной подѣ Финнскимъ названіемъ *Кукуй*, или *Кокуй* (13). На новосельи они собирались воспоминашь

(12) Описаніе Кієво-Софійскаго Собора и Кієвской Іерархіи. Кієвъ, 1825, въ 4.

(13) костеръ. см. *Жупало*. Карамз. И. Г. Р. ч. XI.

опечесивенный свой праздникъ *Первое Мая*; любопытство привлекало туда и Русскихъ, у которыхъ въ послѣдствіи обрусѣлъ епопъ чужестранный праздникъ; но названіе *Нѣмецкихъ становъ* удержалось.

Когда въ Москву приведены были пѣвныя Шведы: Пётръ I поселивъ ихъ близь Сокольничьей рощи, роздалъ знающимъ разнымъ мастерства въ науку Русскихъ мальчиковъ, которые помѣщены были въ Матроской фабрикѣ въ Преображенскомъ селѣ. Епопъ Государь - хозяинъ, имѣвшій дворецъ въ Сокольничьей рощѣ, гдѣ теперь Чорикова дача и старыя липы въ саду, угощалъ Шведскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, по обычаю ихъ спиранны, въ первое число Мая: епо угощеніе прослыло *Нѣмецкими столами*. Кпо изъ Московскихъ жителей не помнишь тѣхъ *Русскихъ словъ*, какіе давалъ сряду при дни послѣ своей коронаціи Императоръ Александръ I своему народу на Сокольничьемъ полѣ!

Такъ изъ частнаго Нѣмецкаго гулянья составилось общее Московское! Какъ Пётръ I завелъ въ Россіи народныя гульбища: по и учрежденіе первомайскаго гулянья въ Сокольникахъ приписывается ему, тѣмъ болѣе, что онъ обрашилъ мѣсто соколиной попѣхи въ позорище примѣрныхъ сраженій, осадъ крѣпостей и, вѣроятно, самъ участво-

валъ съ Нѣмцами въ ихъ народномъ первомайскомъ праздникѣ, который они отправляли на чужбинѣ, подъ гостепріимною сѣнью Сокольнической рощи. Теперь, въ епотъ праздничный день, роща, вмѣщающая въ себѣ прелестный лѣтній городокъ, оглашается оркестрами музыки и хорами пѣсельниковъ и цыганокъ; по дорогамъ плянутся блестящіе ряды екипажей, неспирѣютъ группы пѣшеходцевъ обоого пола и разнаго званія, а въ сторонѣ, подъ привѣпною сѣнью сосенъ сидятъ сѣмейныя круговеньки за самоваромъ; по мѣстамъ приманиваюшъ къ себѣ палатки и шатры съ прохладительнымъ и горячительнымъ, а разныя попѣхи балагановъ забавляюшъ толпы гуляющихъ.

Въ такихъ видахъ предспавляется у насъ первомайскій праздникъ, переданный намъ, какъ *школьный*, опъ Поляковъ, какъ *народный городскій*, опъ Нѣмцевъ! Опъ ешого первый болѣе извѣспенъ въ бѣлой и малой Россіи, а другой въ великой. Оба сдѣлались достояніемъ городовъ; ибо у поселянъ первое Мая, съ *Еремея запрягальника*, выходятъ на *Майскую росу* пахать поле и, по Майской погодѣ примѣчаютъ, каковъ будетъ урожай хлѣба и сѣна, чпобы зимою имъ не маяться.

УШ.

ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.

Птицегаданіе, или птицеволхвованіе, столь важное въ вѣрованіи Египтскихъ, Римлянъ и восточныхъ племенъ, извѣстно и Славяно - Рускимъ, какъ видно изъ старинныхъ народныхъ повѣрствъ и обрядовъ, доселѣ существующихъ (1). Къ птицамъ пѣвчимъ, вѣщимъ (*oscines*), предвѣщающимъ добро и зло своимъ голосомъ, принадлежишь *кукушка*, коей звукоподражательное названіе во всѣхъ почти языкахъ сходно: у Индусовъ она *kokila*, у Турокъ *koukou-kouchi*, у Еллиновъ *κόκκις*, у новыхъ Грековъ *κοῦκος*, у Римлянъ *susulus* (*canopus*), у Французовъ *coucou*, у Нѣмцевъ *Kuckuck* или *Mai Vogel*, у Англичанъ *suscouw*, и ш. д. Но въ Малороссійскомъ нарѣчьи, такъ равно и въ Чешскомъ (*Zežhule*), она извѣстна подъ именемъ *зозули*; а въ Липовскомъ *Gieguzie*, *Kukucka* значить Май.

Въ Липовской Мифологіи, столь обильной превращеніями, кукушка занимаетъ главное мѣсто (2). Въ ней находится сказаніе о дочери богатаго дворянина, сеспрѣ прехъ

(1) см. Святки. вып. II.

(2) Сынъ Отчества. 1836, № 16.

братъевъ, которые пали подъ предводительствомъ храбраго Кейспута на войнѣ съ монахами - рыцарями. Нѣжная сестра ушла горевать и плакать въ лѣсъ, и тамъ превращена въ кукушку верховнымъ божествомъ, надъ нею умилосердившимся. Въ память плача ея, вѣроятно, названа въ Россіи права *кукушкины слёзы* (*orchis latifolia*), а вдова и сирота — *горькою кукушкою*. И въ Рускихъ народныхъ сказкахъ, по свидѣтельству Г-на Глаголева, упоминается о превращеніи волшебницею одной несчастной дѣвушки въ *рябую кукушку* (3). Въ Самогитіи и Липвѣ простолюдины весьма уважая кукушку, приписываютъ ей даръ предвѣстія. Если она закукуешъ надъ чьимъ либо домомъ: то епо почиается за предвѣщаніе смерти хозяину. Кпожъ услышитъ въ первый разъ ея кукованье въ лѣсу, имѣя при себѣ деньги, тому вѣрная примѣта, что онъ круглый годъ не будетъ у него переводиться. Ея голосъ служитъ оракуломъ для пого, кто ее спрашиваетъ о чемъ либо (4). Народныя преданія сохранили намъ пѣсенку, которую и донынѣ поютъ дѣвушки въ Са-

(3) Труды Общества любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821, въ 8.

(4) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786, въ 8.

могиціи, когда желаютъ что либо узнать
опъ кукушки :

Tu seserity brangioy ,
Tu giegùzajty rajboy ,
Brolum arklus ganidama ,
Szytkum siufus wajstidama ,
Sasik kad'asz wiva gansu ?

ш. е. Ты, сестрица дорогая ,

Пестрая кукушка ;

Кормя коней брашнихъ ,

Мояя нипи шелковыя ,

Скажи мнѣ, скоро ли мужа достану ?

Сколько разъ, послѣ этого вопроса, про-
кукуетъ кукушка, чрезъ сколько лѣтъ долж-
но и совершиться желаніе (5).

Въ Великой Россіи, когда поселяне
идутъ лѣсомъ и услышатъ кукованье въ-
щей птицы; то спрашиваютъ : „Кукушка,
„кукушка! скажи, сколько мнѣ жить го-
„довъ?“ Сколько разъ прокричитъ эта пти-
ца, столько и считаютъ лѣтъ до своей кон-
чины.

Въ Литвѣ и понынѣ отправляютъ
праздникъ въ честь кукушки. На третій
день Свѣтлаго Воскресенья собирается мо-
лодежь изо всей деревни въ одинъ домъ и

(5) Сынъ Отечества 1836 г. No 16.

поютъ разныя пѣсни, послѣ чего наступаетъ танецъ Giaguzu. Царицею этого танца выбирается дѣвица отличной красоты (Giegiely); потомъ становяпся въ кружегъ, среди коего сидитъ она на стулѣ съ завязанными глазами; всѣ пляшутъ вокругъ нея. Послѣ всякаго круга, мужчины подходятъ къ сидящей, и взявъ ее за руку, поютъ:

Karaliny giegiely kuku, kuku!

Asz tawa brolabys kuku, kuku!

ш. е. Царица кукушка, куку, куку!

Я швой бращецъ, куку, куку!

Сидящая угадываетъ по голосу тѣхъ, кто болѣе нравится ей, выбираетъ себѣ трехъ молодыхъ парней, и развязавъ себѣ глаза, съ ними пляшетъ. При распаваніи даритъ имъ пестрые кушаки своей работы, а парни съ своей стороны также дѣлаютъ ей подарки. Съ той поры дѣвушка называетъ этихъ парней брашьями, а они ее сестрой. Игра сія, повидимому, происходитъ изъ народнаго мѣа, нами выше приведеннаго. Въ Норвегіи народъ празднуетъ *кукушкинъ день* (Gaufstest, cuculi feria).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Россіи отправляется поселянками, по древнему завѣтному обычаю, *крещеніе кукушекъ* по въ третье, по въ пятое, шестое, иногда седьмое Воскресенье по Пасхѣ, болѣе въ день Женъ мв-

роносиць, когда въ Новгородѣ досель ежегодно спавяптъ горшечки съ пескомъ подъ кирпичной несмазанный полъ въ древней церкви Жекъ Мироносиць на Ярославовомъ дворѣ. Поселянн въ Тульской, Орловской и Калужской Губерніяхъ тогда же идуптъ въ лѣсъ, уже одѣвшійся листьями, и шамъ нагнувъ двѣ молодыя березки, связывающъ ихъ вмѣстѣ вѣшьями, плашками и полопенцами шамъ, чтобы онѣ соспавили вѣнокъ и къ етому вѣнку привѣшиваютъ два креста. Двѣ подруги, желающія покумшья, ходяптъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и по три раза крестообразно цѣлуются сквозь вѣнокъ (4). Между тѣмъ прочія женщины поюптъ :

Ты, кукушка, ряба,
 Ты кому же кума?
 Покумимся, кумушка,
 Покумимся, голубушка,
 Чшобъ вамъ съ тобою не бранишья!

Послѣ сего подруги мѣняются крестами и съ того времени, называясь *кумами*, живуптъ въ мирѣ и согласіи. Къ кумовству не допускаются муцины; однѣ женщины го-

(4) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, въ 1810 г.
 В. Броневскаго. ч. 1 и 2, М. 1828, въ 8.

повяпшь себѣ яишницу и послѣ дружескаго пиршества пляшуть тамъ подѣ обыкновенныя плясовыя пѣсни. Въ Орловской Губерніи ешотъ праздникъ отправляется съ нѣкоторыми особенностями, напр: кумы, надѣвъ крестикъ на ппичку кукушку, или на однуименную съ нею правку, кладуть ихъ на разоспанный плапокъ, садятся вокругъ его, мѣняюпся крестами и цѣлуются съ прочими подругами, потомъ ѣдятъ яишницу. Кумовство также между женщинами походитъ на *братанье*, или *побратимство* между мужчинами, а проспонародный праздникъ крещенія кукушекъ вѣроятно возникъ при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству. Такъ какъ онъ бываетъ незадолго до Русальской недѣли, а Русалки, по мнѣнію народному, поскующія души младенцевъ, родившихся мертвыми или некрещенными: по Г. Глаголевъ и полагаешъ, что крещеніе кукушекъ справедливѣе надлежало бы названъ крещеніемъ Русалокъ (5).

(5) У Нѣмцевъ есть примѣта въ слѣд. пословицѣ: Wenn der Guckuf noch lange nach Johannis schreit, wird's unfruchtbar und theuer, т. е. Если кукушка долго еще кричитъ послѣ Иванова дня (Іюня 24), то будешъ голодно и дорого.

IX.

СЕМИКЪ.

Въ сорокодневномъ періодѣ весеннихъ праздниковъ особенно замѣчательнъ *Семикѣ*, любимый народный, или лучше сказать, двѣичій праздникъ, по содержанию своему сходный съ Святками. Онъ приходится въ *седьмой четвергѣ* по Пасхѣ, на седмицѣ Св. Опець, которая у престолюдиновъ извѣстна подѣ именемъ *семицкой*; а въ Малороссіи *клетальной* отъ *клетанья*, разнаго рода древесныхъ вѣтвей, особенно кленовыхъ, какими тамъ украшаются дворы и покои. Отъ седьмой седмицы обыкновенно производятъ названіе Семика, которому соотвѣтствуетъ также и *сѣянiе* и Польское слово *Сеймикѣ* (Seimik), сборъ. Въ Бѣлой и Черной Руси, Семикѣ, сопровождаемый ярмаркою, по свидѣтельству Мицкевича, слыветъ *Sionucha*.

Въ Москвѣ и даже въ Сибири Семикѣ называется *Тюлою*, сходною съ древними Славянскими *Паствинами*, о коихъ говорится въ XIII вѣкѣ (1), и *Стадолѣ*, о коемъ упоминаетъ

(1) см. хараш. *Хорнгал*, хранящаяся въ Патріаршей Москов. Библиотекѣ, подѣ No 80, въ листѣ. — Въ Свео-Готскомъ *tölte* знач. плясашь.

Длугошь въ XV вѣкѣ, какъ о языческомъ обрядѣ, совершавшемся ежегодно въ дни Пятидесятницы; потому что на это празднество собирались *толпами*, или *суѣомами* (2), а *стадится*, по изъясненію Академическаго Росс. Словаря, значить собираться въ толпу.

У Валсамона, писателя XII вѣка, етошь праздникъ послѣ Пасхи именуется *Ровба́ла*, кои объясняютъ Алфавитъ XVII в. играми скоморошскими, а Баронъ Розенкампфъ и Полевой завиваніемъ вѣнковъ въ Русалье лѣто — тѣмъ болѣе, что дни Пятидесятницы у Чеховъ и Словаковъ называются *Rusálda*.

Рускіе величаютъ Семишь *гестнымѣ*, подобно Масляницѣ, почитая его однимъ изъ шрехъ главныхъ праздниковъ лѣпныхъ, какъ подтверждаютъ и слова старинной Костромской пѣсни:

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ — Семишь честной,
Другой праздникъ — Троицянъ день,
А третій праздникъ — Купальница.

Позорищемъ Семика бываютъ роци и лѣса, берега рѣкъ и озеръ или прудовъ; въ первыхъ завиваютъ вѣнки, а на другіе пускаютъ ихъ для загадыванія. Московскіе жилили издавна празднуютъ Семишь въ *Марьиной* за-

(2) I. *Dlugossii Historia Polonica*. l. VII. ed. G. *Grodzcki*. Lipsiae. 1711, f.

городной *рощѣ*, какія еспѣ и во Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Туль, Ельць.

Семикъ, не смотря на мѣстныя особености, въ сущности своей одинаковъ и съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ почти во всей великой Россіи, особливо тамъ, гдѣ находятся рощи, лѣса и воды, и даже въ степяхъ.

Какъ въ Семикъ совершался древній благочестивый обычай погребенія и поминовенія *убогихъ ни убогихъ домаихъ*, или скудельницахъ, кои, по большей части, находились въ рощахъ: то первый отъправлялся болѣе на могилахъ, подобно древней Тризни. Но празднованіе Семика и Христіанскій обычай погребенія на скудельницахъ составляютъ рѣзкую противоположность отъ разности источниковъ, изъ коихъ проистекъ тотъ и другой.

Время, измѣнившее или опмѣнившее затѣливые обычаи народные, теперь преобразило епотъ многообрядный и многозначительный праздникъ въ простое гулянье столичныхъ и городскихъ жителей; одни еще поселяне и посадскіе удержали нѣкоторыя затѣливыя обряды древняго быта и повѣрья, какіе воспрѣчаемъ въ разныхъ краяхъ Великой и даже Малой Россіи.

Донинѣ въ Семикъ ставятъ по улицамъ, у домовъ и даже въ комнапахъ, березки не только въ селахъ, городахъ, но и въ столицахъ

Россіи, гдѣ только есть березнякъ и липнякъ. Лѣтъ за 40, въ Семигъ вся Москва предспавляла разгульный праздникъ; почти на каждомъ дворѣ, у хозяина и хозяйки съ семьєю, въ видѣ кущи обспавливался березками споль съ яшницей и драченой; вездѣ раздавались семицкія пѣсни, съ какими носили по улицамъ изукрашенную лентами и лоскушками березку толпы народа въ вѣнкахъ изъ ландышей, дойничковъ и незабудокъ, или изъ березовыхъ и липовыхъ вѣпвей. До мора въ Москвѣ 1771 г., послѣ погребенія и поминовенія убогихъ на Старыхъ Убогихъ Домахъ, или Божедомкѣ, вапаги народа, умывъ руки себѣ въ Самошекѣ, шли въ Марьину роцу завивать березку и пировать съ пѣснями и весельями, смѣнявшими слезы и рыданія.

При завиваніи вѣнковъ обыкновенно поютъ извѣстную пѣсню: *Ай, во полѣ липенка!* Содержаніе ея слѣдующее: „Красная дѣвица, сидишь въ бѣломъ шапрѣ подъ зеленою липою, вьешь вѣнокъ изъ цвѣповъ, украшая его дорогимъ яхонтомъ, и говоришь со вздохомъ: „Кому ешотъ вѣнокъ носишь? „Уже ли старому? — Нѣтъ! старой не будешь, носишь! Старой не опрада, не защита моей молодоспи; пусть же носишь его мой милый другъ!“ — Передъ вечеромъ дѣвушки воз-

вращающся домой съ вѣнками, кои и бере-
гущь до Троицына дня (3).

Семицкая березка въ Тульской и дру-
гихъ Губерніяхъ называется *кумою*, а *кумитъ*-
ся значить цѣловаться при развитіи вѣн-
ковъ. Тамъ, предъ завитіемъ въ роцѣ вѣн-
ковъ, поселяне поютъ пѣсню, носящую на
себѣ печать смѣшенія Язычества съ Хрістіан-
ствомъ, вѣроятно, сочиненную при переходѣ
опгь перваго къ послѣднему:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти!
Вѣнокъ сплести!
Ай Дидь, ай Ладо!

Въ другихъ мѣстахъ, около Москвы, му-
щина, носящій березку, именуется *кумомъ*,
а дѣвица *кумою*; топъ и другая играютъ важ-
ную роль на праздникѣ.

Игра *Кула въ Семикѣ* повпоряется въ
селеніяхъ Московской, Владимірской, Рязан-
ской и частію Тульской Губерній, гдѣ въ
епю время поселянки, собравшись въ роци,
нагибающъ молодыя *плакугія* березки, сви-
вають изъ нихъ вѣнки и попарно подходящъ
сквозь ихъ цѣловаться, приговаривая:

(3) Труды Общества Любителей Росс. Словесности при
Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821 г. въ 8.

Покумимся, кума,
Покумимся!
Намъ съ шобою не браишься,
Въчно дружишься.

Въ епо самое время даряшъ другъ друга желшыми яицами, коими поминаюшъ также упоплениковъ на Русальной недѣлѣ.

Во Владимірской Г., въ городѣ Покровѣ, дѣвки ходяшъ по ушпру съ широгомъ собирашъ у сосѣдей деньги, а вечеромъ составляютъ хороводы, гдѣ поюшъ и пляшуншъ, а потомъ ѣдяшъ пироги и яишницы. Въ другихъ же мѣстахъ къ Семику дѣвки дѣлаюшъ складчину или ссыпчину.

У Волжскихъ жителей Семигъ составляютъ веселое празднество, которое сопровождается мимическими предспавленіями и обрядными пѣснями. Въ селахъ и деревняхъ Нерехомской обруги пекушъ для дѣвицъ козули, родъ круглыхъ лепешекъ съ яицами въ видѣ вѣнка. Съ козулями онѣ идушъ въ лѣсъ, гдѣ съ пѣснями завиваютъ ленточки, бумажки и нитки на березѣ, на коей завязываютъ еще вѣшви вѣнками. Потомъ сдѣлавъ изъ березовыхъ сучьевъ одинъ вѣнокъ, дѣвки цѣлуются (кумятся) сквозь него, съ слѣд. приговорами: „Здравствуй, кумъ и кума! березку завивши.“ При завиваніи, дѣвки, обвивъ березу поясомъ или лентою, поюшъ:

Береза моя , беріозонка ,
 Береза моя бѣлая ,
 Береза моя кудреватая !
 Слонись ты , беріозонка ,
 Осередь долинушки .
 На тебѣ , беріозонка ,
 Листья бумажные ,
 Подъ тобой , беріозонка ,
 Трава шелковая .
 Близъ тебя , беріозонка ,
 Красны дѣвушки
 Въ Семикъ поють ,
 Подъ тобой , беріозонка ,
 Красны дѣвушки
 Вѣнокъ плетуть .
 Что не бѣлая беріозонка
 Къ землѣ клонится ,
 Не шелкова справонька
 Подъ ней распахивается ,
 Не бумажны листочки
 Онь вѣтру раздуваются ;
 Подъ етой беріозонькой
 Съ красной дѣвицей
 Молодецъ разговариваетъ .

Послѣ етой пѣсни, поселянки садятся за
 козули и яшницу подъ березою ; за пирше-
 ствомъ слѣдуютъ сценическія игры, особен-
 но замѣчательныя на правомъ берегу Волги,

въ селѣ Барщевѣ (4). Въ Кинешмѣ и Галичѣ при кумленіи дѣвицы мѣняются кольцами и серьгами, *играютъ* пѣсни съ мимикою :

А мы просо съяли.

У воробушка голова болишь.

Во полѣ береза стояла.

По горамъ, горамъ.

Заплетися, плетень, заплетися.

Ай! на горѣ макъ, подѣ горою шакъ.

Ай! во полѣ липника.

Ахъ! репей ли мой, репей.

Въ Цивильскѣ погда дѣвки и бабы съ пивомъ ходящъ *подъ березку*, п. е. въ лѣсъ, и къ каждому стиху пѣсенъ припѣвающъ: *Лельо, Лельо.*

Назадъ поному нѣсколько лѣтъ въ Воронежѣ завивали вѣнки дѣвушки на Троицынъ день, а развивали и пускали на воду въ самый праздникъ Пятидесятницы. Въ Воронежской Губерніи, на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, жители села Горохова спраивали подѣ Троицынъ день шалашъ на полянѣ, украшали его вѣнками изъ цвѣтвъ и душистой зелени, внутри спавили на возвышенномъ мѣстѣ болванъ изъ дерева или соломы, одѣтый въ праздничное мужское и женское платье. Около

(4) Изъ записокъ Князя А. Козловскаго и М. Я. Діева.

шалаша собирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье; въ хороводѣ пѣли и плясали вокругъ епюго шалаша, который представлялъ родъ капища (5).

Черемисы, или Мари, празднуютъ Семижь по приятному и теплomu времени, въ какое онъ обыкновенно случается; они называютъ его *Селикѣ пайраміѣ*, веселый праздникъ, болѣе пошому, что въ епо время женящъ сыновей, или выдающъ въ замужество дочерей за хорошій калымъ. Къ епой порѣ сваривъ кашу (пучумушъ) изъ разныхъ крущъ, носятъ ее на свою ниву для угощенія земли, чтобы посѣянное взошло въ изобилии; послѣ чего поминаютъ родственниковъ, *сорти туктомо кѣтэ*, переходя отъ одного къ другому, и тѣмъ самымъ оканчиваютъ *Селикѣ пайраміѣ*.

Въ Вологдѣ, Семижь, извѣстный болѣе подъ именемъ *Поляны*, отправляется на той самой полянѣ, на коей погребены два чудесные бѣлоризца, подвизавшіеся въ битвѣ съ Литвою (6). Въ Нерехтѣ также Семижь празднуется на *Пахоміевской полянѣ*, гдѣ лѣтъ за 70 существовала церковь С. Пахомія съ *Божедомовыиѣ домомѣ*. Какъ въ Москвѣ,

(5) Украинскій Журналъ на 1834 г. No 11. Харьковъ. въ 12.

(6) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie.
à S. P. 1795, in 8.

такъ и во многихъ другихъ городахъ, епомъ праздникъ народный, соединенный прежде съ шоржесивеннымъ погребеніемъ и поминовеніемъ *убогихъ*, или *убоихъ*, п. е. убитыхъ, или внезапно умершихъ, совершался на мѣстахъ *скудельницъ*, или убогихъ домовъ, кои превращались въ рощи опъ насаженныхъ тамъ деревьевъ, или бывали въ самыхъ рощахъ за городомъ, или въ концѣ селеній. Въ сіи мѣста, охраняемая *Божедомомъ*, не только свозились подняшыя на улицахъ и дорогахъ мерпвые прухы, но и подкидывали младенцевъ, несчастно рожденныхъ, копорыхъ воспишывалъ милосшынею спражъ убогаго дома.

На епомъ основаніи Семикъ, по видимо-му, можно почестъ остаткомъ Тризны или Справы, по времени его, мѣспу и обряду погребальному; потому что онъ приходился на недѣль поминовенія усопшихъ предъ все-ленскою Троицкою суббошой, совершается на скудельницахъ или убогихъ домахъ и на-чинается благочестивымъ обычаемъ погребашъ и поминашъ несчастно умершихъ.

Но поминовеніе составляетъ особенную спихію, противорѣчащую содержанію и цѣли Семика, въ коемъ *гаданіе* споль важный предметъ, какъ и въ Колядѣ, или Свашкахъ. Но-шеніе же и завиваніе березки, хороводы, Се-мицкія игры и призываніе вышеозначенныхъ

линическихъ существъ обнаруживаютъ , по замѣчанію Митрополита Філарета , рѣзкую противоположность стихій Хрістіанскаго и древнеязыческаго міровъ и ведутъ насъ къ заключенію, что первый—„человѣколюбивый обычай введенъ при распротраненіи Хрістіанства въ Россіи для противодѣйствія послѣднимъ — оспашкамъ идолослуженія ; по етому Церковь и хотѣла противоположить языческому Семику хрістолюбивое погребаніе спранныхъ , чувственному веселію мысль о смерти , набожность и благотвореніе.“ Но люди , воззываемые къ новому духовному, по привычкѣ , упали въ старое чувственное ; отъ сего въ Семицкомъ празднествѣ и произошла такая смѣсь разныхъ стихій и эпохъ (7).

Торжественнымъ ношеніемъ деревъ Еллыны сопровождали особенныя празднества, какъ то: бывшее въ Сициліи и другихъ городахъ Греціи *Αυδεβφορία*, цвѣтоносіе, въ честь Прозерпины, *Λευδροφορία*, древоношеніе, *Εὐρεβιάωνη*, ношеніе масляной вѣтви, или вѣнка изъ колосьевъ въ праздникъ Солнца и Горъ и ш. п. (8). Въ Θεодосіевомъ уложеніи упоминаются

(7) Труды и Лѣтописи Общества Исч. и Др. Росс. ч. III. кн. 2.

(8) Ph. Bultmann Mythologus. Berl. 1828, 29. 11. — in 8. Religions de l'antiquité par F. Creuzer, refondu, completè et developpè par. I. D. Guignaut. t. II. 1. p. à Paris, 1829. in 8.

дѣвѣрофѳорѣ, которые носили въ рукахъ древесныя вѣтви въ честь одного языческаго божества. Подобное обыкновеніе наблюдалось у Римлянъ при торжествѣ въ честь Май, матери Меркуріевой. Ихъ *Arbor Majalis*, или *Majus*, соотвѣтствуетъ нашей Семиковой березкѣ, а Семикъ празднику *Floralia*: то и другое на нашемъ Сѣверѣ празднуется не въ одно время по тому, что у насъ позднѣе распускаются деревья и цвѣтутъ — главныя принадлежности етого праздника. У сѣверныхъ народовъ на весеннемъ или лѣтнемъ праздникѣ, въ торжественномъ собраніи народа обыкновенно пѣвали пѣсни вокругъ Майскаго дерева; при чемъ веселые хороводы юношей обоого пола мимически представляли разныя сцены, кои предметомъ своимъ имѣли ладъ между людьми, или союзъ между небомъ и землею. Многоразличныя остатки подобныхъ обычаевъ и забавъ еще находящіяся въ играхъ и шуткахъ у поселянъ не только Сѣверныхъ народовъ, но и въ Германіи и Великобританіи (9).

У Нѣмцевъ, предъ Троицынымъ днемъ отправлялся праздникъ *вѣнковъ* (*Kranzfest*), похожій на Семикъ; на немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бывалъ зеленый чело-вѣкъ (*der grüne Mann*), или Царь садовъ, об-

(9) Edda Saemundina. t. III.

виный зелеными вѣшьями, котораго сопровождала веселая толпа народа изъ рощи въ селеніе, гдѣ собирали съ поселянъ янцы для приготовления кушанья. Симонъ Буссакеъ, in postib. theolog. Paris. 1698, упоминаетъ о старинномъ обычаѣ носить Майскія зеленыя вѣшви въ день Св. Апостоля Филиппа и Иакова.

„Одинъ изъ обычаевъ Енеповъ, пришедшихъ изъ Иллиріи — свидѣтельствуешъ Иродотъ въ 1 кн. 191, былъ тотъ, что однажды въ годъ собирались въ одно мѣсто селеній дѣвицы, достигшія лѣтъ замужства, а съ другою стороны мужчины, и одна изъ наилучшихъ продаваема была тому, кто больше за нее заплашишь для вступленія въ бракъ.“ Такое сборище сходствуетъ съ вышеупомянутыхъ нами *Стадолъ*, или игрою *Прососѣянiя*.

Рощи или дубравы служили мѣстами таинственныхъ обрядовъ язычества у Воспочныхъ народовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ; онѣ издревле замѣняли капища у Германцевъ не только во время ихъ Язычества, но и при переходѣ ихъ къ Христіанству. Подъ кровомъ дремучихъ лѣсовъ скрытно совершались завѣтные обряды. Самые Друиды отъ деревьевъ, или отъ дуба получили свое названіе. У Германцевъ также были священныя деревья въ дубравахъ, на поляхъ, рубежахъ и между селеніями.

Кромѣ дубовъ, не менѣе почитаема была липа, какъ волшебное и священное дерево, отъ коего не осмѣливались опрѣзать ни вѣтки, ни сучка. Такія деревья назывались *заповѣдными*, *завѣтными*. У древнихъ Нѣмцевъ совершались жертвоприношенія и производился судъ *подъ липами*, или *подъ липою* (*under der Linde, judicium sub tilia*). (10). У древнихъ Пруссовъ *подъ липою* зажигались огни на Ивановъ день въ честь *Лиго* (11), бога весны и веселья; пляски вокругъ дерева продолжались цѣлую ночь съ пѣснями, въ коихъ часто повторялось *Лиго*, какъ у Славянъ *Ладо*. У Липовцевъ липа посвящена была богинѣ *Laimo*, коею праздновали во время цвѣтенія липъ (12). Семицкая пѣсня: *подъ липою столбъ стойтъ*, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ, вѣроятно совершавшійся въ эпоху праздника, въ который липа и береза составляютъ главную принадлежность и повторяются въ Семиковыхъ пѣсняхъ. Вѣтвями же изъ древесныхъ вѣшвей и цвѣтовъ почти все народы древняго міра увѣнчивали и жертвы и жре-

(10) Handbuch der germanischen Alterthumskunde, von Dr. G. Klemm. Dresd. 1836, in 8.

(11) На Липов. *ligoti* (льгота?) значитъ веселился. Отъ *Linde* липа *Linderung* прохлада (подъ тѣнью липы).

(12) Prutena von L. Rhesa. Königsb. 1809, in 12.

цовъ, а въ празднествахъ своихъ Греки и Римляне надѣвали себѣ на головы вѣнки изъ пѣхъ деревь, кои посвящены были чествуемымъ божествамъ. Вѣнокъ почитается залогомъ бессмертія, знаменіемъ переходенія души и союза мертвыхъ съ живыми; самые свойственники Сонъ и Смерть у Еллиновъ изображались въ вѣнкахъ. Семицкій вѣнокъ служилъ къ загадыванію о будущей судьбѣ: о брачномъ союзѣ, о жизни и смерти, о счастьѣ и несчастьѣ. Безъ сомнѣнія, гаданіе на водѣ есть остатокъ отъ древняго языческаго обряда Славяноруссовъ, которые, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ, обожали рѣки и озера, чтили деревья и дуплины, приносили имъ жертвы (*требы кладуще*) и дѣлали гаданія (15). см. вып. I, стр. 25.

„Празднованіе Семика — замѣчаетъ Карамзинъ — и народный обычай завивашъ въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатки древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Хрістіанства, такъ что Герцогъ Брячиславъ въ 1095 году рѣшился предать огню всѣмъ мнимымъ святымъ дубравы своего народа.“ Еще Карлъ Великій, въ Капиул. ч. 20, строго запретилъ служеніе деревьямъ, а Франкфуртскій Соборъ

(15) Карамз. И. Г. Р. т. I. прим. 214.

795 г. предписалъ испреблять языческія рощи и деревья, посвященныя демонамъ (14).

Какъ въ Семикъ соединяются стихіи и символы древне-языческаго богослуженія Славяно-Руссовъ: ношеніе древесныхъ вѣшвей, завиваніе и развиваніе вѣнковъ, гаданіе въ рощахъ и на водахъ; по съ достоверностию заключить можно о языческомъ происхожденіи епюго праздниства, противоположнаго благочестивому обряду погребенія и поминовенія убогихъ на Божедомкахъ, о коихъ мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

По видимому, какъ выше замѣчено, Семикъ соспавлялъ одно съ древнимъ Славянскимъ *Стадолю*, *Сейликолю* и, по самому прозванію народному, *Тюллою*, или *толлою* и Нѣмецкимъ *Fingstritt*, Троицкою процессією, о коей мы выше упомянули. см. спр. 110. Нѣкоторыя урочища, въ Россіи, по видимому, заимствовали свое наименованіе отъ Семика, какъ-то: *Семиково* въ Мосальскомъ уѣздѣ, *Семлики* пустошь въ Устюжскомъ уѣздѣ, *Семинѣ* слобода подъ Ярославлемъ, *Семлицы* въ Боровицкомъ уѣздѣ, подъ устьемъ, въ Оспровскомъ уѣздѣ, подъ Говѣдовомъ и подъ Хелмомъ, упоминаемая въ 1565 г. и ш. д. Но слово Се-

(14) С. Н. *Gruppen origines Germaniae*. Lemgo. 1764—681 s. Is. in 4.

микъ въ значеніи праздника извѣстно не ранѣе XVIII вѣка въ письменныхъ памяшникахъ. Самый день начала празднованія Семька *тепвергъ* въ старинномъ Нѣмецкомъ языкѣ именуется *Thorstag* и *Thurstag*, Туровъ день, въ Шведскомъ *Helig Thorsdag*, въ Англійскомъ *holy Thursday*, у Люненбургскихъ Вендовъ *Perendan*, п. е. *Перун* и *данѡ*, Перуновъ день. У простолудиновъ Нѣмецкихъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ *der grüne, der hohe Donnerstag*, зеленый, высокій громовъ день (15). Семеричное число въ отношеніи къ четвергу могло имѣть главнѣйшій смыслъ; по свойству священнаго языка, оно употребляется въ неопредѣленномъ знаменованіи для возвышенія понятія (16). Не поетому ли и *седьмому тепвергу* по Пасхѣ придано значеніе высокаго, великаго! Чтожъ касается до названія его Туровымъ, по очевидно, что онъ посвященъ былъ Тору. Въ Игоровой пѣсни *Турѡ* сопровождается epithетами *Ярый* и *Буй*, и Гомеръ величаетъ Ареса *Θοῖρος*, ярый. *Турѡ* въ природѣ звѣрь, а въ баснословіи

(15) По мнѣнію Г. Сенковского, это названіе имѣеть астрологическое значеніе и переведено съ *Lat. dies Iovis*. — *Библ. для чтенія*; 1837 Октябрь.

(16) *Превосвящ. М. Филарета* Записки на книгу Бышій. Ст. 2 ч. 1815, въ 8.

Славяно - Скандинавскомъ божество силы и грозы, которому разные племена давали разное значеніе по своей мѣспности и нравамъ. Въ Номоканонѣ Львовскомъ XVII вѣка упоминаются между языческими игрищами *Турь*. Вѣроятно, что *Турь*, давшій названіе горамъ, рѣкамъ, селеніямъ и городамъ, составляетъ одно съ *Яроль* и *Ярилою* (17), или *Перуноль*, а *Ладо*, одно съ Чудскою, или Мерьанскою Коспромою. Липа и береза не были посвящены у насъ на Сѣверѣ Туру и Ладѣ, которые составляютъ дуализмъ природы, проявляемый въ кумовствѣ Семицкомъ ?

Такимъ образомъ Турь и Ладо, представлятели сочепанія между обоими полами и оплодотворенія обновляющейся съ весною природы, могли дать поводъ къ празднеству Семика въ рощахъ и на берегахъ рѣкъ и озеръ. Время превратило завѣсные обряды древности въ веселое гулянье городскихъ жителей, оставивъ остатки первыхъ въ удѣлъ сельскихъ жителей и мастеровыхъ.

(17) Въ нумизм. кабинетѣ З. П. Зосимы я видѣлъ серебряную медаль Греческаго города въ Луканіи *Θουρίων*, съ изображеніемъ разъяреннаго вола. Въ Кіевѣ была въ древности *Турова божница*, въ Москвѣ урочище *Турьинно*, напоминающее *Турью ногу* въ присказкѣ.

СЕМИЦКІЯ ПѢСНИ.

1.

Благослови, Троица!
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойши,
Намъ вѣнки завивашь,
Ай Дидо! ой Ладо!
Намъ вѣпки завивашь
И цвѣшы сорывашь;
Ай Дидо! ой Ладо!
А мы въ лѣсъ поидемъ
И цвѣшовъ нарвемъ,
Мы цвѣшовъ нарвемъ
И вѣнокъ соведемъ,
Ай Дидо! ой Ладо!
Свекру башюшкѣ,
Свекрови машушкѣ;
Свекру башюшкѣ малиновой,
Свекрови машушкѣ калиновой.
Ай Дидо! ой Ладо!
Пойду-ль я пишкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю-ль съ сыра дуба вѣшочку,
Брошу на быспрую рѣчицьку,
Ай Дидо! ой Ладо!
Не понешь, не плывешь

Съ сыра дуба въпочка,
Не тужишь по мнѣ
Свекоръ бапюшка, свекровь матушка.
Ай Дидо! ой Ладо!

2.

Ой Дидо! ой Ладо! на курганъ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ;
Хоть ты вей, не вей соловей
Не бывать пвоему гнѣзду свитому,
Не бывать пвоимъ дѣшямъ вывожашымъ,
Не лепашь имъ по дубровѣ,
Не клевашь имъ яровой пшеницы.
Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо! (1)

3.

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиною,
Ты радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яшницей,
Со драконами,

(1) Въ Тульской Губерніи.

Ходить колосья по яри,
 Что по бѣлой по пшеницѣ,
 Изъ зерна-то коврига;
 Изъ полужерна пирога.
 Гдѣ дѣвушки шли,
 Тутъ рожь густа;
 Гдѣ бабы шли,
 Тамъ вымокла;
 Гдѣ мужчины шли,
 Тамъ повыросла;
 Гдѣ ребята шли,
 Тамъ повывегло. (2)

5.

У Волжскихъ жителей Семикъ откры-
 ваеица хороводною пѣсней, которую поютъ,
 ходя около березы, изъ вѣтвей которой
 дѣлаютъ вѣнки, украшая оныя лентами.

Не дожжикъ берёзу обмываетъ,
 Здѣсь въ роцѣ дѣвокъ прибываетъ; —
 Скачите, пляшите, красны дѣвки!
 А вы, холостые, поглядите!
 Съ гулянья вамъ дѣвусекъ не взяти!
 А взяли ли, не взяли ли съ доброй воли,
 По башюшкину повелѣнью,

(2) Въ Переславѣ Залѣскомъ.

По машушкину благословленью ,
По невѣспину рукодѣлью , и проч.

По окончаніи сей пѣсни, дѣлають собою
другой кругъ, въ срединѣ котораго мущина
и женщина ходящъ и поющъ съ прочими :

1.

Ахъ ! во полѣ липинка стояла ,
Во полѣ кудрявая стояла ,
Подъ лицою былъ шаперъ ,
Во шомъ шапрѣ сшоль споить ,
За шѣмъ споломъ дѣвица ,
За шѣмъ сидишь красная ,
Шьешь ширинку золопомъ ,
Нижешь узду жемчугомъ .
Ѣхаль мимо молодець .
Богъ на помощь дѣвица !
Богъ на помощь красная !
Ширинку шить золопымъ ,
Низашъ узду жемчугомъ .

—

Мущины поютъ :

Не мнѣ ли ширинка ?
Не моему ли коню уздичка ?

—

Женщины отвѣтствуютъ.

Не по молодцѣ ширинка ,
Не по швоемъ конѣ уѣздичка.

—

Трепью и послѣдующую пѣсню поютъ подобно предъидущей, только съ тою разницею, что въ сей ходитъ въ срединѣ круга одинъ мущина, а потомъ женщина, и по нѣкоторымъ словамъ пляшутъ :

2.

Царь по городу гуляетъ ,
Царь Царевны своей ищетъ.

Пляшутъ :

Ужь ! какъ гдѣ моя Царевна ?
Гдѣ Княгиня молодая ?
Ужь ! вѣвощь швоя Царевна ,
Вощь Княгиня молодая !
По загороду гуляешь ,
Шелковымъ плашкомъ махаетъ ,
Златымъ першнемъ освѣщаетъ .
Расшворяйтесь , вороша ,
Расшворяйтесея , широки ,
Вы еще шово пошире .

При сихъ словахъ одна сторона круга раздвигается, и двое, поднявъ вверху ру-

ки, держащъ плашокъ за оба конца, чтобы
дальше пройти сквозь сдѣланныя такимъ обра-
зомъ ворота Царевнѣ, которая въ то время
была внѣ круга. Когда же пройдетъ Царевна,
продолжаютъ пѣть:

Вы сойдитесь поближе!

Вы еще пово поближе!

Поцѣлуйтесь помилѣ,

Вы еще пово милѣ!

Въ каждое междудѣйствіе, какъ кон-
чатъ кругъ, садятся за столы, накрытые
скатертями, и продолжаютъ за оными уго-
щаютъ другъ друга лакомствами, пивомъ и
виномъ. Пономъ, вставъ, поютъ:

3.

Пошелъ молодець на гулянье,

На веселое, на веселье.

На немъ синя кафтанъ на распашку,

Шелковой кушакъ на рубашкѣ,

Трость камышева съ алой лентой

Перчаточки въ правой ручкѣ.

Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился:

Ужъ! вы здравствуйте на гуляньѣ,

На веселомъ на весельѣ.

Тутъ дѣвушки приуныли,

Тутъ всѣ красныя приумолкли,

Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣ,
На рѣчахъ она всѣхъ смѣлѣ, и проч.

Потомъ срѣзываютъ нѣсколько березокъ съ весельемъ и пѣснями, вѣнки, на оныхъ сдѣланные, украшаютъ лентами и идутъ въ село. Пришедши, врывающъ березки въ землю и продолжаютъ пѣть :

4.

Какъ за нашимъ за дворомъ, 2.
Растетъ трава шелковая; 2.
По той травкѣ Панья шла, 2.
А за Паньей Пань летѣлъ, 2.
Крича: Панья, шы моя! 2.
А я, сударь, не швоя! 2.
Родимова башюшки, 2.
Сударыни машушки, 2.

Сію пѣсню поютъ при разѣ.

Послѣ сего, сдѣлавъ изъ себя кругъ, перевиваются, приходя всѣ поочереды подъ подъяпыя двумя дѣвицами руки вверхъ, и поютъ :

5.

Какъ за Волгой ярь хмѣль,
Подъ кусточкомъ вѣшся;
Перевился ярь хмѣль
На нашу споронку.

Какъ ли на нашей споронкѣ
Жишье пребогашо 2.
Серебряны лисья , вѣнки золошые.
Нащиплю я хмѣлю , хмѣлю яровава ,
Наварю я пива , пива молодова.
Позову я гостя , гостя дорогова ,
Айли гостя дорогова , бапюшку роднова:
Мое тѣ бапюшка вишь пьешь , пьешь ,
Пьянь не напьешся , домой соберешся.

Сію пѣсню поюшъ два раза съ тою перемѣною , что слова къ опцу перемѣniająть на слова къ мапери. Кончивъ одну , начинаюшъ другой кругъ и поюшъ :

Ахъ ! по справкѣ , по муравкѣ ,
Вокругъ города большова
Гуляль молодець удалой.

Мущина , а чаще (женщина) дѣвушка въ мужской шляпѣ расхаживаетъ гордо вокругъ хоровода при пѣсни :

Ой Турь , молодець , удалой ,
Онъ изъ города большаго ,
Вызываль красну дѣвицу
Съ нимъ на справкѣ поборошься.

Въ то же время другая съ плапкомъ въ рукѣ посреди хоровода.

Ой , Дидъ , Ладо ! поборошься
Вышла красна дѣвица

И молодца поборола,
На муравку уронила,
Ой, Дидь, Ладо! уронила.

Дѣвушка побораесть мушину, срываесть
съ него шапку, преплетъ волоса.

Доброй молодець вспавая,
Закрывалъ лице руками,
Уширалъ горючи слезы.
Онъ не смѣлъ своей кручины,
Добрымъ объявишь,
Ой, Турь! Дидь! Ладо! объявишь.

6.

Въ Нерехотской округѣ въ Семикъ по-
юшь слѣд. пѣсню послѣ пиршества:

Каравонъ красныхъ дѣвухекъ!
Какъ у насъ въ году при праздника,
Первой праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.
Какъ у насъ зелена шрава,
Какъ милой мой другъ
Въ кабакъ напиваеся,
Какъ милой мой другъ
По зеленой шравѣ валяеся.
А Орина подходила,
Никишу своего будила,

Встань, убудися, Никиша,
Встань, убудися, волокита!
Сосѣди смѣются,
Въ безчестье шо ставяшь.
Всталъ Никиша, пробудился,
За руку съ Ориной ухватился,
Домой Никиша потащился.

Во время пѣнія, среди круга, одна дѣвка, упавъ на землю, представляетъ лице пьянаго мужа, а другая, въ лицѣ жены, около его ходитъ и дѣйствуетъ, принаровляясь къ содержанію пѣсни. Пропѣвъ пѣсню, жена подымаетъ мужа и цѣлуетъ его; тогда же хороводъ съ мѣспа идетъ въ селеніе, при пѣніи обыкновенныхъ пѣсней. Симъ кончипся Семикъ въ Нерехотской округѣ.

Х.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

По окончаніи сорочинъ отъ Радоницы до Троицкой субботы, коей обряды извѣсны были въ XVI вѣкѣ, въ Троицынъ и Духовъ дни отправляется между простымъ народомъ опдѣльно отъ церковнаго шоржества, которое имѣетъ связь съ Семикомъ; ибо гаданіе, начашое въ послѣдній, оканчивается въ первые. Такъ бываетъ въ Великой и отчасти въ Малой Россіи, гдѣ Троицынъ день называется Духовымъ, а Духовъ — Троицынымъ (1); тамъ при дня Св. Троицы слывуть *Зеленьши Святкаши*, въ Липвѣ и Польшѣ *zielone świątki*, и *зеленою недѣлею*, у Чеховъ и Словаковъ — *Rusálda*, а у Карпо-Россовъ *Rusálie*: изъ чего можно съ вѣроятностію заключать, что упоминаемая у Валсамона въ шолкованіи Кормчей, Номоканонахъ,

(1) Исторія Малороссіи *Д. И. Бактышъ - Каменискаго*.
2 ч. Москва. 1830, въ 8.

Требникахъ и лѣтописяхъ *Русалы* должны бытъ Троицкія игрища. Въ Южной и даже Сѣверо-Восточной Россіи, какъ видно изъ опечественныхъ лѣтописей, недѣля сія именовалась *Русальною*, или *Русальскою*, о коей мы скажемъ особенно въ спашьѣ о *Русалкахъ*. Самое гулянье въ Москвѣ о Троицынѣ днѣ бываетъ близъ Каланчевскаго поля, на Красномъ прудѣ, который, по преданію, въ старину извѣстенъ былъ подъ именемъ *Русальскаго*; также собирается народъ въ это время на веселье за Дорогомиловскимъ мостомъ.

Какъ начало большей части повѣрій и обрядовъ народа шеряется во мракъ его древности и кругъ его сказаній не вмѣщается въ шѣсныхъ предѣлахъ лѣтосчисленія (2): по исторически нельзя опредѣлить происхожденія Семика и Троицкихъ игръ, кои обобщились и ународнились на Руси, какъ наслѣдіе праопцсвъ, носящее на себѣ опещашпокъ Язычества.

Въ Троицынъ день *суевѣрный* язычскій обрядъ народа вспрѣчается съ благоговѣйнымъ и священнымъ празднествомъ Церкви; оцашь та же рѣзкая противоположность, какъ и въ Семикѣ, и оцашь то же случайное

(2 Славянскія Древности П. І. Шаффарика, перев. І. Бодлискаго. т. І, кн. 2. Москва. 1837, въ 8.

и внѣшнее сходство въ символахъ, взяпыхъ изъ общаго ихъ источника — природы. Какъ понятія древняго вѣрованія изгладились въ народѣ, остались однѣ только формы и символы, удерживаемые имъ по привычкѣ и обычаю, безъ сознанія: по развиваніе и пусканіе на воду вѣнковъ въ Троицынъ день служатъ только предметами обычной забавы и веселья, какими Рускіе поселяне и даже жители предмѣстій городовъ сопровождаютъ дни покоя и свободы.

Прежде нежели скажемъ, гдѣ, какимъ образомъ и когда въ Россіи опправляется народный праздникъ, коснемся самыхъ принадлежностей онаго — древесныхъ вѣпвей и цвѣповъ, какими украшаются въ Троицынъ день св. храмы и жилища.

Почти у всѣхъ народовъ Древности древесныя вѣпви и цвѣты служили украшеніемъ храмовъ въ дни празднества и жертвоприношеній. Торжественныя шествія сопровождались ношеніемъ зеленыхъ вѣпвей древесныхъ. Въ глубочайшей древности были общепонятными символами масличная вѣпвь — мира, лавровая — побѣды и славы, дубовая — мужества и ш. д. У Іудеевъ основаніе обычая украшать вѣпвями древесными и цвѣпами храмы и дома было историческое; они сообщивъ сямъ естественнымъ символамъ

высшее, священное употребление, украшали ими дома, спогны града и синагоги, въ память Синайскаго Законоположенія; по-тому что въ то самое время все зеленѣло и цвѣло, когда даны были Богомъ заповѣди на Синаѣ (3). Въ праздникъ жавивы, которая оканчивалась въ Палестинѣ къ половинѣ Сивана, Іудеи приносили благодареніе Богу за новые плоды земные, а праздникъ кущей совершался подъ сѣнью древесною (4). Въ-роятно, замѣчаетъ Бухспорфъ, обычай убирать св. храмы зеленью и цвѣтами перешель отъ Іудеевъ въ Новозавѣдную Церковь, въ коей различныя цвѣты могли означать радость о сошествіи Духа Упѣшителя, явившагося въ огненныхъ языцѣхъ, такъ равно самое различіе языковъ и дарованій. По замѣчанію Профессора П. М. Терновскаго, въ цвѣтахъ открываются: двѣ идеи историческая и религіозно-психологическая: знаменіе цвѣла юной церкви, оживотворяемый сошествіемъ Св. Духа на Апостоловъ и выраженіе вѣры въ воскресеніе мертвыхъ, воспоминаемыхъ въ Троицынъ день.

(3) Исхода XXXIII, 3. см. *Buxtorf Synag. Ind.* с. XX. p. 443.

(4) *М. Филарета* Начертаніе Церковно-Библейской Истории, изд. 4. Спб. 1827, in 8. — *Iani Archaeologia biblica.* Viennae. 1814, in 8.

Травы и цвѣты проичные изъ церкви берущся нѣкопорыми въ дома и употребляются какъ средство отъ недуговъ (5). Чтожь касается до употребленія цвѣтовъ и вѣшвей зеленыхъ у Язычниковъ при идолослужебныхъ обрядахъ: то они были у нихъ болѣе символами естественныхъ чувствованій.

Между языческими обрядами древней Греціи въ праздникъ Адониса, извѣстнаго Іудеямъ и Финиціанамъ (*'Αδωνία*), Еллены бросали въ море, рѣки и ручьи вѣнки, цвѣты и древесныя вѣтви, кои служили у Скандинавскихъ и Германскихъ племень предметами волхвованій, сдѣлавшихся достояніемъ и Финнскихъ племень, сожителей Славяно-Руссовъ.

О хороводахъ прежде еще мы замѣтили, что они получили свое начало въ глубокой древности. Въ Вааловомъ идолослуженіи, какъ видно изъ С. Писанія, употреблялись хороводныя пляски (рисканія) вокругъ алтаря (6). Онѣ сопровождали богослужебные обряды у Еллиновъ и другихъ народовъ Древности, и что вмѣстѣ съ обрядовыми пѣснями обыкновенно ими начинающіяся и сопровождающія Рускія весеннія игры отъ Красной горы до Пепрова дня, а въ иныхъ мѣстахъ Россіи, смол-

(5) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

(6) III Царствъ, XVIII, 27. XIX, 18.

ря по климату и погодѣ, и до глубокой осени. Между народными мѣстами, въ Тульской Губерніи, на берегу красивой Мечи, въ селѣ Козьемъ, группу камней почитаютъ пугающіе за цѣлый хороводъ, во время самой пляски, на Троицынъ день, превращенный ударомъ грома въ камни, подобно Ніобѣ съ дѣтьми. Не смотря на это, Троицкіе хороводы тамъ продолжаются, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; безъ нихъ праздникъ не въ праздникъ. На пугающіе въ роцу для развиванія березокъ, поселянки поютъ пѣсню. см. стр. 117.

Предъ захожденіемъ солнца, когда выводятъ хороводы и утолчаютъ пѣсни, поселянки и даже горожанки пускаютъ вѣнки на воду рѣки или ручья, замѣчая, чей поплыветъ, завертится на одномъ мѣстѣ, или поплыветъ вѣнокъ: изъ перваго выводятъ счастливое, изъ другихъ несчастное себѣ предвѣстіе — дѣвицы къ свадьбѣ, къ неудачѣ, или смерти и п. п. При этомъ еще наблюдаютъ, въ какую сторону струя понесетъ вѣнокъ, въ той бытъ дѣвицъ за мужемъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской Губерн. послѣ Троицкой вечерни, для загадыванія пускаютъ на воду пучки пѣхъ цвѣтловъ, съ коими стояли въ церкви. Какъ въ Рожесивенскихъ Святкахъ, такъ и въ Троицынъ день гаданія обыкно-

венно просшираются на одинъ годъ Индѣ вѣнки развиваются въ Всесвятское заговѣнье.

Мѣстность, климатъ и нравы жителей Великой Россіи придали нѣкоторыя особенности Троицкимъ мѣстамъ и играмъ, хотя онѣ, по сущности своей, почти вездѣ остались одинаковыми. Объяснимъ нѣсколькими примѣрами, какіе намъ представились.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ, въ Троицынъ день, дѣвицы и молодые собираются въ загородную рощу завивать вѣнки, садятся тамъ въ разныхъ мѣстахъ хороводными кружками, поютъ пѣсни съ припѣвомъ *Лельѣ*, потомъ начинаютъ полднѣвать, т. е. ѣсть принесенное изъ дому кушанье, наконецъ, надѣвъ на голову вѣнки изъ древесныхъ листьевъ, входятъ по рощѣ круги, напоследокъ идутъ въ городъ на гору, гдѣ снявъ съ себя вѣнки, кидаютъ въ Оку для узнанія своей участи (7).

Въ Шенкурскѣ, по Вагъ, до 1780 года, въ первые три дни Пятидесятницы, городскіе и сельскіе жители собирались за городъ на лугъ: тамъ дѣвицы, держась за плашки въ рукахъ, образовали кругъ и тихо двигались на одномъ мѣстѣ съ пѣснями. Вокругъ сего движущагося хора стояли женихи и высматривали себѣ невѣстъ. Послѣ придневна-

(7) Изъ записки Спаскаго жителя Д. П. Тихомирова.

го сборища, въ остальные дни Русальной недѣли дѣвицы у домовъ сославляли малые круги и пѣли пѣсни. Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской Губерн. въ Семикъ поселянки, одѣвъ въ лучшее платье березку, называемую у нихъ *гостейкою*, спавяшъ ее въ клещъ до Троицына дня, въ который послѣ обѣдни собираются дѣвки съ парнями выносить гостейку за селеніе къ рѣкѣ и тамъ пляшутъ, завивающъ и пускающъ вѣнки для загадыванія на воду (8).

Въ Чисполъскомъ уѣздѣ, въ Савинѣ городкѣ, наканунѣ Троицына дни, носяшъ св. образа для молебна на ржаномъ и яровомъ поляхъ и кропяшъ св. водою скопину, выгнанную изъ хлѣвовъ; по окончаніи молебствія, крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ платьяхъ поютъ и пляшутъ вилотъ до ночи въ честь Ярилы.

Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ Троицынѣ или Духовъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя будничныя платья, сходяшся въ одно мѣсто, и, выбравъ изъ среды своей одну дѣвку, называемую *Костроюй*, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать. Выкупавшись,

(8) Изъ записки Сибирскаго жителя Н. С. Самойлова.

дѣлають изъ лубка барабанъ , спучають въ него и сопровождая спухъ его пѣснями, возвращаются домой. Послѣ етого , нарядясь въ праздничныя платья , выходятъ на улицу и грають въ хороводы вплоть до вечера. *Погребеніе* етой миѣической *Костромы* совершается простолюдинами въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня , тогда какъ во Владимірѣ на Клязьмѣ бываетъ *погребеніе Лады*.

Въ Орловской Губерніи издавна велось обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, въ кошорый готовятся два общіе каравая, одинъ для стола, а другой для роши, куда съ нимъ отправляются дѣвѣи завивать вѣнки и гулять. Въ Псковской Губерніи обметаютъ пучками Троицкихъ цвѣшовъ родительскія могилки, что тамъ называется: *глаза у родителей прогищать*.

Волжскіе жители въ Троицынъ день, собравшись къ завитымъ березкамъ, идуць съ вѣнками на Волгу и поють:

Глубока рѣка берега рвала ,
 Охъ! люли, берега рвала.
 Уже я млада по бережку шла ,
 Охъ! люли, по бережку шла,
 По бережку шла и цвѣшы рвала.

Меня младу шуда сорвало ;
На низь понесло, къ Донскимъ козакамъ ;
Охъ ! люли , къ Донскимъ козакамъ .

Развивъ вѣнки , дѣвушки и молодья вдовы бросаютъ ихъ въ воду , загадывая о суженыхъ : чей вѣнокъ поплыветъ , та надеется въ попь годъ выпити за мужъ ; чей попошетъ , той сидѣтъ въ дѣвкахъ или во вдовствѣ . Ето игрище оканчивается пѣсней , которую онѣ поютъ , возвращаясь домой :

Грушица , грушица ! зеленой виноградъ !
Подъ грушицей свѣшлица стойтъ ,
Во свѣшлицѣ дѣвица сидитъ ,
Забавныя рѣчи говоритъ :
Ахъ ! нонече какія времена !
Сушатъ жень хорошіе мужья ,
А дѣвшекъ дальніе друзья ;
Всяка дѣвка себѣ дружка зажила .
Дальній другъ — большая сухота ,
Ближній другъ — веселье завсегда .
Призвала дружка на часокъ побывать ,
Уняла его и ночку ночевать ,
Упросила недѣлюшку пожить ,
Принуждаетъ его силою любить .
Уже силою не буду я любить ,
По неволѣ я не буду цѣловать .

Въ Нѣрехопскомъ округѣ, и въ Троицынъ день кумушки цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ.

Въ Бѣлоруссіи, на другой день праздника Сошествія Св. Духа завиваютъ въ рощахъ березки, и приготавливаютъ сколько вѣнковъ, сколько имѣютъ милыхъ сердцу, какъ - то: для отца, для матери, для братьевъ и сестръ, наконецъ для любезныхъ своихъ, и при завиваніи поютъ слѣд. пѣсню:

Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалися, забылися.

Троица.

При епомъ завѣшномъ обрядѣ дѣвушки мѣняюща кольца въ знакъ дружбы; а развивая вѣнки въ слѣдующее Воскресенье, поютъ:

На Троицу мы вѣнки завили,
На Разгары развили,
Горьлочку попили,
И яичну поѣли (9).

Въ Бѣлоруссіи Троицынъ день почитается послѣднимъ весеннимъ праздникомъ, съ которымъ оканчивается кашанье красными лицами.

По древнему и повсемѣстному обычаю, въ Липовѣ и Польшѣ храмы Господни и чер-

(9) Сѣверный Архивъ, 1822 г. No 24.

погибельможъ и убогія хижины въ Троицынъ день украшались зелеными деревцами, поставленными у дверей, у оконъ по угламъ, внутри церквей: алтари, лавки, а въ домахъ углы комнапъ были равнымъ образомъ обставлены молодыми деревьями, наканунѣ Зеленыхъ Святокъ, до самаго окончанія праздника. Отъ того, какъ можно догадываться, праздничные дни Сошествія Духа Св. и получили свое названіе въ Польшѣ. Трудно сказать съ достоверностію, въ Язычествѣ ли, около сего времени, существовалъ шамъ такой обрядъ и потомъ перешелъ въ Хрістіанскій міръ, или гораздо позже вошелъ епопъ обычаѣ. И Жидаы въ Зеленя Святки, которыя приходятся у нихъ въ Маѣ, украшаютъ свои подсвѣшники, пошолки и окна зелеными вѣтками и гирляндами изъ листьевъ, нанизанныхъ на нити. У Каполиковъ, равно какъ и Евреевъ, употребляютъ на епо деревья многолиственные, но никогда печальныя, мрачныя, каковы иглистые (10). Въ Литвѣ и Польшѣ епопъ древній обычай шеперь прекращается изъ опасенія ущерба лѣсовъ; просіолюдинамъ воспрещаютъ рубить деревцы на Зеленя Святки для украшения мазанокъ своихъ.

(10) Domy i dwory etc. pr. L. Gołębiowskiego. w Warschawie. 1830, in 8.

На Жмуди, въ Россіанахъ, Духовъ день называется Siekmines; тогда паспухи забавляются ристаніемъ на лошадахъ съ пѣснями; что опчасти сходствуептъ съ конною процессіей (Fřingsttritt) у Нѣмцевъ для опвращенія ненаспья (11). Около епото времени (25 Мая) у Славянъ и Чеховъ начинались языческія празднества возліянїями испочникамъ и закланіемъ жершвъ. Въ Турингіи вымышленный царь садовъ, или зеленый челоувкъ, der Gartisch-König, обвиный зелеными вѣпвями и цвѣтами, сїдя на конѣ, сопровождаемъ былъ изъ лѣсу въ село веселюю толпою народа, которая давала извѣспное количество яиць для пригошовленія кушанья. Въ Германіи Троицкія деревья (Fřingst-Maien) и Троицкія или Майскія пляски (Fřingst, или Frohn и Maien-Tänze) доселъ упопробительны во многихъ провинціяхъ. Тамъ обыкновенно украшаются березками и вѣпвями церкви и колокольни. Въ Англїи, особливо въ Гринвичскомъ паркѣ, бывали Троицкія игры (Whitsunday and holy day's stories) (12) Въ Венеціи ежегодно въ Троицынъ день совершалось до 1798 года торжественное обрученіе Дожа съ Адриатическимъ моремъ. Троицынъ день былъ однимъ изъ сроковъ на

(11) Edda Saemundina. t. III.

(12) Denkwürdigkeiten auß der christ. Archäologie, von Dr. I. E. Augusti. 2 B. Leipz. 1818, in 8.

Руси, когда спавились въ Москвѣ на судъ и вносили подати, даже въ XVII вѣкѣ, какъ видно изъ судебныхъ грамошъ.

Въ продолженіе Семицкаго придневнога праздника, оканчивающагося Троицынымъ, иногда и Духовымъ днемъ, пѣсни народныя повторяющъ имена *Тура*, и *Костромы* а болѣе *Лудо*, какъ выше замѣчено; имя перваго встрѣчается въ пѣхъ особенно мѣстахъ, гдѣ, начиная отъ Ростова и Переславля-Залѣскаго до Нижняго Новгорода, жилъ народъ Меря, бывшій въ пѣсныхъ связяхъ съ Славянами. Около Стародуба пѣсни въ Зеленую недѣлю называющся *Гренухами* и *Гренушками* отъ *Греной недѣли*, какою шамъ именуется Троицкая. Игры же самыя, какъ выше упомянуто нами, опносятся къ Русаліямъ, коимъ давали особенное знаменованіе разныя племена южной и сѣверо-восточной Россіи; по вѣрованію же народному, Русалки, живущія на руслѣ рѣкъ, выходящъ изъ воды на землю около Троицына дня и оспаютъ на землѣ до Петрова дня.

ТРОИЦКІЯ ПѢСНИ.

Въ городѣ Чухломѣ существуетъ старинное обыкновеніе между дѣвицами обывателей праздновать весною *Троицынъ день*, *Духовъ дѣнь* и слѣдующее за тѣмъ *Всесвятское заговѣнье*, а зимою *Святки*.

Старшая изъ дѣвушекъ, которая называется *Большухою*, въ Троицынъ день проситъ на игрище подругъ, которыя, въ сопровожденіи матерей или родственницъ, приходятъ въ избранное мѣсто, или среди города на площадь, или въ поле близъ самаго города, всего же чаще противъ дому шой дѣвицы, которая ихъ просила. Всѣ становятся въ кружокъ и поютъ пѣсни, особенно на сей предметъ назначенныя. Двѣ изъ старшихъ дѣвушекъ, коихъ отцы бывали головами, или другими членами общеслива, въ продолженіе первой пѣсни ходятъ посреди хоровода, по окончаніи, раскланиваются и становятся въ кружокъ съ прочими; мѣсто ихъ заступаетъ другая пара и такъ далѣе. Самолюбіе и здѣсь не исключительно. Та пара обижается, для коей поется пѣсня, по ихъ мнѣнію, худая; при томъ младшей пары никогда не допускаютъ

ходишь посреди вѣружна прежде спаршей; за чпо можешь произойти неудовольствіе и даже ссора между матерями дѣвушекъ и самими дѣвушками. Вотъ нѣкопорья изъ пѣсенъ, копорья поются при семъ случаѣ.

1.

Пошла дѣвчина на Днѣпръ по воду,
Заглядѣлася въ быструю рѣчку;
На встрѣчу ей плыветъ козачикъ.
Начала дѣвчина съ казакомъ правдаться:
Отпусти меня, козачинька, до дому,
Принесу тебѣ великую казну!
Мнѣ не надобно великой казны,
Обвѣнчаемся, мой соколь, со мной,
Промѣняемся золошыми перспнями!

2.

По лугу, по лугу, лелю, лелю, по лугу,
Колясочка ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Въ колясочкѣ дѣвица, лелю, лелю, дѣвица;
Въ коляскѣ ша красная, лелю, лелю, красная.
Сколько она ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Вдвое, впрое плакала, лелю, лелю, плакала;
На свой перспень смотрючи, лелю, лелю, смотрючи;
За чѣмъ перспень шускнушь спаль, лелю, лелю,
шускнушь спаль?

4.

У ворошьъ шрава пришолочена;
Пришолочили Князья, Бояры,
Всё ко башюшкѣ въ гости ѣзжучи,
Всё меня младу присмотряючи,
Что первый молвишь : за себѣ возму,
Что другой молвишь : возьму за сына,
Что третій молвишь : за племянничка.
Какъ бы знала я млада, да вѣдала,
Не ходила бы на Оку рѣку,
Не умывалась бы шремя мылами,
Тремя мылами, да шремя разными,
Не ушпиралась бы полошеничкомъ,
Полошеничкомъ, да шремя разными.

5.

Я вечеръ молода, во банкешѣ была,
Упилася млада зеленова вина,
Позабыла млада зелень садъ зашворить,
Прилетѣлъ попугай винограду щипашъ.
Ужь ты шишь, попугай, не щипли виноградъ
Съ ешой вѣточки! еша вѣточка дома надобна,
Свекра дарить со свекровушкою,
Деверя дарить со золовушкою.

6.

Я во садъ пошла, во зелень пошла,
Ужь я луку-ша полошь, зеленаго полошь,

Я полю, полю, полю, перепалываю,
Через шпынь въ огородъ перебрасываю,
Припаду къ шерему, всё подслушиваю:
Еще свекоръ журишь со свекровушкою,
Деверь бранишь со золовушкою.

7.

Мимо моего шеремочку, пробѣгаль бѣгуночикъ,
На помъ бѣгуночкѣ сидишь Пань холостый,
Придаешся Пань къ дѣвчинѣ, дѣвчинушка моя радость,
Поди за меня замужъ! Нейду нейду за тебя замужъ,
За здѣшняго Пана! ужъ ты въ карты Пань играешь,
Козырей Пань мало знаешь, меня Панью проиграешь.
Дѣвчинушка, моя радость, на тебѣ я не женюся!
Не урядлива дѣвка ходишь, головы долго не чешешь,
Либо шри дни, либо чешыре, русыя косы не плещешь.
Я пойду съ горя молоденька, во зелень садъ гуляпи,
Обернуся я, повернуся бѣлой лебедю;
Ужъ я спану ли выкликапи я снова соколочка,
Ты ау, ау, соколочикъ, ау миленькій дружочикъ!
Когда я къ тебѣ приспала, ошца, мапери ошстала,
Всему роду я покорилась, Пану въ ноги поклонилась,
Ужъ какъ взялъ Пань Панью за ручку, повель ее во
свѣшлицу,
Ужъ какъ спалъ ее цѣловаши, пошла Панья шан-
цоваши.

8.

Я пойду млада по горницѣ ,
Я по свѣтлой млада свѣтлицѣ ,
Я ударю млада въ чеботы ,
Чеботы мои сафіянныя !
Тѣлогрѣюшка моя камчатная !
Не жури меня , люшый свекоръ ,
Не твое ношу приданое ,
Не твое ношу нарядное ;
Государя свѣта бацюшки ,
Государыни свѣта мапушки .

Когда для каждой пары, участвующей въ хороводѣ, пропоется пѣснь ; тогда чешыре дѣвушки изъ спаршихъ начинаютъ ходить по кругу , для коихъ поютъ особенную пѣсню, упоминая въ оной имя и опечесливо

9.

Передъ воротами, передъ широкими ,
Стояла туть калина, стояла малина ,
На шой ли на калинѣ, на шой ли на малинѣ
Чпо чешыре было ягодки :
Первая ягодка Онисья Ивановна ,
Вшорая ягодка Акулина Макаровна ,
Третья ягодка Авдошья Никишишна ,

Чешвертая ягодка Прасковья Григорьевна.
 Для ради Анисьюшки, для ради Ивановны
 Всѣ церкви растворилися,
 Для ради Акулинушки, для ради Макарьевны
 Всѣ свѣчи зашепелялися,
 Для ради Авдотьюшки, для ради Никитишны
 Князья соѣзжались,
 Для ради Прасковьюшки, для ради Григорьевны
 Синее море всколыхалосѣ.

10.

Во полѣ рябинушка, ой Дидо, Ладо!
 Во полѣ кудрявая, ой Дидо, Ладо!
 На шой на рябинушкѣ, ой Дидо, Ладо!
 Чешыре было въпочки, ой Дидо, Ладо!
 На шѣхъ ли на въпочкахѣ, ой Дидо, Ладо!
 Чешыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
 Первая ягодка Аннушка, ой Дидо, Ладо!
 Вторая ягодка Катинька, ой Дидо, Ладо!
 Третья ягодка Машинька, ой Дидо, Ладо!
 Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо, Ладо!
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Столы спановилися
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Скатерти разстпмались,
 Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
 Всѣ гости съѣзжались,
 Для ради N, для ради N, ой Дидо Ладо!
 Дешвы спановилися.

По окончаніи сего , всѣ дѣвушки берутъ другъ друга за руки и ходящъ взадъ и впередъ , на подобіе буквы *М* : сіе дѣйствіе, по выраженію ихъ, называется : *красны сновать*. Въ продолженіе *снованія красенѣ* поютъ слѣдующія пѣсни:

11.

Ужь ты улица, улица ,
Ужь ты улица широкая !
Трава, мурава шелковая !
Изукрашена улица
Всѣ гудками, всѣ скрипцами ,
Молодцами , да молодницами ,
Душами красными дѣвицами.
Не величка птичка пташечка
Сине море перелепывала ,
Садилася птичка пташечка
Среди моря на камышекъ ;
Слышишь , слышитъ птичка пташечка ,
Плачешь, плачетъ красна дѣвица,
Идучи она за стараго замужъ :
Ахъ , ты, старъ мужъ, погубитель мой!
Погубилъ мою головушку,
Всю дѣвичью красоту.

Въ отношеніи же къ молодому , конецъ сей пѣсни слѣдующій:

Слышитъ, слышитъ ппичка, ппашечка,
Пляшетъ, пляшетъ красна дѣвушка,
Идучи она за младаго замужъ:
Ужь ты младъ мужъ, взвеселитель мой,
Взвеселилъ мою головушку,
Всю дѣвичью красоту!

12.

По улицѣ по широкой
Скакаль, плясаль воробышекъ,
Сзываль, скликаль красныхъ дѣвиць:
Подъте, дѣвушки, подъте, красныя,
На игрище, на гульбище,
Въ большой караводъ мячемъ играй!
Охъ, дѣвушкамъ своя воли;
Молодушкамъ нѣтъ волюшки!
Дитя плачетъ колыбное,
Другое плачетъ кровашное;
Колыбному горшокъ каши,
Кровашному печь пироги.

13.

Зеленися, мой зеленъ садъ,
Зеленися въ огородъ!
Ко мнѣ завтра поушру
Дорогой гость въ гощи буденъ,
Дорогой гость башюшка родной

Станешь по саду гуляти,
Изюмъ ягоду щипати;
Пощипавши, будетъ кушать
Меня молоду хвалиши,
Что гораздо садъ садиши,
Что гораздо поливаши,
Отъ морозу сберегаши,
Новиною прикрываши,
Той ли новиною,
Той ли суровою, парчею золошою.

14.

Травина ли моя, правинушка,
Травина ли моя шелковая!
Еще кто же праву прищопталъ?
Прищоптали меня правинушку
Да всё дѣвушки, да всё красныя,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Золотымъ мячемъ играючи,
Все себя же ущѣщаючи.

15.

Красная дѣвушка по городу гуляла;
Она яхонтные камешки собирала,
Она камешекъ о камешекъ бросала;
Не во всякомъ самоцвѣтномъ камнѣ искра,
Не во всякомъ добромъ молодцѣ есть правда.
Добрый молодецъ по бережку гуляеть;
Онъ волженные прушки ломаетъ:

Изхлестала бы, изхлестала бы я васъ, прутья,
 О дѣвичье, о дѣвичье бѣло шѣло!
 Ужь гораздо я молоденька согрѣшила;
 Ужь я завиреню, обѣдню просыпала,
 За сердита добра молодца попала;
 Онъ ужъ бьешь меня дѣвицу не за правду,
 Про свое бьешь про дурацкое бездѣлье.

Духовъ день и слѣдующее за нимъ заговѣнье, въ Чухломѣ празднуются точно такъ же, какъ и Троицынъ день; пѣсни поюшь тѣже. По словамъ старожитовъ, такія игры прежде продолжались во всю ночь; нынѣ начинаются со зго или зго часа и продолжаются до зго пополудни: дѣвицы разходятся, послѣ возвращаются опять и въ ясную погоду играютъ до полуночи и далѣе.

16.

Въ Воронежской Губерніи погда поюшь слѣд. *призывныя* на игрище пѣсни:

Луговая коростель,
 Ладо, Ладо, коростель!
 Не кричи рано по зарѣ!
 Не буди меня рано на зарѣ!
 У меня машушка — мачиха,
 Она меня поздно спать кладешь,
 Она меня рано возбуживаешь,
 Къ легкому дѣлу — къ жерновамъ, и пр.

Луговая коростель, и пр.
 Закричи рано по зарѣ!
 Разбуди меня рано на зарѣ:
 У меня машушка родная;
 Она меня рано спать кладешь;
 Она меня поздно возбуживаетъ,
 Къ тяжелому дѣлу — къ планицамъ, и ш. д.

17.

Коно́пля, коно́пля зеленая моя!
 Чшо жь ты, коно́пля, не весело споишь?
 Ахъ! какъ мнѣ, коно́плѣ, веселой спояшь?
 Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
 Сверху коноплю воробьи клюютъ!
 Дѣвка, ты дѣвушка красная!
 Чшо жь ты, дѣвушка, не весело сидишь?
 Ахъ! какъ мнѣ дѣвущкѣ веселинькой быть?
 Мой батюшка хочеть за мужь меня опдать,
 А мачиха хочеть въ черницы поспричь!
 Мой батюшка пошелъ боярь (1) собиратьъ,
 А мачиха пошла за игуменьєю.
 Скрыпнули вороша разшворчатые,
 Брехнула собака борзая на цѣпи...
 Мнѣ-чела (2) — батюшка съ боярами!
 Ажной — моя машушка съ игуменьєю!

(1) Свать, дружокъ.

(2) Я думала.

Садись, мое дитяшко, на золотое стульце;
Расплетай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Донь погулять,
Бѣлильцы, румянцы съ лица постирать.
Смоешь, мое дитяшко, горючей слезой,
Сопрешь, мое милое, пельчатымъ рукавомъ! (3)

(3) см. Украин. Журналъ на 1824, Но 11. Харьковъ, въ 12.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

И.

ВЛАСЬЕВЪ ПРАЗДНИКЪ.

При переходѣ отъ Языческаго къ Христіанству, ложныя божества Рускаго народа испреблены, такъ что память только нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась въ старинныхъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, названіяхъ урочищъ и повѣрьяхъ. Позднѣе прочихъ сокрушенъ былъ въ Ростовѣ испуканъ *скотія* бога Волоса, или Велеса, который находился въ числѣ Кіевскихъ божествъ и встрѣчается въ „Игровой пѣсни“ съ Даждбогомъ и Сприбогомъ (1). „Великая Мицея Макарьевская, въ рукописи, свидѣтельствуетъ, что „Великій Князь Владиміръ повелѣ испроверщи, избыти кумиры, овы изъщи, а иныя ижжещи; Волоса, его же именовашу скопья бога, повелѣ въ Почайну рѣку врещи.“

Коренныя народныя вѣрованія всегда почпи оставляютъ слѣды свои въ жизни народной,

(1) смотри „Четью-Минсю“, февраль.

принимая новые обряды, или прививаясь къ другимъ понятіямъ. При водвореніи Христіанства въ Россіи, мѣста языческихъ капищъ и пребищъ освящены св. храмами; языческимъ опечесивеннымъ богамъ прощивопоставлены Святыя Православной Церкви, покровительствующіе тѣмъ же занятіямъ житейскаго бытія, какими завѣдывали первые. Нельзя было первымъ проповѣдникамъ вѣры Евангельской въ етомъ обстоятельстве не сдѣлать нѣкотораго снисхожденія народу необразованному, грубому, котораго, вмѣсто Перуна, смаль покланялись св. пророку Или, досель чернью представляемому громоноснымъ. Такъ, вмѣсто низверженнаго Волоса, скотъ, особливо коровы, поручены покровительству св. мученика Власія, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х., — потому болѣе, что житіе его свидѣтельствуешь о благопшорительствѣ его людямъ и лѣснымъ звѣрямъ, о возвращеніи бѣдной вдовѣ веприцы, похищенной волкомъ (2), и ш. п. Такое сближеніе сходныхъ обстоятельствъ и даже созвучныхъ именъ укоренило въ народѣ епо вѣрованіе, соединенное съ его бытомъ и обычаемъ.

(2) Верховажскія Записки М. П. Мясникова, въ рукописи, также Нерехотскія Записки М. Я. Діева.

Существуюцій донинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи суевѣрный обрядъ *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*, совершаемый ночью женщинами во время скопскаго падежа, не есть ли остатокъ обрядовъ панишвеннаго служенія Волосу; ибо шествіе епо сопровождается св. иконою Власія. По Вагъ есть довольно придѣловъ и часовель въ честь Св. Власія; его праздникъ памъ чествуютъ креспьяне разными приношеніями, особливо коровимъ (молочнымъ) масломъ. Донинѣ въ Вельской округѣ, въ Ракульскомъ приходѣ, среди лѣсовъ, спойшь древняя церковь во имя Св. Власія, котораго икона явилась 19го Января, какъ гласитъ мѣстное преданіе. Въ епощъ день, изо всей Вельской округи креспьяне съѣзжаются и сходятся молишья своему заступнику. Тогда приходскій священникъ совершаетъ памъ обѣдню, потомъ служитъ общій, а наконецъ частныя молебны для моельщиковъ. Туда приносятъ коровье масло, которое съ поклономъ кладуть предъ образомъ Св. Власія. Въ праздникъ собирается отъ 30 до 40 пудъ масла; часть онаго дается священнику съ причетомъ, а остальное въ пользу церкви. — Въ другихъ приходахъ Шенкурскаго и Вельскаго округовъ, такимъ же образомъ празднуютъ св. покровителю скоповодства, въ субботу

предъ св. Пятидесятницею. (5) Какъ въ праздникъ Св. Мученикъ Флора и Лавра приводятъ лошадей къ церкви для окропленія ихъ св. водою, такъ и къ церкви Св. Власія приводятъ коровъ, особливо во время падежа, и поютъ обѣдныя молебны. Епѣтъ Святой на иконѣ (въ одной изъ Новгородскихъ церквей) изображенъ обруженный скотомъ. Прасолы въ Зарайскѣ, еженедѣльно, въ продолженіе цѣлаго года, служатъ молебны св. покровишело рогатаго скота.

Какъ торговля и промышленность почти всегда шли по слѣдамъ за поржеспивами религиозными: то съ праздниками искони соединялись торги и ярмарки. Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ Сѣверо-Восточной Россіи, Ростовская, приходящаяся около Власьева дня, по всему вѣроятію, ведетъ свое начало отъ празднества въ честь Волоса. Въ Ростовѣ, при Св. Аврааміѣ, чтили Волоса въ видѣ камня, который наводилъ ужасъ на поклонниковъ своихъ призраками и чудными видѣніями. Ростовскій апостоль, въ XI или въ началѣ XII вѣка, сокрушилъ ешого идола шеспибконечнымъ крестомъ, полученнымъ

(3) Карамз. И. Г. Р. ч. I.

опиъ Св. Іоанна Богослова, а на мѣснѣ Воло-
сова прѣбнща соорудилъ церковь: Въ Аврамъев-
скомъ монастырѣ доселѣ хранился епощъ
крестъ съ надписью: „Сей крестъ во градѣ
Росповѣ, во Авраміевѣ монастырѣ Св. Іоанномъ
Богословомъ данъ П. Аврамію побѣднши ідола
Велеса при Князѣ Владиміръ“. (4) Подобный
Росповскому камень (какъ видно изъ руко-
„писнаго житія преп. Иринарха Росповскаго“)
сущеспвовалъ въ Переславль-Залѣскомъ при
Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ. Потомки Мери,
переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Морд-
вою, донннѣ еще опправляютъ праздникъ *Велѣ-
Оксѣ*, напоминающій Велеса. Такіе обоготво-
ренныя камни извѣстны были въ глубокой дре-
вности у Евреевъ, Стріанъ, Финнннннъ и дру-
гихъ народовъ; на нихъ возливался елей въ знакъ
посвященія (5). Въ Россіи, по мѣснмамъ, еще и
теперь есть камни, уважаемые проспымъ на-
родомъ; и, вѣроянно, камень въ Мерянскомъ
краю былъ представителемъ *бога скотія*. Въ
Новгородѣ находилась *Волосова* улица и до
нынѣ сущеспвуептъ древнннн церковь св. Власія
на помъ самомъ мѣсннѣ, которое преданіемъ
назначается испукану Волосову. Въ Южннн
Россіи, по свидѣннннству Протоіеря Сабн-

(4) Історія Россійской Іерархіи, ч. 3.

(5) Начертаніе Церковно-Библейской Історіи М. Філа-
рета, изд. 4. Спб. 1827, въ 8.

нина, старухи завивали бороду Волосу предъ жанивою: собравъ горсть колосьевъ и не вырывая ихъ изъ корня, перегибали и завивали въ узелъ, въ знакъ того, чтобы до нихъ не касалась рука жницы (6). Подобное суевѣріе встрѣчается у Скандинавовъ, у которыхъ въ мифологіи есть Val-áss или Vali-áss — воль-богъ (7). Впрочемъ производство слова „Велесь“ или „Волось“ созвучно также съ древнимъ vellus, руно, *во́лосѣ*, и средне-латинскимъ velius „древній“, *велий*; но еще ближе кажется съ опечесивенными словами *волѣ*, синонимъ Тура, и *волосѣ*. Ежели Волось, какъ покровитель скотоводства, въ исторически-неопредѣленной еще древности, перенесенъ выходцами заморскими на югъ и сѣверъ Россіи: то вѣроятно водворился въ ихъ странахъ, гдѣ были скотоводцы и присоединенъ къ мѣстнымъ ихъ божествамъ. Рускіе язычники, клявшіеся при Олегѣ предъ Волосомъ, при заключеніи мира съ Византійцами, полагали предъ своимъ богомъ волопо; потому-что онъ почитался испечникомъ богашства, какое доставляло ско-

(6) Журналъ Министер. Народ. Просвѣщенія 1837 года, Ноябрь.

(7) Edda Saemundina, т. III. — Не имѣеть ли отношенія къ Волосу и *Волотово поле* подъ Новгородомъ?

поводство, и по етому самому очень вѣроятно, что *скотѣ* замѣнялъ деньги.

Изъ оставшихся на Руси суевѣрій видно, что сему божеству приносили въ жертву масло молочное, называемое въ Череповецкомъ и Белоозерскомъ уѣздахъ Новгородской Губерніи *воложнѣмѣ* и даже *волоснѣмѣ*. Можеть-спасься, самая Масляница, приходящаяся около Власьева дни (11 февраля), не была ли праздникомъ Волосовымъ, а возимый тогда во многихъ мѣстахъ Россіи мужикъ на колесѣ, утвржденномъ на саняхъ, не представлялъ ли собою Волоса, похожаго на *Крото Нѣмецкихъ Славянъ*?

Волосовскіе, или *Власьевскіе* морозы считаются послѣдними въ Сѣверо-Восточной Россіи, гдѣ у простолюдиновъ есть и поговорка: *Власій, сшиба рогѣ съ зилѣ*. Можеть бысть, при изслѣдованіи, откроются еще слѣды епого міеа въ повѣрьяхъ и обычаяхъ народныхъ, или въ названіяхъ урочищъ и въ старинныхъ сказаніяхъ, кои часно таятся въ мирномъ углу сельскаго быта, какъ заѣтное преданіе незапамятной старины.

II.

ВЕРБНАЯ СУББОТА.

Первое весеннее гулянье въ Москвѣ, съ давнихъ временъ, бываетъ въ Лазарево Воскресенье, предшесивующее праздникамъ Входа въ Иерусалимъ Спасителя и Свѣтлаго Воскресенья. Отъ другихъ народныхъ гуляньевъ оно отличаетъ скромною веселостію и презвостію, обходится безъ шапровъ и балагановъ, безъ игръ и потѣхъ, обыкновенно сопровождающихъ народные праздники. Это собственно дѣпскій праздникъ, напоминающій торжество Еврейскихъ дѣпей, которыя подспилали ваи, т. е. финиковыя и пальмовыя вѣтви І. Хрїсту во время шесствія Его на ослати въ земный Иерусалимъ.

Вербное гулянье въ Москвѣ напоминаетъ намъ папріархальную простоту и благочестіе Руской старины: сами Монархи вмѣстѣ съ народомъ нѣкогда ходили *ломать вербу* на берега Неглинной, покрывшай ивами и вербами, дабы мысленно подспилать Рускія ваи подъ стопы Спасителя. До самаго царспованія Петра I, въ навечеріе праздника Входа во Иерусалимъ, совершался крестный ходъ съ древесными вѣтвями, а Папріархъ, въ подражаніе І. Хрїсту, шеспвовалъ во всемъ обла-

ченіи на конѣ верхомъ (наряженномъ въ видѣ осла), отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, и наоборотъ. Свящипеля сопровождали духовныя особы, Царь и бояре, пѣшіе, съ вербами. Заведеніе выносить тогда большае дерево, обвѣшенное овощами, было слѣдствіемъ ношенія простой вербы (1). Въ память этого, у Вознесенскаго монастыря и у Лобнаго мѣста въ Москвѣ продаются вербы изъ вѣтвей самаго дерева (*salix*), которое къ этой порѣ обыкновенно распускаетъ свои сережки, также изъ искусственныхъ цвѣтовъ и плодовъ съ листьями и херувимами; тогда Красная площадь превращается въ движущійся вертоградъ, куда нынѣ привозятъ и приводятъ дѣшею упрямою за вербою, а съ сумерекъ начинается капанье въ разныхъ экипажахъ вокругъ Кремля, среди гуляющаго народа (2).

Достопамятный обрядъ *шествія* Свящипеля на осли, совершался не всегда одинакимъ образомъ. Онъ извѣстенъ уже въ XVI вѣкѣ, какъ видно изъ чина поставленія Митрополитовъ Всеросс. 1559 и 1564 г. (3), бывшаго не въ Вербное Воскресенье. Гарклюйтъ, Олеарій и

(1) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. Н. Д. Иванчина-Писарева. Москва. 1837, въ 12.

(2) Съверная Пчела, 1838 г. No 69.

(3) Акты Археогр. экспедиціи. т. I. Спб. 1836, въ 8.

Беръ таѣ описывающъ вербное шествіе: „Въ недѣлю (т. е. воскресенье) Ваи, предъ обѣднею народъ собирався въ Кремль. Изъ Успенскаго собора выносили огромное дерево, обвѣшанное разными плодами и овощами, и поставивъ его на двухъ саняхъ, везли шихо. Подъ деревомъ спояли пѣть опроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молищвенныя пѣсни. За санями шли многіе юноши съ зажженными восковыми свѣчами и огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ хоругви, шесть кадильницъ и шесть с. иконъ. За иконами слѣдовали Тереи въ великолѣпныхъ ризахъ; а за ними бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Митрополитъ. Послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ; покрытомъ бѣлою шканию: въ лѣвой рукѣ держалъ Евангеліе, а правую благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ; Государь придерживалъ одною рукой длинный поводъ узды, въ другой имѣлъ вербу. Путь Святителю успидали сукнами. Предъ Государемъ несли пальмы, какія приносимы были изъ Палестины странниками (4) и какія доселѣ хранящся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ подъ именемъ *Царскихъ финиковыхъ вѣтвей*. Обходивъ такимъ

(4) Которые назывались *паломниками* отъ *пальмовыхъ* вѣтвей, какія приносили съ собою, или отъ Готт. сл. palm, странническій посохъ, съ какимъ хаживали паломники; на Англин. palmst. с. *Жарамз.* И. Г. Р. т. IX и XII.

образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, въ соупствіи безчисленнаго множества народа, возвращались въ Успенскій соборъ, гдѣ Митрополитъ, совершивъ божественную литургію, угощаль у себя въ Палатѣ обѣдомъ Царя и вельможъ:“

Такъ осправляемъ былъ ешопъ обрядъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ! Онъ не прекращался и во время завладѣнія Москвы Поляками. Въ 1611 году, по свидѣльству Беровой лѣтописи, они дозволяли Папріарху Гермогену священнодѣйствовать въ недѣлю Вай. Тогда на Красной площади, самомъ мѣстѣ церемоніи, спояли пѣшіе и конные Ляхи и Нѣмцы съ обнаженными мечами и съ заряженными пушками. Священникъ, *священный духомъ*, шепталъ въ опечественный Іерусалимъ на осяпши между рядами инновѣрцевъ; но граждане Московскіе не смѣли выдти на улицу, только нѣсколько бояръ и сановниковъ съ унылымъ видомъ слѣдовали за своимъ Пастыремъ, котораго въ Москвѣ ожидала испома и смерть. Папріаршаго осла вель за узду, вмѣсто Царя, Князь Гундуоровъ (5).

Въ церковныхъ обрядахъ 1627 г. записано (6), что „на 6 недѣли поста ввечеру и на

(5) Древняя Росс. Вивліоенка. ч. XI.

(6) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. Устрялова. Спб. ч. I. 1831, въ 8.

„утрени бываетъ служба въ соборѣ, а предъ
 ,обѣднею Патріархъ ѣздитъ на осяпши къ
 „Троицѣ на ровъ, и паки поѣдетъ въ Соборъ.“
 Олеарій описываетъ намъ бывшее въ 1656 г.
 шествіе Патріарха на осяпши, сходно съ
 первымъ въ главныхъ предметахъ, къ копо-
 рымъ присоединяетъ еще, что около пяти-
 десяти юношей въ красномъ плащѣ, скинувъ
 съ себя верхнюю одежду, разстлали ее по
 пути шествія Патріарха и Царя. Изъ Успен-
 скаго собора, по словамъ Олеарія, Патріархъ
 шествовалъ къ Лобному мѣсту, съ коего
 давалъ благословеніе народу, а потомъ слѣ-
 довалъ въ церковь Входа въ Іерусалимъ и, по
 совершеніи тамъ молебнаго пѣнія, тѣмъ же
 порядкомъ возвращался въ Успенскій соборъ,
 при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ.
 Но въ чинѣ шествія (1642 г.) упоминаются
 нѣкоторыя особенности этого церемоніала.
 Іосифъ, въ день своего избранія на Патріар-
 шество, шелъ изъ дворца черезъ Благовѣ-
 щенскую паперть къ осяпши, на которое
 возсѣвъ, совершилъ шествіе вокругъ Кремля.
 Отъ Благовѣщенскаго собора ѣхалъ онъ къ
 Спаскимъ воротамъ; за нимъ слѣдовали въ
 саняхъ Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ,
 Рязанскій Архіепископъ Моисей и Бояре, а
 около Патріарха шли приказные, Конюшіи,
 Ясельничій, и дворовыя дѣти Боярскія въ

золошныхъ одеждахъ, вмѣстѣ съ головою
 Спрѣлецкимъ и Полуголовою съ пѣшими же
 спрѣльцами. Въ это время проподіаконъ
 ѣдучи, кропилъ городъ св. водою. По прибы-
 тии всего шествія къ Спаскимъ воротамъ,
 Папріархъ вошелъ на угоповленное ему мѣ-
 сто и предъ образомъ Спасителя и Бого-
 матери, написаннымъ на воротахъ, прочелъ
 липію и моливу городу, и по окончаніи
 оной, прижды кропилъ образъ св. водою.
 Потомъ сошедши съ мѣста, взялъ крестъ
 и осѣняя онымъ, поѣхалъ, внизъ направо
 мимо Спрѣлецкой караульни подъ гору къ
 Тайницкимъ воротамъ, у которыхъ также
 читалъ липію и кропилъ св. водою; опшуда
 поѣхалъ черезъ Житный дворъ къ Боровиц-
 кимъ воротамъ. Совершивъ и на томъ мѣ-
 стѣ подобный обрядъ, поѣхалъ онъ черезъ
 Боровицкій мостъ вправо Спрѣлецкою сло-
 бодой къ Каменному мосту и къ Неглин-
 нымъ воротамъ и опъ нихъ къ Никольскимъ,
 потомъ площадью слѣдовалъ къ Спаскимъ,
 говоря у всѣхъ воротъ моливы городу и
 кропя ихъ св. водою. Проѣхавъ черезъ Спас-
 скія ворота въ Кремль къ Благовѣщенскому
 рундуку, Папріархъ сошелъ съ осяти на
 рундукъ и опсправился вверхъ къ Государю
 въ Золотую палату. Его вели Митрополитъ
 Ростовскій и Архіепископъ Рязанскій, а це-

редъ нимъ шли пѣвчіе, дьяки, и пѣли спи-
хи, въ соупствованіи *пламенниковъ* (7) по
чину. На другой день, Патріархъ, по окон-
чаніи обѣдни въ Ризположенской церкви,
сѣлъ на осла у лѣстницы съ приступка
и поѣхалъ съ двора Патріаршаго въ Риз-
положенскія ворота. Осла вель за конецъ
повода Бояринъ Василій Петровичъ Шереме-
шевъ, посреди повода Обольничій Князь
Андрей Ѳедоровичъ Липвиновъ-Мосальскій, а
у губы осла съ правой стороны вель его
Патріаршій Бояринъ Василій Яновъ; съ
другой стороны вель за узду стремянный
конюхъ, пѣже самыя, которые присуш-
ствовали при церемоніи въ прошедшій день.
Патріархъ поѣхалъ опъ Собора, мимо ста-
раго Дворца Царя Бориса, къ Богоявлен-
скому монастырю, что на Троицкомъ по-
дворьѣ, да по за-дворцу въ Боровицкія во-
рота. Выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Чертоль-
скія ворота, слѣдовалъ Патріархъ по Бѣлому
городу къ Арбатскимъ, Никитскимъ, Твер-
скимъ и Пепровскимъ воротамъ, на Трубу,
къ Негминной, чрезъ которую тогда моста
не было. Для сего Патріархъ шелъ вверхъ

(7) *Пламенники*, если не *паломники*, т. е. носившіе
пальмы или вербы, можешь спасться, шоже что *Осен-
ники*, родъ служителей, бывшихъ при св. церемоніяхъ,
въ красныхъ кафшанахъ.

по Неглинной мимо Спирѣлецкихъ слободъ и перешедъ Неглинную подъ Троицкой слободою (нынѣ Мѣщанскою); шель къ Срѣшенскимъ ворошамъ, у коихъ остановясь, говорилъ молишву и окропя св. водою, вступилъ въ городъ, и слѣдуя Срѣшенскою улицей, въ Кипай Никольскою улицей, въѣхалъ въ Кремль въ Никольскія ворота, опшпудавъ къ себѣ на дворъ Папріаршій и шупъ сошелъ съ осла у лѣспницы. Папріархъ, ѣхавши около города, у каждаго врата говорилъ молишвы; за нимъ слѣдовали Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ, Рязанскій Архіепіскопъ Моисей и два Пречистенскіе Ключаря, которые везли крестъ и кропили городъ св. водою. Сошедъ Папріархъ съ осла, опсправился въ келью, а Бояринъ и Окольничій поѣхали въ свои подворья. — На третій день, Марта 29го, происходила подобная церемонія. Папріархъ, опслуживъ раннюю обѣдню, пошелъ въ сопровожденіи Духовенства съ дарами къ Царю Михаилу Феодоровичу; возвращаясь отъ него, сѣлъ на осла у себя на дворѣ у лѣспницы, поѣхалъ Ризположенскими воротами въ Никольскія, и выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Срѣшенскія ворота, ѣхалъ у Бѣлаго города къ Яузскимъ ворошамъ, у коихъ прочла молишву и кропя св. водою, слѣдовалъ въ городъ чрезъ Яузскія, Варварскія и Спаскія

ворота въ Кремль, совершая подобныя дѣйствія, какъ и въ первые дни, Бояринъ, Окольниковичій, Патріаршій Бояринъ и конюхъ вели подъ Патріархомъ осли, тѣ же, которые и прежде были. Изъ Духовенства, Рязанскій Архіепіскопъ не присутствовалъ за тѣмъ, что впалъ въ немилость у Царя. Патріархъ приѣхавъ на свой дворъ, отпустилъ Боярина и Окольниковичаго на подворья, а стола у него не было, для того, что „въ великій постъ „пировать не пристало“ (8). Въ Треодионѣ 1666 г. при описаніи церемоніи Ваіи, совершенной Патріархомъ Іосафомъ, не упоминается объ ослѣ; но 1668 году, въ Вербное воскресенье повторылась на Лобномъ мѣстѣ въ лицахъ евангельская исторія: Патріархъ словами Хріста посылалъ Протопопа и Ключаря за осятемъ, которое стояло на уготованномъ мѣстѣ. Патріаршій Бояринъ спрашивалъ, а они ему ошвѣчали, какъ въ Евангеліи сказано. Потомъ Патріархъ взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую напрестольный крестъ, и осѣнивъ имъ Царя, сѣлся на осли, которое Государь бралъ и вель за поводъ. Процессія шла къ Успенскому Собору чрезъ Спасскія ворота въ преднесе-

(8) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, г. Успенскаго. Харьковъ. 2 ч. 1818, въ 8. — Московскій Наблюдатель, 1837, № 3.

ніи нарядной вербы. Царь и прочіе несли ваи; по прибытіи въ Соборъ процессіи, дочипывалось Евангеліе и начиналась литургія.

Одинъ Нѣмецкій ученый, въ концѣ XVII вѣка, очевидный свидѣтель подобной церемоніи въ Москвѣ, описываетъ ее точно такъ, какъ она происходила при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, упоминая о везенномъ деревѣ съ разными плодами, опрокахъ, воспѣвавшихъ *Осанна*, и о шествіи на ослици Папріарха, котораго сопровождали Цари Іоаннъ и Пётръ Алексѣевичи, державшіе за поводъ осла, покрышаго чернымъ сукномъ. Въ продолженіи шествія дѣти подспилали Папріарху, по словамъ писателя, свои одежды и разныя пѣани: Папріархъ въ благодарность подносилъ обоимъ Царямъ 500 рубл. (9)

Подобную церемонію Архіереи совершали и въ городахъ съ Воеводами. Когдажъ она прекращена была: тогда дозволено только крестное хожденіе съ иконою *Входа Господня*, *аще молва гдѣ гаетя*, или *будути настоять благоговѣніи людіе*.

Россійскій Папріархъ Іоакимъ, на созванномъ имъ Соборѣ 1678 г., подвергнувъ разсмотрѣнію *обрядѣ шествія на ослици* и не нашедши ни церковнаго положенія на оный,

(9) Anhang von der Keußischen Religion. Leipz. 1698, in 12.

ни извѣстія о началѣ его въ Россіи, признавъ его нововведеніемъ, вошедшимъ въ смутныя времена нашего опечества. Предоставивъ Папріарху епоть обрядъ, какъ уже въкоренившійся въ Столицѣ, онъ запретилъ подражать оному всѣмъ Архіереямъ по провинціальнымъ городамъ, гдѣ епо обыкновеніе только еще распространилось; а Императоръ Пётръ I вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самаго Папріаршества и совсѣмъ прекратилъ совершеніе епото обряда въ Россіи, исторически и канонически неопредѣленнаго.

Подобный обрядъ издревле существовалъ на Воспокъ и на Западѣ. Пахимерь упоминаетъ о шествіи на осяши Папріарха Константинопольскаго; въ епоть день при Византійскомъ дворѣ раздавались золотыя монеты и другіе подарки, называемые, какъ и самый праздникъ, *Ваѳа*. Гилдебрандъ въ книгѣ своей *de diebus festis* свидѣтельствуетъ, что Григорій великій, въ концѣ VI вѣка, учредилъ въ Вербное Воскресенье св. хожденіе, которое при Карлѣ Великомъ вошло въ общее употребленіе на Западѣ, гдѣ епоть праздникъ назывался *Dominica palmarum*, или *in palmis*, также *in ramis palmarum*. Но еще Св. Іоаннь Златоустъ въ одной бѣсѣдѣ своей говоритъ: „въ епоть шествіи, которое совершаю съ вами, проспру не вѣрви пальмовыя,

„но ученіе, чтобы, подобно вдовицѣ, принести
„двѣ лепшы.“ Киннамъ въ Римской Исторіи
пишетъ, что и на Западѣ Императоры во-
дили коня подъ Патриархомъ. Олеарій же въ
своихъ путевыхъ запискахъ, ссылаясь на
хронику Антонина, Епископа Флорентин-
скаго, свидѣтельствуеши, что Императоръ
Константинъ Мономахъ, жившій въ XI вѣкѣ,
держалъ за узду лошадь у Патриарха Миха-
ила Келуларія, когда онъ садился на нее, и
велъ ее. Гилдебрандъ описываетъ намъ чрез-
вычайное удивленіе Турецкихъ посланниковъ,
смотрѣвшихъ въ Краковѣ подобную церемо-
нію, и Францисканецъ Каремъ, посѣщавшій
Палестину въ началѣ XVII вѣка, такъ изоб-
ражаетъ видѣнный имъ обрядъ Входа въ Ие-
русалимъ: „Для сохраненія воспоминанія о
„поржеспивенномъ шествіи Спасителя, еже-
годно въ день праздника Входа Архіерей Св.
„горы Сіона съ брашніею, спранниками и жи-
„шелями Иерусалима, по примѣру Хріста и
„учениковъ его, отправляется въ Виѳфа-
„гю и, тамъ облобызавъ св. землю, пворяши
„молишву; потомъ Архипастырь говоритъ
„малому своему стаду поученіе, приличное
„времени и мѣсту. По окончаніи духовной
„бѣсѣды, діаконъ въ облаченіи читаетъ Еван-
„геліе отъ Матѳея, которое обыкновенно
„въ епошъ день назначено для чтенія въ

ицеркви и при словахъ тогда *Иисусъ посла
двѣ утеника, глаголя има* — Архіерей гово-
ритъ двумъ браціямъ, которые приходятъ
къ нему и дѣлаютъ поклоны: *Идите въ весь,
яже прѣлю вама; напоследокъ діаконъ окан-
чиваетъ Евангеліе (10). Между тѣмъ двое
обратій идутъ къ граду, т. е. къ тому мѣ-
сту, гдѣ некогда была весь ослицы и, на-
шедши приготовленное уже тамъ осли, ве-
дутъ его къ Архіерею, котораго и сажаютъ
на это животное, покрытое одеждою. Архи-
епископъ, возсѣвъ на осла, шествуетъ чрезъ
Масличную гору въ Іерусалимъ въ сопро-
вожденіи Духовенства и прочихъ вѣрныхъ,
которые постилаютъ ему на пути травы,
цвѣты и одежды свои и, подобно двѣмъ
Еврейскимъ, поютъ *Осанна*. По прибытіи
къ тому мѣсту, гдѣ Христосъ, увидѣвъ
градъ, оплакивалъ его, читается XIX глава
Евангелія отъ Луки, въ коемъ описывается
плачь Иисуса. Потомъ шествіе продолжается
при безчисленномъ спеченіи народа. Какъ
нельзя нынѣ входить черезъ Золотыя во-
ропы: то процессія вступаетъ въ Сіонскія*

(10) Die Feste der alten Christen, von D. J. W. Augusti.
2 B. Leipzig, 1818, in 8. — О великихъ Господ-
скихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ.
1835, въ 12.

зи опшуда достигають церкви Спасителя.
 »Тамъ сходитъ Архіерей съ осяпци и по
 луставу совершаетъ въ церкви службу, кото-
 рая оканчивается благословеніемъ народу.»

Въ Римско-Католическихъ спранахъ; кромѣ
 освященія ваій, существовало прежде обыкно-
 веніе въ праздникъ ваій, у Нѣмцевъ названный
голубою Пасхою (der blaue Ostertag и Palm-Sonntag,) возитъ въ процессіи колесницу, на которую
 спавился рѣзный изъ дерева осель съ изо-
 браженіемъ возсѣдающаго на немъ Хріста.

Отечественная церковь для своихъ цѣ-
 лей скорѣе могла заимствовать *обрядъ ше-
 ствія на осяпци* отъ Грековъ, чѣмъ отъ Ла-
 тынянъ, по отчужденію себя отъ послѣд-
 нихъ. Въроятно, Россійскіе Священители, из-
 древле хиропонисанные въ Царьградъ, и па-
 ломники, видѣвшіе въ Св. Землѣ это тор-
 жественное дѣйствіе, перенесли его въ свое
 отечество, гдѣ оно измѣнялось въ частныхъ
 особенностяхъ, смотря по обстоятельству
 времени, по произволу Государя и Священ-
 ителя. И такъ, обыкновение сіе, похваля-
 ное по назиданію, какое Самодержцы подавали
 народу своимъ смиреніемъ и униженіемъ
 въ лицѣ Іерарха предъ самимъ Царемъ цар-
 ствующихъ, было не новое и не частное для
 одной Россіи: оно проявляло духъ того
 вѣка и сдѣлалось исторически въ ней извѣ-

стнымъ не прежде XVI стол. Но какъ народъ спалъ сморгъшь болѣе на внѣшность, нежели на духъ сего обряда: по сперва на Западѣ, потомъ на Востокѣ, а наконецъ и въ нашемъ отечествѣ онъ уничтожился; но воспоминаніе осталось въ настоящемъ гуляньѣ народномъ на Красной площади, куда народъ собирается, и по прекращеніи духовной церемоніи, сморгъшь и поупать изукрашенную вербу. Катанье въ экипажахъ, по преданію, въ Вербную субботу началось здѣсь не прежде царствованія Анны Ивановны.

Въ Кіевской Губерніи доселѣ еще накануне праздника Входа въ Іерусалимъ, въ вечернее время, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, бываетъ торжественный ходъ съ освященными молишвою ваіями, изъ одной какой либо церкви въ другую. Въ Харьковѣ, въ Вербную недѣлю, училищное Начальство тамошняго Коллегіума вмѣстѣ съ воспитанниками онаго совершало шествіе съ вербами изъ градской приходской церкви С. Димитрія. Въ слободѣ Копельвѣ Ахпырскаго уѣзда, по свидѣтельству Г. Маркова, ежегодно тогда же носилась верба народомъ вмѣстѣ съ Духовенствомъ изъ Троицкой въ Преображенскую церковь. Голембовскій описываетъ намъ обряды вербные въ Польскихъ училищахъ. Въ Цвѣтноносное Воскресенье, въ Липвѣ и

Польшѣ изъ каждой приходской школы, выбрали учениковъ для процессіи, одѣвъ ихъ въ лучшее платье; съ букетами цвѣшовъ, имѣя на рукахъ fontarie, перевязанныя шелковымъ платкомъ или лентою, они держали въ рукахъ пальмы (вербы). При Владиславѣ IV, баричи въ бѣлой одеждѣ подносили Королю пальмы: обычай прекращенъ при Янѣ Казимирѣ. Въ Липовѣ и Красной Руси, по возвращеніи изъ церкви домой съ вербою, богомольцы были взаимно дѣшей и домашнихъ, говоря:

Ne ja biju,
 Werba bije.
 Za tyzdeń,
 Welik deń.
 Chira w lés,
 Zdorowje u kości! (11)

Подобный обычай доселѣ опчасти удерживается въ великой Россіи у проситолюдиновъ; кто проспалъ Вербную заупрению, того бьютъ вербою, приговаривая: *Не я было, а верба бьетъ, или Верба хлѣстѣ, бей до слѣзъ! на красныя ящы, на мяскія перепети!* Выше замѣнили мы, что въ Юрьевъ день, освященною вербой выгоняютъ скотину въ поле для предохраненія оной отъ болѣзни и напасты.

(11) Lud Polski, p. L. Golebiowskiego, w Warsz. 1830, in 8.

III.

О СКУДЕЛЬНИЦАХЪ , ИЛИ УБОГИХЪ ДОМАХЪ ВЪ РОССІИ.

Воздавать послѣдній долгъ смертнымъ останкамъ согражданина и ближняго было священною обязанностью у древнихъ народовъ, ознаменовавшихъ бытіе свое въ Истории міра дѣлами. Обычай праотцевъ, законы и самая религія освящали сію обязанность, которую Греки язычники называли *праведною*, *законною* (*δίκαια*), а Римляне *justa*, ш. е. *fiuera*; нарушеніе оной вмѣнялось въ преступленіе (1). У Евреевъ почиталось богоугоднымъ дѣломъ погребать убогихъ мертвыхъ и на могилахъ ихъ раздавать пищу убогимъ живымъ (2), равно какъ лишиться погребенія или не быть на поминаеніи родныхъ поспавлялось въ наказаніе, коимъ угрожаетъ Пророкъ беззаконнымъ, именно въ

(1) *M. T. Ciceronis de legibus l. III. ed. I. Goerens. Lipsiae. 1819, in 8.*

(2) *Тов. IV; 17. Иерем. Сір. VII, 36. Diction. histor. crit. chron. etc. de la Bible; par le pere Dom A. Calmet, VI t. à Toulouse. 1783, in 8.*

такихъ словахъ: не погребутся, ни оплатутся— и не преломятъ хлѣба въ стenanіи ихъ ко утѣшенію надѣ мертвымъ, и не дадутъ или питія таши ко утѣшенію надѣ отцемъ и матерію ихъ (3). Добрый Товитъ, въ день Св. Пятидесятницы за прапезою, услышавъ ошъ сына своего Товія, что одинъ изъ земляковъ (отъ рода) удавленный лежитъ на поржищѣ, оставилъ свою прапезу и пошелъ его похоронитъ (4), положивъ его до захождения солнца въ нѣкоемъ долѣ. — Слѣдуя етому челоѣколюбивому примѣру, церковъ поспавляетъ въ числѣ дѣлъ милосердія погребеніе умершихъ въ крайнемъ убожествѣ. Въ первенспвующей церкви Хрістіане изъ челоѣколюбія и милосердія обрекали себя на погребеніе усопшихъ собратій своихъ; они извѣспны были подѣ именемъ *труждающихся*, копорые и донинѣ поминаются на епнеціи въ божеспвенной литургіи (5). Етому примѣру подражала не только Восточная, но и Западная Церковъ. Одинъ изъ нашихъ путешеспвенниковъ замѣчаетъ, что во Флоренціи съ

(3) *Иереміи*, XVI. 7—8 и XXII, 9—18.

(4) *Книга Товита*, гл. II, ст. 3. гл. I, ст. 17. И аще коего отъ рода моего видѣхъ умерша и извержена внѣ стѣны Ниневіи, погребяхъ его.

(5) *κοπιᾶται, κοπιώντες, fossarii, vespillones.* — R. P. Goar *ΕΥΧΟΛΟΓΙΟΝ, s. rituale Graccorum. Venet. 1730, in f.*

XII вѣка еще и доселѣ существуетъ соспоящее изъ почепныхъ гражданъ *Общество братьевъ милосердія*, къ которому принадлежать за честь себѣ поспавляли и Герцоги Тосканскіе: оно имѣетъ цѣлю благопворить убогимъ и погребать ихъ. Члены сего Общества, одѣвшись въ черное льняное платье, съ закрытымъ лицомъ, несутъ на плечахъ своихъ тѣло усопшаго нищаго до кладбища и тамъ честно предають его землѣ (6). Въ Россіи были такоужь рода пруженики, которыхъ имена сохранены для насъ опечественными лѣтописцами: въ Кіевѣ св. угодникъ Божій Марко гробокопатель, въ Переславлѣ-Залѣскомъ С. Даниилъ Пропасіевъ, въ Новгородѣ боголюбивый Станило и нищей Жгальцо. Спражки Убогихъ домовъ назывались *Божедомами*; а въ Новгородской и Вологодской Губерніи *Богорадныи* и *Божатлыи* (7).

„Хрістіанская набожность нашихъ предковъ — пишетъ Карамзинъ въ своей Исторіи — произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селою скудельничию*, гдѣ люди добролюбивые, въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ, сходились рыть могилы, для

(6) Сьерные цвѣты. Слб. 1825, въ 16.

(7) О Божедомѣ сохранилась въ народѣ и поговорка: *Живетъ одинъ, какъ Божедомъ*.

„спранниковъ и пѣшь паннихиды въ успокоеніе души шѣхъ, коихъ имена, опечество и вѣра были имъ неизвѣсны; они не умѣли названъ ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно хрістіанскія молитвы. Тамъ погребались шѣла, находимыя въ окрестностяхъ города, а, можетъ быть, и всѣхъ иноземцевъ.“ (8)

Въ опечественной Исторіи прогашельное воспоминаніе о семъ благочестивомъ обычаѣ предковъ нашихъ заставляешъ насъ изслѣдовать нѣсколько подробнѣе оный, шѣмъ болѣе, что онъ принадлежишъ къ опечественнымъ Древностямъ и къ Исторіи Церкви, по своему началу, цѣли, времени и мѣсту его учрежденія въ Россіи. Еще и теперъ существующъ многія урочища, запечатлѣнныя названіемъ *Скуделенѵ*, или *Убогихѵ домовѵ*, какъ въ самой древней Столицѣ, такъ равно и во многихъ другихъ городахъ Россійскаго Государства.

Скудельницы, или *Божіи дома*, получили свое начало отъ подражанія бывшему близъ Іерусалима на горѣ Сіонѣ *Селу скудельнику*, купленному Іудейскими Архіереями за тридцать сребрениковъ, цѣну предательства Іудина; почему и называлось сіе мѣсто

(8) *Харалз. И. Р. Г. т. VII. 2 изд.*

село крове (Авелдама). Такъ какъ это поле скудельниче (*αὐρὸς τοῦ κεραιέως*), изпощено было горшечными заводами и не годилось ни на какое другое употребленіе; посему и назначено Иудеями для погребенія *страннѣиѣ*, п. е. Иудеямъ, приходившимъ въ Иерусалимъ на поклоненіе Богу изъ опдаленныхъ странъ и, при внезапной смерти своей, неимѣвшимъ себѣ мѣста для погребенія (9); ибо жители Иерусалимскіе не допускали хоронитъ ихъ на своихъ кладбищахъ. I. Злапоуспъ говоритъ, что при самомъ вѣздѣ въ города были подобныя кладбища. У Римлянъ мѣста для погребенія бѣдныхъ внѣ города издревле существовали подъ именемъ *Ruticulae*, гноища.

Въ Россіи *Скудельницы*, устроеныя по примѣру Грековъ, назывались также *Буйищами* въ Тверской и Псковской Губерніяхъ, и *Гноищами*, какъ видно изъ завѣщанія Митрополита Стефана Рязанскаго, который просилъ похоронитъ себя за городомъ *на гноищѣ*. Въ Костромѣ донинѣ существуетъ церковь С. Козмы и Даміана *на гноищи*. *Убогіе доли* сходствуютъ съ *Жалямя* и *Жальниками* въ лѣсахъ, не только въ Новгородской Губерніи, но и въ Великой Польшѣ, въ землѣ Добрынской и Хельмской и въ Куявахъ:

(9) *Матв.* XXVII, ст. 7. — *Дяль. Апост.* I. ст. 19. см. D. J. *Rosenmüller's Scholia in Nov. Test.* t. I. Norimb. 1835. 8.

на епихъ Жальникахъ хоронятъ самоубійць и младенцевъ мерпворожденныхъ. *Усыпальницы же въ нѣкопрыхъ монастыряхъ состояшъ изъ сарая съ ямникомъ, куда спяшъ гробы и засыпають ихъ землею тогда, когда ими наполнился весь ямникъ.*

Извѣстно, что въ Россіи издревле до XVIII вѣка погребали богатыхъ и значительныхъ людей внутри городовъ, при церквахъ; а убогихъ овозили на Убогіе дома, кои состояли изъ ямника, опущеннаго въ землю, съ сараемъ сверху: при нихъ бывала часовня для пристанища крестному ходу, или церковь. Въ Семицкій четвергъ, на седьмой седмицѣ по Пасхѣ, когда церковь наша поминаеть всѣхъ прежде почившихъ отецъ и братій и приносить *огнестительныя молитвы и жертвы о душахъ ихъ* — бывалъ на Божедомку изъ ближайшаго монастыря, или Собора крестный ходъ (10) и спекался народъ съ гробами, одеждами и саванами для мерпвыхъ: благочеспивые сами изъ усердія рыли ямы, разбирали голыми руками пѣла, по большей части, завернушыя въ рогожки, и по Хрістіанскому милосердію, не гнушаясь отвращительнаго вида и запаха шруповъ, долго лежавшихъ въ ямникѣ

(10) Книга *Пятикостаріюкъ, еже есть Пятдесятица*. см. Службу въ медлю Пятикостіи.

сарая, опряшивали оныя, надѣвали на нихъ бѣлыя рубахи и саваны, потомъ клали въ гробы и опускали въ приготовленные для сего ямы и зарывали; иные между тѣлами находили своихъ родныхъ или знакомыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ.

По заваленіи епихъ ямъ, Духовенство совершало общую паннихиду; послѣ чего доброхотными дащелями раздавалась Божедому и собиравшимся на Убогій домъ нищимъ милосшыня и приносимые шуда съѣспные припасы, какъ-то: блины, пироги, калачи и пр. Кромѣ Семика, 1668 г. въ день Покрова Божія Матери, посылались Папріархомъ, Архимандриты и Власти на Убогій домъ для опривленія общей паннихиды по убогихъ, копорыхъ тогда же погребали въ общей ямѣ (11). Очевидный свидѣтель въ XVI вѣкѣ Принць Буххау, Цесарскій посланникъ въ Россіи, ушверждаетъ, что такая церемонія совершалась троекратно въ годъ (12). Кромѣ Семика и Покрова, установлена была 21 Іюня общая память по усопшихъ, какъ видно изъ грамошы 1548 г. (13), или въ другой день.

(11) Древняя Росс. Вивліоенка, ч. X. Москва. 1789, въ 8.

(12) De ortu et progressu Moscoviae. Gubensae. 1620, in 12.

(13) Акты археографической Экспедиции. т. 2, Спб. 1836, въ 4.

Помянувъ покойныхъ на Убогомъ домѣ, народъ обращался къ проспымъ увеселеніямъ, съ какими соединенъ былъ существующій съ незапамятныхъ временъ праздникъ *Семикъ*, какъ бы преддверіе весны и радостное преобразование оживленія природы.

О назначеніи, распространеніи и уничтоженіи въ Россіи *Скудельницъ*, или *Убогихъ домовъ*, упоминающъ не только опечественные, но и чужестранные писатели, какъ о предметѣ, достопримѣчательномъ въ отношеніи къ народности, религіи и нравственности. Учрежденіе скудельницъ у Рускихъ составляло, такъ сказать, переходъ отъ языческой Тризны или Стравы къ благочестивому и челоуколюбивому обычаю погребенія и поминовенія умершихъ, къ коему могутъ относиться и слова В. К. Владиміра Мономаха: „надъ мертвеца идѣше, яко вси мертвени „есмы“ (14).

Съ постепеннымъ введеніемъ и распространеніемъ св. Вѣры въ Россіи введенъ и распространенъ етошъ обычай, противопоставленный языческимъ обрядамъ Семика, еще свѣжимъ и памятнымъ въ первыя времена Рускаго Хрістіанства. Когда самыя

(14) Духовная В. К. Владиміра Мономаха дѣляемъ своимъ. Слб. 1793, въ 3.

церкви и погосты оныхъ, или монастыри служили усыпальницами для прихожанъ и когда не было еще общественныхъ кладбищъ: тогда убогіе, скудные и пришельцы, достигнушыя насильственной или внезапною смертію, полагались въ Убогихъ домахъ внѣ города до срока общаго погребенія и поминовенія.

Но прежде нежели рассмотримъ, когда и гдѣ появились первыя скудельницы и какое ихъ было назначеніе, постараемся разобрать самое значеніе словъ *Убогіе дома*

§ 1. Въ праздникъ Пятдесятницы, *иже есть свято́ семь седми́нъ*, Церковь наша, вспоминая въ *мртвенныхъ* молитвословіяхъ своихъ о всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ, о тѣхъ вѣка усопшихъ, въ упованіи на милосердіе Искушителя, ходатайствуетъ за *убогихъ* Божіихъ, постигнушыхъ напрасною смертію — попаленныхъ молніею, замерзшихъ отъ холода, утонувшихъ, убитыхъ на брани или разбойниками, отравленныхъ и пр. (15).

Самое слово *убогій* имѣло разныя значенія, которыя заключали въ себѣ выше изло-

(15) см. *Пятикостаріонъ*, Служба въ седьмую седмицу во Пасхѣ.

женныя понятія, такъ что и разное словопроизводство имъ не противорѣчитъ. Если приняшь производство онаго опъ словъ *у Бога*, т. е. живущій *у Бога*, подъ Его кровомъ, какъ богадѣльникъ, т. е. *Бога дѣля* (для): то оно будетъ означать всѣхъ лишенныхъ крова и средства къ пропитанію—бѣдныхъ, скудныхъ, нищихъ, спранныхъ, или со стороны пришедшихъ, споронныхъ. Если же производишь сіе слово опъ *убой*, *убійство* (ибо и на древнемъ холщевомъ антиминсѣ церкви св. Іоанна Воина на Убожедомѣ написано *на убоихѣ домѣхѣ*); то будетъ означать убитыхъ, или застигнутыхъ насильственной смертію на дорогѣ или на улицѣ, и даже казенныхъ шорговою казнію. Достоверно, что и тѣ и другіе погребались на Убогихъ Домахъ, и подъ словомъ *убогіе* разумѣлись тѣ и другіе, какъ объясняется древними памятниками, простонароднымъ и областнымъ употребленіемъ сего выраженія. Въ доказательство перваго словопроизводства послужитъ великаго въ благочестивомъ смиреніи Архипаспыря Св. Димитрія Тупталы *Духовная грамота*, гдѣ онъ именно такъ завѣщаетъ: „И аще мене ꙗко *нища* нишо же восхощеть обычному ꙗредапи погребенію, молю убо тѣхъ, иже своєю смертью памятсвуютъ, да опвлетъ упъ мое грѣшное тѣло во убогій домъ, и

»тамо между ирупіямъ да повергуть е.« (16)—
 Въ доказательство же впораго послужить
 намъ послѣдняго Патріарха Росс. *Адріана*
наказѣ поповскимѣ старостамѣ, гдѣ именно
 означается, кого должно хоронить на Убо-
 гомъ дому: »А которыи челоувѣкъ обѣсип-
 ся, или зарѣжешся, или купаясь и похва-
 ляясь и играя ушонеть, или вина опьеп-
 ся, или съ качели убьешся, или иную ка-
 жую смерть самъ надъ собою своими ру-
 жками учинить, или на разбоѣ и на воровствѣ
 »какомъ убить будеть, и тѣхъ умершихъ
 »тѣмъ у церкви Божіи не погребать, и надъ
 »ними опщѣвать не велѣть, а велѣть ихъ
 »класъ въ лѣсу, или на полѣ, кромѣ клад-
 »бища и убогихъ домовъ. Которыи чело-
 »увѣкъ на разбоѣ, или на воровствѣ будеть
 »битъ, и пришлютъ для исповѣди къ опцу
 »духовному, и того разбойника или вора при
 »смерти исповѣдашь, и по разсужденію опца
 »духовнаго, запасными дарами причастить, а
 »какъ онъ умреть, и его положишь безъ
 »опщѣванія въ городѣ въ убогомъ дому,
 »гдѣ шакіежь воры и разбойники кладутся.
 »Которые въ городѣхъ воры и разбойники
 »мужеска и женска полу по указу Великаго

(16) Сочиненія Св. Димитрія М. Ростовскаго I т. М.
 1805—7, въ 4.

„Государя осуждены будущъ къ смертной казни, и шѣ воры и разбойники при смерти просить будущъ опцевъ духовныхъ, чтобъ имъ предъ ними исповѣдаться, и шѣхъ воровъ и разбойниковъ велѣтъ попомъ исповѣдать, и по разсужденію опцевъ духовныхъ, запасными дары причастипть, и послѣ казни велѣтъ ихъ класъть въ Убогомъ дому» (17).

Изъ преданій и лѣтописей значится, что на Убогихъ домахъ иногда хоронили и самоубійць; сіе подтверждается также грамошою Папріарха Філарета (за полвѣка до Адріанова наказа), данною 1619 года Арзамаскому Спаскому монастырю (18). Упомянутая о сборѣ вѣчныхъ и похоронныхъ пошлинъ съ крестьянъ того монастыря, Священшель заповѣдываепть: „похороняши имъ шѣхъ людей, надъ которыми учинится скорая смерть, кусомъ подавится, или кто кого ножемъ зарѣжетъ, или съ древа убьется, или упонетъ не купаючися, или оправною смертію умретъ, а не самъ себя оправитъ, шѣхъ у церкви Божіей похороняши и надъ ними опщѣвати, какъ и надъ прочими хрістіаны; а который человекъ вина опьется, или удавится, или зарѣжется, или съ ка-

(17) Древн. Росс. Вивл. ч. XV. стр. 386, 1790 въ 8.

(18) Исторія Росс. Іерархіи. т. III, стр. 269.

„челѣй убьется, или купаючись утонеть, или самъ себя отправитъ, или иное какое дурно самъ надъ собою учинитъ, и тѣхъ въ церкви Божіей не похороняти и надъ ними не оплѣваати, велѣти ихъ класти въ *убогихѣ домахѣ*, а похороннаго имати по гривнѣ.“ —

Вѣроятно, что это постановленіе было частнымъ, мѣстнымъ исключеніемъ, которое опчасти согласно было съ правиломъ церковнымъ, допускающимъ тогда только совершати моленіе надъ самоубійцею, *аще онѣ будетѣ во истину умѣ погубилѣ*. „Въ семъ случаѣ, какъ замѣчаетъ М. Минрополитъ Филаретъ, дозволено самоубійцу похоронитъ на такомъ кладбищѣ, каково Убогій домъ, гдѣ о погребенныхъ совершалось церковное моленіе“ (19).

Убогій домъ былъ также опальнымъ кладбищемъ, гдѣ хоронили казненныхъ, или умершихъ въ опалѣ. Тѣло Царя Бориса Годунова, погребенное съ честію въ Архангельскомъ Соборѣ, по приказанію Димитрія Самозванца, вынуто изъ гробницы, и не въ двери, но чрезъ нарочно пробитое въ стѣнѣ Собора отверстіе выброшено и погребено въ единомъ опѣ *убогихѣ* монастырей — Московскомъ Варсонофьевскомъ (20),

(19) Мороз. Лѣтоп. въ *Жур. Ист. Гос. Росс.* т. XI.

(20) Труды Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. I. М. 1826, въ 8.

при коемъ находился Убогій домъ съ церковію, донынѣ соспоящею, Св. Николая, что въ Звонаряхъ (21). Наконецъ, и шрупъ Димитрія Самозванца, преемника Борисова, изъязвленный, обнаженный и обруганный народомъ, какъ ненавистныя остатки злодѣя, опвезенъ въ Убогій домъ (гдѣ нынѣ Убожескій Покровскій монастырь); но дроги, на коихъ лежалъ Опрещевъ, не проѣхали въ ворота сего дома: по духу тогдашняго времени, епо приписали чуду — шрупъ сняли съ дрогъ и спацили его въ яму Скудельни. Во время пребыванія Опрещева тѣла на Убогомъ дому, какъ тогдашній лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, видали надъ нимъ разные чудныя и спрашныя призраки, слышали вопли и завыванія; шрупъ его будто являлся по за верспу предъ Убогимъ домомъ, по близъ онаго; къ епому выпалъ глубокій снѣгъ, насталъ холодъ и свирѣпствовали ужасныя вихри (епо было въ Маѣ, 1606 года). Изъ чего тогда и заключили, что земля не принимаетъ Самозванца — и перевезли бездушныя останки безпокойнаго мершвеца на Серпуховскую дорогу и въ мѣспечкѣ Коплахъ сожгли его и пепель разсыяли по

(21) *Мишурина* Планъ Москвы, 1739, и Путьеводитель къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ. М. 1792. 4 части, въ 12.

воздуху (22). И такъ, *убогими* назывались опальные, лишенные св. напущствія таинствами, оставленные безъ совершенія надъ ними обрядовъ опщванія въ церкви и не оплаканные родными. *Скудельница* собственно происходила отъ *села скудельница*, поля, гдѣ добывали глину, каковое, какъ видно изъ Евангелія, куплено было для погребенія спранныхъ; у Рускаго народа, по замѣчанію Доктора Богословія П. М. Терновскаго, сіе слово весьма хорошо могло бытъ употреблено для означенія мѣста погребенія *скудныхъ*, *убогихъ*, также по созвучію его съ словомъ *скуда*, убожество, скудость, и по сходству истощенной, бесплодной земли съ неимущимъ, скуднымъ человекомъ.

§ 2. О скудельницѣ въ первый разъ упоминаеть Новгородскій Лѣтописецъ 1250 года, что Архіепіскопъ Спиридонъ пославилъ въ Новгородъ скудельницу у Св. Апостоль, въ ямѣ на Пруской улицѣ, выбралъ для смотрѣнія за оною человеклолюбиваго мужа Станилу. Лѣтописецъ, говоря объ етомъ, по погдашнему времени, полезномъ учрежденіи Спиридона, какъ о внушеніи Божіемъ,

(22) Дополненіе къ Дѣян. Петра I, часть I, стр. 294.

прибавляешъ слова: *и вложи Богъ въ сердце благое творити Владыцѣ*. Тупъ же лѣтописецъ замѣчаетъ: „нии (во время голода) про-
 „спаса чадъ рѣзачу люди живыя, и ядыху; а
 „ниныя мертвое трупіе обрѣзываютъ ядыху—
 „и поставиша другую скудельницу конецъ
 „Чюдницевъ улицѣ, а та полна бысть.“ — Во
 время сильнаго мора въ Смоленскѣ, 1251 года,
 сдѣланы были чешыре скудельницы; въ двухъ
 положено 16 тысячъ человекъ, въ прешей
 7 тыс., а въ четвертой 9 тыс. чел. (25).
 При распространеніи Черной смерти въ Рос-
 сии, въ XIV в., спроились во многихъ мѣ-
 стахъ скудельницы для погребенія погибшихъ.
 Когда епископъ моръ посѣтилъ Псковъ: тогда,
 по сказанію пуземнаго лѣтописца, „веледуш-
 „нии, весь страхъ смертный отъ сердцеъ
 „своихъ отпринувше, безъ сомнѣнія, и чуждая
 „мертвецы, или сироты и убоги небрегомы,
 „тѣхъ опрашывающе и износяще, погребачу
 „и память по нихъ творяще службами и
 „просвирами, спасенія ради себя и своихъ
 „душамъ.“

Во время Новгородскаго мора 1467 года,
 въ Неревскомъ концѣ, при Звѣринскомъ дѣви-
 чемъ монастырѣ была близъ церкви Покрова
 Богородицы *веля скудельница*. Архіепископъ

Іоаннъ , по сказанію лѣтописи , слышалъ свѣше гласъ: *иди со кресты въ Неревской концѣ и престанетъ морѣ*. Послѣ молебна предъ явленною на скудельницѣ иконою С. Симеона Богопримца , морѣ спалъ прекращаться. Во время Псковскаго мора , 1465 года , во всякомъ концѣ выкопаны были скудельницы , гдѣ глади мертвыхъ (24). Въ Софійскомъ временникѣ , подъ 1474 годомъ , упоминается о селѣ *скудельнигелѣ* въ Москвѣ и припомъ повѣспвуешя слѣдующій замѣчательный случай : »Человѣкъ нѣкій во градъ Москвѣ ходивъ по обычаю къ селу скуделничу , иже имѣють гражане на погребеніе спраннымъ : »обычаи же имѣяху въ чепвергъ 3 недѣли »ходитьи тамо , и буняху шушо канонъ и »свѣща и молбу творяху о умершихъ (вкупѣ же и сей идяше) и загребаху спарую яму , »иже полну мертвыхъ наклады , а новую »ископаваху ; шу же вси и копають и засыпають землю Бога ради , но вси гражане »мужи и жены. Сей же человѣкъ вземъ въ »приполь земли изъ новыя ямы , да понесе »на шу спарую , и пѣснопы ради людскыя »спощкнуса паде на земли , внезапно оглохну »и онѣме.« Мощи св. Θεогноста Митрополита въ Успенскомъ Соборѣ его изцѣлили. —

(24) *Жарамз.* II. Г. Р. т. V.

Въ *Новгор. Лѣт.* подѣ 1570 годомъ, когда случился моръ; упоминается, что въ 9 Сентября, за городомъ у Рожества Христова въна полѣ всемъ Новымъ городомъ, всеми соборы опшѣвали умершихъ надъ скудельницею и загребали скудельницу: а душъ въ этой скудельницы 10 тыс., а шупъ былъ на провожаньи Иванъ Жгальцо, нищей спашецъ, который въ тѣхъ скудельницахъ погребаетъ. Когда въ голодный годъ на Дни-нѣ, въ *Холмогорахъ* въ 1549 г. мерло много людей: тогда погребали мерпвыхъ чловѣкъ по 200 или по 300 въ одну яму (25). Царь Иоаннъ Васильевичъ на мѣстѣ Скудельницы, или такъ называемаго *Рускаго кладбища*, гдѣ погребены были тѣла Рускихъ, падшихъ при осадѣ Казани, построилъ въ 1552 году Зиланцовъ монастырь (26). Когдажъ оно перенесено было на другое мѣсто: то прозвано *Убогимъ домомъ*; а нынѣ *Вязкой* отъ сросшихся шамъ вязовъ, или отъ вязкости. С. Даніилъ Прохасьевъ, крестный отецъ Царя Иоанна Васильевича; сперва жилъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ при Убогомъ домѣ, гдѣ въ *Божедомской* гробницѣ полагалъ съ подо-

(25) Опытъ трудовъ вольнаго Росс. собранія. ч. I. Москва 1774, въ 7.

(26) Исторія Росс. Иерархіи. ч. IV. М. 1812, въ 8.

бающимъ молитвословіемъ умершихъ разными бѣдами и поверженныхъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, опиносилъ въ нее на своихъ плечахъ, подобно Товіи (27). Также во время Московскаго мора 1604 г., по повелѣнію Царя Бориса, приставы ѣздили изъ улицы въ улицу, подбирали мертвыхъ, обмывали ихъ, завершывали въ бѣлые саваны; обували въ красные копы и солными возили за городъ въ при *скудельницы*, гдѣ въ два года и чепыре мѣсяца схоронено было 127 тысячъ человекъ (28).

Кромѣ домашнихъ свидѣтельствъ, приведемъ здѣсь сказанія чужестранцевъ, описавшихъ намъ сіи учрежденія, для нихъ любопытныя. Принцъ Буххау, чрезвычайный Посланникъ отъ Императоровъ Максимилиана и Рудольфа къ В. К. Іоанну Васильевичу (29), замѣчаетъ, что „богатѣйшихъ людей Москвитяне хороняшъ въ склепахъ подъ церквами; для погребенія черни вырываютъ большую яму, въ которую, какъ скоро кто умрешъ, кладушъ тѣло безъ обрядовъ и безъ покрышя онагозем-

(27) Рускій временникъ: 2 ч. Москва. 1820, въ 8.

(28) *Харамз.* И. Г. Р. т. XI.

(29) *Moscoviae ortus et progressus*, authore *Daniels Printz* à *Vicchni*. Gubenaе. 1679. in 16.

„лею. Черезъ три или чепыре мѣсяца, тамъ
 „спроютъ домикъ (domunculam) и предаютъ
 „прупы надлежащему погребенію при великомъ
 „спеченіи ближнихъ и соседей, копорые со-
 „провождаютъ ихъ плачемъ и воплемъ. Таковыя
 „церемоніи прижды въ годъ совершаются.“
 Сіе сказаніе подтверждаетъ и Флешчеръ
 именно такими словами: „Зимою же, когда
 „земля отъ холода отвердѣетъ такъ, что
 „нельзя рыть ямъ; всѣ прупы свозятъ на
 „общественное мѣсто, называемое *Божій*
 „*домъ*: тамъ онѣ замерзаютъ отъ спужки;
 „по наступленіи же весны и по распаяніи
 „льда, всякой тамъ ищетъ между мерзвѣ-
 „цами своихъ родныхъ или знакомыхъ. При-
 „крывъ нагошу пруповъ своимъ плащемъ,
 „предаютъ землѣ и совершаютъ молитвы
 „объ усопшихъ“ и пр. (30).

Бывшій въ Россіи при Царѣ Алексіѣ Ми-
 хайловичѣ, Англичанинъ Сам. Коллинсъ пи-
 шеть, „что убитыхъ и замерзшихъ при-
 „возятъ въ Земскій приказъ, къ коему опи-
 „носятся многіе такіе случаи, и тамъ

(30) Russia s. Moscovia, itemque Tartaria commentario to-
 pographico atque politico illustratae. Lugd. Bat. an.
 1630, in 16. — Сравни Сказанія современниковъ о Дымши-
 рин Самозванцѣ. ч. I. Сиб. 1831, въ 8.

„выставляющъ тѣла на при или чепыре
 „дни. Ежели найдутся какіе либо родствен-
 „ники или знакомые мертвыхъ: по увозятъ
 „ихъ тѣла; въ противномъ случаѣ, они оп-
 „сылаются въ большое подземелье со сво-
 „дами, которое называется Божіимъ домомъ
 „(Vozky, или Boghzi Dome): тамъ складываютъ
 „до 100 или 200 труновъ и оставляютъ ихъ
 „до весны, а весною священники погре-
 „баютъ оныя и засыпаютъ землю. Трид-
 „цать дней послѣ погребенія, родственники
 „приходящъ чипать Псалтырь надъ моги-
 „лою, выспротивъ тамъ небольшой шалашъ
 „для защищенія себя отъ непогоды“ (31). Та-
 кіе шалашы или будки запрещено строить
 при церквахъ, на гробахъ покойниковъ, ука-
 зомъ 1725 г. Октября 26.

Самуилъ Кихель, въ концѣ XVI вѣка, какъ очевидецъ, описываетъ Убогій домъ въ Псковѣ: „Для погребенія мертвымъ находится за городомъ кладбище, и бѣднѣйшихъ кладутъ въ общую яму, выкопанную на четверть часа ѣзды отъ города подъ кровлею и, по наполненіи, засыпавъ оную, выкапываютъ возлѣ нея новую. При церквахъ же и въ

(31) The present state of Russia, illustred with many copper plates. Lond. 1671, in 12.

церквахъ погребають полько богатыхъ заклады“ (32). Къ етому описанію еще прибавляетъ онъ, что „трупы неизвѣстныхъ ки-„дались въ известковую яму, для сего при-„готовленную, гдѣ съѣдала оныя известь.“

Въ одной старой пѣснѣ, времянь Императрицы Анны Ивановны, несчастный пѣвецъ такъ описываетъ жребій свой:

Ахъ! бѣда въ скудѣ, нѣтъ мѣста въ водѣ,
Выпашутъ опшоль, засушатъ, какъ моль,
Почнутъ, попрошутъ, чѣлобъ кости сушить,
Да тѣмъ чередомъ и въ Убогій домъ;
Тамъ ночь велика, и до Семика.

§ 5. Кромѣ историческихъ воспоминаній въ лѣтописяхъ, грамомахъ Папріарховъ и Архіереевъ, указовъ Государей, и синодикахъ, кромѣ преданій, донинѣ существующихъ и самыя мѣста погребенія убогихъ, удерживающія и свое первобышнее имя и слѣды могильныхъ насыпей: я говорю о церквахъ, монастыряхъ и урочищахъ — гласныхъ памянникахъ у Рускаго народа.

(32) Исторія Княжества Пековскаго. соч. М. *Евгенія*.
Кіевъ. ч. I, 1831, въ 12.

Сверхъ выше упомянутыхъ Убогихъ Домовъ, въ Москвѣ есть улица, сливающая Божедомкою, при церкви Воздвиженія Честнаго Креста, или С. Іоанна Воина *на старыхъ убогихъ домихъ* (33). Върояно, епо первая въ Москвѣ скудельница, о коей упоминается въ Соф. Времен. подъ 1474 годомъ; время построения памъ первой деревянной церкви не извѣстно: думать надобно, что лѣтъ сто существуетъ нынѣшняя каменная, которую, по преданію, соорудилъ одинъ купецъ надъ прахомъ жены своей, доведенной болѣзнію до самоубійства. Какъ по описи значится, церковь епа имѣла довольно земли, смежной съ владѣніями Троицкой Лагвы; въ указѣ 1667 года, Дек. 2, мѣсто сіе названо *монастырь убогихъ доми*, что за Срѣшенскими, воротами, и огорожено было заборами. Еще послѣ 1812 года, видны были насыпи, или небольшіе курганы надъ пѣлами убогихъ и обвалившіяся могилы на полянѣ противъ церкви и въ саду нынѣшней Почтамтской больницы. На могилахъ

(33) *Мигурина* плачь Москвы 1739 г. — Въ житіи Св. Іоанна сказано, что предъ кончиною своей повелѣлъ „нѣ- „кому челоуѣку тѣло свое положить въ домъ, идѣже „странни и незнаеміи и ищшіи погребаются.“ По етому, конечно, и сооруженъ придѣлъ во имя сего Святаго на Божедомкѣ.

церкви въ Семикъ, по старой памяти, народъ садился семьями поминашь покойниковъ и праздновать честный Семикъ; шеперь онъ сравненъ съ землею и путь проведена дорога.— Въ 1667 году, по указу Царя Алексія Михайловича монастырская, могильная и пашенная земля сего Убогаго дома близъ рѣчекъ Напрудной и Неглинной пожалована, по упрощенію Святейшихъ Вселенскихъ Папріарховъ, Московскому Греческому Николаевскому монастырю и о томъ дана владѣльная память (34). По близости съ Убожеской церковью Св. Іоанна Воина, бывшая въ самой Марьиной роцѣ, у стараго Нѣмецкаго кладбища деревянная церковь Лазарева Воскресенія, такъ равно и нынѣ находящаяся при роцѣ съ кладбищемъ каменная церковь сегожь имени, слывущъ *на Убогихъ Домахъ*, или на *Божедолицѣ*; а мѣсто самое празднованія Семика и даже гулянье называются *Тюльпою*. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны Убогий домъ отъ церкви С. Іоанна Воина перенесенъ былъ къ Камеръ - Коллежскому валу на поле, между етой церковью и шеперенимъ Лазаревымъ кладбищемъ, и потомъ уничтоженъ послѣ случившагося

(34) Собраніе Госуд. грамотъ, ч. IV.

памѣ разграбленія тѣлъ. Близъ сего мѣста въ 1812 году, вскорѣ по изгнаніи непріятелей, въ Марьиной рощѣ сожигали десятками и сотнями въ кострахъ человѣчскіе и конскіе пруты, поднятые въ древней Сполицѣ. — Поѣровскій Убожедомскій монастырь въ Москвѣ построень на компанійныя деньги Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, который въ 1647 году возобновилъ и Новгородскій Рождественскій монастырь, что *на полѣ у скуделенѣ*. — Кромѣ прежде означенныхъ мѣстъ въ Москвѣ, есть еще въ Пречистенскомъ сѣрокѣ церковь Нерукопвореннаго Спаса, зовомая *Божедомская*, или *Пятница Божедомская*, и Андреевскій монастырь, что нынѣ приходская церковь *Воскресенія Христова въ Плѣницахѣ*, и пр.

Никонъ Палпріархъ, желая сохранить въ своемъ Новомъ Иерусалимѣ (Воскресенскомъ монастырѣ) память о всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ Святой Земли, наименовалъ одно село въ окрестностяхъ любимаго имъ монастыря *Скудельницкиѣ* (55).

Въ другихъ городахъ Россійскаго Государства еще уцѣляли божедомскія церкви и

(55) Ист. Росс. Иерархіи. т. II. стр. 309.

монашпыри и даже остатки самыхъ Убогихъ домовъ, пагъ равно сохраняется преданіе о бывшихъ при семъ обрядахъ. Наименуемъ нѣкоторыя изъ оныхъ. Остатки упоминаемаго Св. Димитріемъ Росповскимъ Убогаго дома еще и донинѣ существуютъ въ Росповѣ, въ Лазаревскомъ приходѣ, 2 квартала, внѣ города. Въ Ярославлѣ еще (1825 г.) видны были ямы Убогаго дома, наполненныя костями человѣческими, кои размыты дождемъ, или раскопаны при доставаніи песка изъ рыпвинъ; епо при церкви Владимірскія Богомапери, въ Рыбинскомъ переулкѣ; отсюда кладбище, по свидѣтельству спарожилловъ, въ первые годы царствованія Екаперины II, перенесено къ церкви С. Леонпія Чудотворца, куда ежегодно 25 Мая, въ воспоминаніе прежняго креспнаго хода на Убогіе дома, бываель изъ Собора креспное жъ хожденіе. — Въ Нерехтѣ у самаго города еспъ лугъ съ восточной стороны, называемый *Пахоміевскою поляною*, гдѣ находилсѣ каменный сполпъ въ память бывшей здѣсь церкви С. Пахомія съ 1592 г. и уничтоженной вмѣспѣ съ уничтоженіемъ Убогихъ Домовъ. На епомъ мѣспѣ существовалъ *Божедоловоѣ дворѣ*, куда свозили замерзшихъ, улюплениковъ и умершихъ безъ покаянія, въ вырышой ямѣ погребали при многолюдномъ спеченіи жишелей изъ окружныхъ селеній, а въ церкви опи-

правлялась заупокойная обѣдня. Теперь здѣсь собираются дѣвицы на Семикъ (36). Какъ въ Нерехтѣ, такъ и въ Коспромѣ поджидывали на Убогіе дома зазорныхъ дѣшей. Предъ Семикомъ Божедомъ съ своими воспитанниками собиралъ милостыню, возя малолѣтнихъ изъ нихъ на тѣлежкѣ; подѣзжая къ обывательскимъ домамъ, онъ прицѣвалъ: „К—нъ, сынъ бапья, к—на дочь мапья, узнай свое дпшяшко, подай ему милостыню!“ Иногда выискивались родители или сродники, и изъ рукъ Божедома брали себѣ дѣшей въ Богданы. *Божедолюбъ*, *Богорадный*, или *Божапой* въ обласномъ нарѣчьи значить не только воспитатель незаконнорожденныхъ дѣшей (Богдановъ), но и вообще крестный отецъ. Близъ Устюга великаго, при Иоанно-предпеченскомъ дѣвичьемъ монастырѣ есть сосновая роща, гдѣ попадаются множество холмиковъ, означающихъ *многогробичное* мѣсто; еша роща, по преданію, выросла на Убогомъ Дому, гдѣ надъ могилами усопшихъ знакомые и родные сажали по молодой соснѣ въ знакъ памяти. Туда-то и донныя собираются приходскіе священники о Семикъ пѣшь паннихиды; послѣ чего во мно-

(36) Записка М. Я. Діева изъ Сыпанова.

жесивъ шуда спекшійся народъ гуляетъ въ Семикъ подъ шѣнію сосенъ печальной роци (37).

Въ Вологдѣ естъ весеннее гулянье, называемое *Поляною* отъ поляны, на коей съ незапамтныхъ временъ донынѣ народъ празднуетъ Семикъ; на семь-то мѣспѣ, по свидѣтельству Митрополита Еженія, былъ Убогій домъ или погребъ, въ который черезъ цѣлый годъ бросали шѣла самоубійцы; и въ Троицкую недѣлю, по обычаю другихъ городовъ, шуда бывалъ крестный ходъ съ опшѣваніемъ панихиды надъ погребенными; послѣ чего клали шѣла въ вырышую яму и засыпали землею, а на будущій годъ выкапывали новую (38). Такъ какъ при оныхъ домахъ иногда спроились особыя церкви, а иногда часовни для приспанища крестному ходу: то и на полянѣ въ Вологдѣ была деревянная часовня. Ешту часовню другой неизвѣстный изыскатель (39) выдаетъ за каменный съ деревянною кровлею голбчикъ, сооруженный надъ шѣлами *двухъ витязей Бѣлоризцевъ*, по преданію народному, доблѣспвенно подвизавшихся во

(37) Сѣверн. Арх. 1824, No 17.

(38) Сѣверн. Вѣстн. 1804, No 11.

(39) Вѣстн. Евр. 1813. No 17, и 1814 No 15.

время нашествія Липовцевъ, и скороненныхъ на скудельницѣхъ, гдѣ погребались не столько самоубійцы, сколько умершіе насильственной смерщю.

Въ Новгородѣ великомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился Рожественскій монастырь *на скудельняхѣхъ*, или *на полѣ*, оспалась одна древняя каменная церковь во имя Рождества Христова, а другая, каменная во имя Св. Николая, 1766 года, построенная надъ прахомъ Князей Василя Лукича и Ивана Алексѣевича Долгорукихъ, шамъ казненныхъ въ царствованіе Анны Ивановны. Туда съ давнихъ лѣтъ ежегодно въ Семикъ совершается изъ кладбищенской церкви крестный ходъ послѣ обѣдни. По прибытіи на мѣсто, поютъ общую панѣхиду о здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. Послѣ того, обходящъ все кладбище при пѣніи стиховъ: *плату и рыдаю*, а потомъ *не рыдай Мене Мати*. — Нѣкто Корнелій Брагинъ въ 1619 г. построилъ въ Курскѣ *Божедолскій монастырь*, нынѣ упраздненный (40).

Въ прехъ верстахъ отъ Вязьмы, на скатѣ горы, при рѣчкѣ Русянкѣ, влѣво отъ большой Смоленской дороги, сшойтъ дере-

(40) Исторія Росс. Іерархіи, т. III.

вянная старая часовня, извѣстная памѣ поды
именемъ *Убогаго дома*, гдѣ погребались само-
убійцы и спранники.

Существованіе и въ другихъ мѣстахъ Рос-
сіи подобныхъ кладбищъ свидѣтельствуетъ,
что онѣ были въ ней издревле повсемѣстными.

Касательно Убогихъ домовъ замѣчательнъ
также Указъ, данный во 2й день Іюля 1748 года
Сенату Императрицею Елисаветою Пепрово-
ною: „Понеже Нашъ Дворецъ въ Москвѣ на
„Яузѣ рѣкѣ близъ Нѣмецкой Слободы имѣется,
„въ которомъ Мы, въ наше присутствіе въ
„Москвѣ, всегда пребываемъ, а въ Нѣмецкой
„Слободѣ и близъ оной при церквахъ, кои
„при самыхъ проѣзжихъ улицахъ имѣются,
„кладбища мерныхъ пѣлъ, особливо же въ
„слободѣ въ *склепахъ незасыпанные землею*,
„кои хотя прежде и дозволено было; но
„погда оная слобода была въ опдаленіи отъ
„жилья въ краѣ къ пуспымъ мѣстамъ и
„нынѣ между Нашимъ Дворцемъ въ срединѣ
„бысть спала и для того погребенію мерт-
„выхъ пѣлъ весьма тупъ бысть не прилично
„да и опасно; и шого ради Повелѣваемъ: какъ
„въ Нѣмецкой слободѣ, такъ и близъ оной
„при церквахъ, кои на проѣзжихъ большихъ
„улицахъ имѣются, отъ сего времени мерт-
„выхъ не погребать и старыя всѣ могилы

„заровнять и склепы, незасыпанные, землею,
 „засыпать; а впредь вѣхъ приходовъ обы-
 „вашелямъ мертвыхъ своихъ погребать въ
 „полѣ и для того отвести удобныя мѣста
 „за Мѣщанскою слободою, гдѣ имѣются Убо-
 „гіе доли въ сторонѣ отъ проѣзжихъ боль-
 „шихъ дорогъ и въ отдаленіи отъ жилья,
 „по размопирѣнію, а для Русскихъ, гдѣ опи-
 „ведется; поспроить церковь небольшую
 „на Нашъ кошцѣ, чтобъ не въ полѣ, но при
 „церкви по Хрістіанской должности оныя
 „погребены были.“ — При етой же Госуда-
 рынѣ въ 1744 году ввущенъ былъ въ Сенатъ
 Главной Полиц. Канцеляріи Членъ *Молга-
 новъ* и взнесъ оной Канцеляріи доношеніе,
 которымъ пребовалъ, чтобъ „на Убогоиъ
 „доиъ, который близъ Марьиной роци, для
 „погребенія мертвыхъ тѣлъ анбаръ испра-
 „вить, за неимѣніемъ въ Полиціи на то дѣло
 „денегъ, отъ Губерніи Московской съ Духов-
 „ною Дикастувією. Указомъ Сената 22 Маія
 „того 1745 г. предписано: анбаръ построить
 „и впредь починивать Моск. Губернской Кан-
 „целяріи изъ неокладныхъ доходовъ той Гу-
 „берніи“ (41).

(41) По указанію ученаго любителя отечественныхъ древ-
 ностей, П. В. Шереметевскаго.

Но послѣ Московскоѣ чумы 1771 г. указами запрещено было повсюду вырывать для самоубійць и скоропоспѣжно умершихъ годовыя ямы; съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожились и Божедомскіе сараи и прекращены креспные ходы на такія мѣста, на коихъ хоронили не только *убогихъ* — умершихъ внезапною смертію, убитыхъ, опальныхъ, казненныхъ, иногда самоубійць, но даже иногда онѣ служили воспитательными домами, гдѣ призираемы были Божедомами подкидыши. Но по тому оповращенію, какое издревле Рускіе имѣли къ иновѣрцамъ, почиаемымъ погаными, нечиспыми, едва ли вполне справедливо мнѣніе Карамзина, чптобы на Убогихъ домахъ *погребались тѣла всѣхъ иноземцевъ* (42): они имѣли особенное кладбище, коего остатки существуютъ донынѣ въ Марьиной роцѣ и близъ Донскаго монастыря. Иногда же хоронили тѣла чужезпранцевъ на Убогихъ домахъ только при особенныхъ случаяхъ, какъ видно изъ Беровой лѣтописи (43) — и это было исключеніемъ изъ общаго правила. Въ царствованіе

(42) Карамз. И. Г. Р. т. VII.

(43) Сказанія современниковъ о Димшрѣи Самозванцѣ, ч. I. Спб. 1831, въ 8.

Анны Ивановны донесъ Св. Синоду 1750 г. Мая 22го Иродіонъ, Епископъ Черниговскій и Сѣверскаго Новгородка, что Мекленбургскаго корпуса начальники и подначальные, шѣла умирающихъ между ими Люперовъ, Кальвиновъ и прочихъ иновѣрцевъ, не хопя погребашъ внѣ городовъ и сель въ *опредѣленныхъ мѣстахъ*, самовольно хороняшъ при церквахъ и дѣлаюшъ подъ сими *каменныя капища*. Указомъ предписано было капища сломать.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ видно, что Убогіе дома въ Россіи были *постоянные и временные*; послѣдніе, какъ выше замѣчено, обыкновенно устраивались въ случаѣ мороваго повѣтрія, голода и нашествія враговъ, чтобы предохранить живущихъ отъ заразы, а шѣла усопшихъ отъ поруганія и чтобы исполнить долгъ Христіанскій преданіемъ оныхъ землѣ съ церковнымъ молитвословіемъ. Они собственно занимали средину между *погостомъ* или *кладбищемъ*, гдѣ погребались удоспоевшіеся Христіанской кончины, и *полемъ* и *лѣсомъ*, гдѣ хоронились отверженные Церковью; ибо наша Церковь самымъ мѣспомъ и обрядомъ погребенія усопшихъ постановила различіе,

назидательное для живущихъ. Въ учрежденіи ежегоднаго общаго поминовенія убогихъ видно маперинское сердоболіе Церкви, молящейся за *поминающихъ убогихъ* (41), также благочестіе и Хрістіанское милосердіе Рускаго народа, у котораго существовавь ещѣ обычай сполько вѣковъ.

(41) Въ пѣніе *Достойно* чинается священникомъ въ молищѣ:
καὶ μνημένων τῶν πενήτων.

IV.

ВЬЮНИШНИКЪ.

Такъ въ Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ называютъ субботу на Святой недѣлѣ. День ещѣ празднуется въ честь молодыхъ супруговъ, обвѣнчавшихся въ теченіе прошедшаго года. Собравшись съ разсвѣтомъ въ концѣ деревни, молодежь идетъ къ ихъ дому, и, приближась къ нему, начинаютъ пѣть:

Какъ въ деревнѣ во Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоялъ шухъ шеремъ
Со крушымъ верхомъ,
Со косячатымъ окномъ.
Противъ краснаго крыльца,
Прошивъ косячатаго окна,
Выросло деревце шрехъ-угодливое.
Что во шомъ ли шерему
Дубовы столы стояшъ,
Дубовы столы стояшъ,
Бранны скашертни лежатъ;
На шѣхъ ли на шполахъ.
Медвяны яшвы стояшъ.

За тѣми ли ешолами
Князья, бояре сидяшь ;
Медвяны ясшвы ѣдятъ,
Сахарныя пияшья пьюшь.
Се кашайшеса, бояре,
Со висока терема,
Не сшибите деревца,
Трехъ-угодливаго.
Еще первая угода
Подъ корень деревца,
А другая - шо угода —
Посередь деревца,
А третья - шо угода,
Подъ вершину деревца.
Подъ вершиной деревца
Соловей гнѣздо вьеть,
Онъ и лица несетъ,
Молодыхъ дѣшокъ ведетъ.
Посередь деревца,
Пчелы ярыя шумяшь,
Много меду наносяшь.
Подъ корень деревца
Кровать нова песова,
Перинушка пухова;
На шой ли кровашушкѣ,
Ефимушка лежитъ,
Съ молодой своей женой
Со Оксиньюшкой душой.
А у нихъ въ головахъ

Звончашы гусли лежатъ.
И кому въ гусли играшь,
Кому пѣшишься?
Играшь въ еши гусли
Ефиму молодцу,
Ему пѣшишь, ушѣшашъ
Молоду свою жену,
Оксиньюшку душу.
Чѣмъ васъ молодцовъ
Спанушь жаловати?
Пивомъ, ендовой или спкляницей вина,
Или золошой казной?
Ничего намъ не подашь,
Мы со двора пойдемъ,
Мы осердимся.
Три бѣды мы сокуримъ :
Первую бѣду:
Вороша мы растворимъ,
Коней пару уведемъ;
А другую-то бѣду:
Избы двери растворимъ,
Мы гостей ознобимъ.
Третью-то бѣду :
Во шеремъ зайдемъ,
Мы заслонъ унесемъ,
Во печи оспудимъ,
Гостей оголодимъ,
И васъ молодыхъ
На стыдъ наведемъ.

Пѣсня еѣа поешя до пѣхъ поръ, пока молодые не подадутъ имъ въ окно вина и денегъ. Вино попчасть вышиваеѣся, а деньги берепъ спаршій подъ сохраненіе. Послѣ еѣпого поютъ слѣдующее благодареніе:

Еще здравшвуй, молодой
 Съ молодой своей женой,
 И спасибо шебъ, хозяинь,
 На жалованьи!

Припѣвъ.

Вьюнецъ молодець, молодая,
 Вьюнецъ молодець — молодая,
 Вьюнецъ молодець — молодая,
 Вьюнецъ молодець — молодой!

Такимъ образомъ, обойдя молодыхъ въ своей и окреспныхъ деревняхъ, къ вечеру всѣ паршій собираются въ какое нибудь село, гдѣ еѣсть пипейный домъ, на собранныя деньги покупаютъ вина, пряниковъ и веселятся по-своему, шо еѣсть играютъ съ дѣвками въ хороводахъ, борются и дерутся на кулачкахъ (5).

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ВЫПУСКА.

	страниц.
1. Встрѣча весны	1—16
2. Красная горка	17—46
Игры и пѣсни	29—46
3. Радуница	47—54
4. Первое Апрѣля	55—61
5. Свислопляска	62—64
6. Юрьевъ день весенній	65—80
7. Первое Мая	81—92 ✓
8. Праздникъ кукушекъ	93—98
9. Семиць ;	99—116
Семицкія пѣсни.....	117—126
10. Троицынъ день	127—140 ✓
Троицкія пѣсни.....	141—153

Дополнительныя статьи.

1. Власьевъ праздникъ.....	154—160
2. Вербная суббота.....	161—176
3. Убогіе дома.....	177—210
4. Вьюнишникъ	211—214

П Р И В А В Л Е Н І Я .

Къ стр. 77. Въ числѣ книгъ ложныхъ писанія помѣщено: *Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана Царя мучень.* см. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, изд. К. К. Москва, 1824, въ листъ, стр. 210.

Къ стр. 116. Въ селѣ *Туровскомъ*, близъ Галича, найденъ въ 1836 г. небольшой идолъ, вылитый изъ красной мѣди, мѣдная головка идола, мѣдный ножъ и изображеніе животнаго: сіи вещи теперь хранятся въ Обществѣ Исторіи и Др. Росс. По преданію, на горѣ надъ Галицкимъ озеромъ существовало капище Турово.

П О П Р А В К И .

Напечатано:

Читай:

стр. 48 Ествоъ
— 99 tölte
— 176 школы,

Финновъ и Лашышей Балтійскихъ.
töltä
школы
